2 наклейки
MD10 177

Отдѣлъ II

№ 260

374 1

№ 5248

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ

КРЕСТЬЯНЪ-СТАРОЖИЛОВЪ ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Составилъ Князь П. Костровъ.

ТОМСКЪ

Дозволено цензурою.

Печатано въ Томской губернской типографіи

1876.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

923481 V
М

„Значеніе народныхъ юридическихъ обычаевъ въ народной жизни представляется весьма важнымъ. Юридическіе обычаи, повсемѣстно распространенные въ обществѣ, по самому свойству своему, представляютъ въ высшей степени важный и интересный предметъ для изслѣдованія. Въ обычной жизни своей, народъ руководствуется не сводомъ законовъ, не уставами, учрежденіями, положеніями и т. п., исходящими отъ верховной власти, отъ правительства, а своими неписанными законами, выработанными жизнью и установившимися юридическими воззрѣніями и обычаями. Цѣлыя поколѣнія изживаютъ, незная свода законовъ, необращаясь къ писаннымъ и учрежденнымъ верховною властію законамъ. Въ сферѣ своихъ нуждъ и потребностей они живутъ своею юридическою жизнью, живутъ своею правдою и справедливостью. Такъ, въ сферѣ гражданскаго права они вступаютъ между собою въ разнообразныя юридическія отношенія, заключаютъ сдѣлки, до безконечности разнородныя, разнообразныя, мѣняютъ имущества, покупаютъ и продаютъ ихъ, нанимаютъ имущества и личныя услуги, дарятъ, берутъ въ займы и ссуды, заключаютъ брачные договоры, наслѣдуютъ и т. п. Точно также, независимо отъ писанныхъ законовъ, они дѣйствуютъ и въ сферѣ уголовнаго права, судятъ виновныхъ, караютъ ихъ тѣлесными наказаніями, лишеніемъ свободы, денежными штрафами. Они имѣютъ свои общественныя учрежденія, свой судъ, своихъ судей; ихъ учрежденія основаны на юридическихъ обычаяхъ, искони установившихся. Однимъ словомъ, они живутъ полною жизнію, безъ свода законовъ, по своимъ законамъ, присущимъ ихъ понятіямъ и воззрѣніямъ, соотвѣтственнымъ ихъ быту, условіямъ этого быта.—Вотъ почему въ высшей степени не только интересно, но полезно и даже совершенно необходимо ознакомиться съ юридическою и общественною жизнію нашего народа вообще и съ юридическими обычаями въ частности, по возможности, уловить все ихъ разнообразіе.“

Таковъ взглядъ Этнографическаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества на значеніе народныхъ юридическихъ обычаевъ, и вотъ почему, принявъ на себя задачу разработки этого интереснаго предмета, оно составило особую программу для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ. Будучи увѣрено въ общемъ просвѣщенномъ сочувствіи къ его цѣлямъ, Этнографическое Отдѣленіе обратилось ко всѣмъ лицамъ, знакомымъ съ юридическимъ бытомъ какъ русскаго народа, такъ и инородцевъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи, съ просьбою оказать ему свое содѣйствіе чрезъ собраніе по этой программѣ, или по какакому-либо ея отдѣлу, свѣдѣній.

Составленная Этнографическимъ Отдѣленіемъ программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ весьма обширна и обнимаетъ собою: А., Гражданское право Б., Уголовное право и В., Общественный бытъ, судъ и расправу по народнымъ понятіямъ.

Даже при поверхностномъ взглядѣ на такую программу, нельзя неубѣдиться, что удовлетворительное выполненіе ея по всѣмъ частямъ требуетъ не только весьма глубокаго знакомства со всею юридическою дѣятельностію народа, но и весьма продолжительнаго времени. По этой причинѣ и желая, по возможности, поспѣшнѣе удовлетворить желаніе Этнографическаго Отдѣ-

ленія, мы рѣшились въ настоящей статьѣ сгруппировать, на первый разъ, только тѣ юридическіе обычаи, которые существуютъ между православными крестьянами—старожилами Томской губерніи Говоримъ—между *православными крестьянами—старожилами* потому, что, кромѣ этихъ представителей сибирской народности, въ Томской губерніи есть еще крестьяне—старожилы раскольники, юридическіе обычаи которыхъ, равно какъ юридическіе обычаи инородцевъ, могутъ составить предметъ особыхъ монографій. Что касается до крестьянъ—переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній, крестьянъ—водворенцевъ изъ сѣверо-западнаго края, наконецъ—ссыльныхъ изъ всѣхъ мѣстностей Европейской Россіи, то собраніе юридическихъ обычаевъ этой части населенія губерніи, по мнѣнію нашему, не только весьма затруднительно, но и едва-ли возможно, такъ-какъ всѣ эти люди, прибывъ сюда, волею—неволею подчиняются окружающей ихъ средѣ, мѣшаются съ кореннымъ населеніемъ и скоро видоизмѣняютъ свои юридическіе взгляды, а потомъ и совсѣмъ оставляютъ ихъ для новыхъ, выработанныхъ или православными крестьянами—старожилами, или крестьянами—старожилами раскольниками.

Въ области права каждое явленіе, обратившееся въ юридическій обычай, есть результатъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ ему подобныхъ—же явленій, получившихъ начало при извѣстныхъ условіяхъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ исторической жизни народа. Поэтому, излагая какой-либо отдѣлъ юридическихъ обычаевъ, существующихъ между православными крестьянами—старожилами Томской губерніи въ настоящее время, мы вездѣ старались, по возможности, хотя въ нѣсколькихъ чертахъ, указать тѣ историческія условія, при которыхъ сдѣлалось возможнымъ существованіе того или другаго юридическаго явленія, юридическаго обычая.

Программа замѣчаетъ, что, при объясненіи того или другаго обычая, необходимо въ точности означать мѣсто, гдѣ именно собраны свѣдѣнія (указывая губернію, уѣздъ или округъ, волость и даже селеніе), а также, если возможно, присовокуплять—составляетъ ли обычай принадлежность данной мѣстности, или-же существуетъ и въ другихъ мѣстахъ, въ той же или иной формѣ Собирать также, если возможно, свѣдѣнія—Составляетъ ли извѣстный обычай принадлежность русскаго населенія, или извѣстенъ и между инородцами, или заимствованъ даже у послѣднихъ. Точно также слѣдуетъ обращать, по этой причинѣ, вниманіе на юридическіе обычаи инородческіе, опредѣляя, когда представится возможность, какое вліяніе русскіе обычаи имѣютъ на инородческіе и наоборотъ, такъ какъ бываетъ, что и русскіе обычаи ведутъ свое начало отъ инородческихъ.

Между православнымъ старожильческимъ населеніемъ Томской губерніи существуютъ почти вездѣ одни и тѣ-же юридическіе обычаи: измѣняется по мѣстамъ—только одна наружная ихъ оболочка, сущность-же остается одна и та-же. Поэтому, мы сочли излишнимъ означать мѣста, гдѣ именно собраны свѣдѣнія, относящіяся къ тому или другому предмету,—ибо, въ такомъ случаѣ, потребовалось—бы безпрестанно повторять одно и то же—одни и тѣ-же округа, волости и селенія. Но если въ какой либо мѣстности существуетъ обычай, рѣзко отличающійся отъ подобныхъ-же обычаевъ въ другихъ мѣстностяхъ губерніи, то эти мѣстности у насъ поименованы. Точно также мы обратили вниманіе на инородческіе обычаи, указавъ тѣ изъ нихъ, которые сходны съ русскими. Но опредѣленіе того, русскіе—ли обычаи ведутъ начало отъ инородческихъ или наоборотъ,—необходимо отложить до другаго времени, когда накопится болѣе данныхъ, необходимыхъ для разрѣшенія относящихся къ этому предмету вопросовъ.

Такъ—какъ, по замѣчанію программы, существованіе обычаевъ всего лучше подтверждается приговорами, состоявшимися на мірскихъ сходахъ, или въ крестьянскихъ судахъ и у Мировыхъ Посредниковъ, то Этнографическому Отдѣленію желательно было—бы получить самые приговора, на нихъ основанные.

Въ исполненіи этой части программы мы встрѣтили то—же самое затрудненіе, какое встрѣчено при обозначеніи мѣсть, гдѣ существуетъ тотъ или другой обычай: такъ—какъ всѣ приговора составляются на основаніи почти однихъ и тѣхъ—же юридическихъ обычаевъ, то пришлось—бы приготовить коніи съ громадной массы приговоровъ. Однако—же, если случалось, что какой—нибудь приговоръ крестьянскаго суда рѣзко отличался чѣмъ—нибудь отъ другихъ подобныхъ приговоровъ, то мы старались въ подробности изложить его содержаніе подлинными словами.

Наконецъ, скажемъ нѣсколько словъ объ источникахъ нашего труда Эти источники, главнѣйшимъ образомъ, суть: во 1-хъ) различныя этнографическія замѣтки, веденныя нами постоянно въ теченіи тридцати—лѣтняго пребыванія нашего въ Сибири вообще и десяти—лѣтняго пребыванія въ Томской губерніи въ частности, и во 2-хъ) рѣшенія волостныхъ судовъ и волостныхъ расправъ, изъ числа которыхъ мы разсмотрѣли болѣе 3 т. рѣшеній. За тѣмъ, немало весьма интересныхъ фактовъ доставили намъ архивныя дѣла Томскаго Общаго Губернскаго Управленія, Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, Губернскаго Суда и Духовной Консисторіи.

Во всякомъ случаѣ, мы сами считаемъ нашъ трудъ на столько неудовлетворительнымъ и неполнымъ, что печатаніе его въ настоящее время имѣетъ ту единственную цѣль, чтобы лица, ближе насъ стоящіе къ народу или лучше насъ знакомые съ нимъ,—напримѣръ, мировые посредники, сельскіе священники и др.,—могли доставить намъ или въ Статистическій Комитетъ тѣ замѣченія и поправки, которыя они найдутъ необходимыми сдѣлать. Можемъ увѣрить всѣхъ и каждаго, что всякое дѣльное замѣчаніе будетъ принято нами съ истинною благодарностью.

А) ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Изъ области Гражданскаго права мы должны разсмотрѣть слѣдующіе отдѣлы: 1) право семейственное; 2) юридическія отношенія членовъ семьи вообще; 3) опеку и попечительство и 4) способы пріобрѣтенія собственности.

1) Право Семейственное.

Прежде всего считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на то, изъ какихъ элементовъ образовалось семейство Томскаго крестьянина—старожила, въ какой степени эти элементы сплотились между собою и подъ какимъ вліяніемъ происходило и происходитъ дальнѣйшее ихъ развитіе.

Во второй половинѣ XVI вѣка, бездомовая шайка донскихъ казаковъ, тѣснимая и преслѣдуемая правительствомъ за грабежи и разбои, ринулась сперва въ страну, прилегающую къ Уралу, а потомъ и въ Сибирь, которая еще задолго до того была извѣстна богатствомъ пушнаго звѣря, слыла имѣющею золотое дно. На пути встрѣтились ей разныя племена финскаго и туркскаго происхожденія, которыя, по малочисленности и раздробленности своей, немогли долго противостоять нашимъ отважнымъ искателямъ приключеній. Около конца XVI в., казаки утвердились уже на Иртышѣ, вошли въ Обь, потянулись вверхъ по этой рѣкѣ, строили вездѣ острожки и города,— и, такимъ образомъ, мало—помалу, овладѣли почти всею страною, составляющею теперь территорію Томской губерніи, за исключеніемъ южныхъ ея предѣловъ.—Вслѣдъ за казаками и служилыми людьми, посылавшимися правительствомъ для понесенія службы во вновь устроенныхъ острожкахъ и городахъ, потянулись въ Сибирь толпы разнаго рода торговыхъ, промышленныхъ, гулящихъ и бѣглыхъ людей, преимущественно изъ Перми, Вятки, Верхотурья, Сольвычегодска и Устюга Великаго. Всѣ эти люди, изъ разныхъ мѣстностей, съ разными нравами и обычаями, были, большею частію, люди молодые, холостые или, покрайней мѣрѣ, являлись въ Сибири безъ женъ.— Вслѣдствіе этого, по совершенной невозможности обойтись безъ женщинъ, они должны были постоянно похищать, уводить въ плѣнъ, а иногда и покупать женщинъ и дѣвушекъ разныхъ инородческихъ племенъ и жить съ ними, какъ съ женами, хотя они и небыли крещены. „Вѣдомо намъ учинилось отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые прежде сего бывали въ Сибири,—писалъ Патріархъ Филаретъ Сибирскому Архіепископу Кипріану въ 1622 г.,—что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не крестьянскими обычаи, но по своимъ сквернымъ похотямъ: многіе—де русскіе люди съ татарскими и съ остяцкими и съ вогулицкими погаными женками смѣшаются и стыдная дѣютъ, а иные живутъ съ татарскими некрещеными, какъ есть съ своими женами, и дѣютъ съ ними противность.“ [1]) Во время набѣговъ калмыковъ и киргизовъ на Томскій и Кузнецкій уѣзды, въ 1673 г., казаки и служилые люди уводили въ плѣнъ инородческихъ женщинъ по 100 и болѣе. Въ 1674 г. Томскіе служилые люди взяли въ плѣнъ у Чорныхъ калмыковъ жонъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, болѣе 400 человѣкъ. [2]) При крайнемъ недостаткѣ русскихъ женщинъ въ Сибири, правительство иногда высылало ихъ сюда, набирая или изъ числа преступницъ, или изъ числа промышлявшихъ развратомъ, а иногда предписывало воево-

---

[1]) Соб. Госуд. грам. и догов III, № 60.
[2]) Дополн. къ акт. истор. VI, 322.

дамъ женить служилыхъ людей на инородкахъ, лишь—бы онѣ были крещены. Такъ, въ 1630 г., по царскому указу, препровождено было въ Сибирь 150 дѣвокъ, набранныхъ въ Тотьмѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ; такъ, въ 1664 г., въ наказѣ Тобольскому воеводѣ Голицыну, предписывалось: „крещеныхъ жонокъ и дѣвокъ татарскихъ, калмыцкихъ, остяцкихъ и другихъ выдавать замужъ за служилыхъ людей.“ [3])—Съ другой стороны, инородцы также стали креститься и при первой возможности вступать въ бракъ съ русскими женщинами, какъ ни недостаточно было этихъ послѣднихъ въ старой Сибири. Въ Томскомъ краѣ подобные смѣшанные браки были весьма обычны между русскими и татарами, киргизами и калмыками, отчего здѣсь русское населеніе, по свидѣтельству Татищева, представляло разные росты и обличія и было „смѣшанной природы калмыцкой, татарской и киргизской“ [4]) Изъ такого скрещиванія, очевидно, должно было народиться особое, смѣшанное поколеніе людей, составлявшихъ довольно замѣтную областную разновидность русскаго народа, съ особеннымъ, смѣшаннымъ, европейско—сибирскимъ или великорусско—инородческимъ типомъ.—Конечно, Русская раса, какъ болѣе крѣпкая и сильная, одерживала въ этихъ скрещиваніяхъ перевѣсъ; однако-жь, тѣмъ неменѣе, вездѣ, гдѣ русскіе смѣшивалясь съ инородческими племенами, они усвояли себѣ тѣ—же умственныя и нравственныя черты, какими отличались и туземныя племена Отъ того, между юридическими обычаями нынѣшнихъ крестьянъ—старожиловъ Томской губерніи нерѣдкость встрѣтиться лицомъ къ лицу съ обычаемъ, существующимъ у какого—нибудь инородческаго племени. Но прослѣдимъ дальнѣйшую исторію заселенія Томскаго края. Въ началѣ XVIII в. русская колонизація стала приближаться къ предгоріямъ Алтая. Въ 1725 г., извѣстный Демидовъ, получивъ свѣдѣніе о нахожденіи въ Колыванскихъ горахъ богатыхъ рудъ, послалъ туда, для разработки ихъ, нѣмецкихъ рудокоповъ, находившихся у него на Уралѣ, а чрезъ два года переселилъ туда съ Урала и часть своихъ рабочихъ. Между ними находилось много бѣглыхъ людей, которыхъ онъ имѣлъ привиллегію принимать и не отдавать владѣльцамъ. Тарскій, Кузнецкій и Томскій уѣзды также посылали къ нему лѣнивыхъ крестьянъ, которыхъ онъ заставлялъ работать, платя за нихъ подушныя деньги. [5]) Потребность въ женщинахъ увеличилась еще болѣе, и въ 1759 г. было опредѣлено поселить на Сибирскую линію годныхъ для замужества ссыльныхъ женщинъ. Сибирская Губернская Канцелярія предписала Тарской Воеводской Канцеляріи „посланныхъ для распредѣленія на поселеніе пересыльныхъ жонокъ собравъ, воеводѣ и управителю персонально учинить имъ осмотръ, и годныхъ для замужества отправить въ Омскъ къ бригадиру Фрауендорфу.“ [6]) При Екатеринѣ II, послѣ того уже, какъ въ Бухтарминскій край проникли русскія семьи, принято заселеніе мѣстъ, прилегавшихъ къ Царицынымъ заводамъ. Тогда обратили особенное вниманіе на Иртышскую и Кузнецкую линіи и на все за—Каменье или Усть—Каменогорскій край, ссылали туда каторжныхъ, велѣли принимать крестьянъ всякаго званія для поселенія въ Сибирь, съ зачетомъ владѣльцамъ за рекрутъ и съ платежемъ денегъ за ихъ женъ и дѣтей. Кромѣ того, правительство, разрѣшивъ бѣглымъ раскольникамъ свободно возвращаться въ Россію, дозволило имъ селиться на Барабинской степи и на югѣ Томской губерніи по рѣкамъ Убъ,

---

[3]) Idem., 360.
[4]) Поповъ—Татищевъ и его время, 571.
[5]) Фалькъ. Полн. собр. пут. по Р. т. VI, 448 и 449.
[6]) Потанинъ. Матеріалы для исторіи Сибири. М. 1867 г.

Ульбѣ и другимъ. Выводимые изъ Польши наши бѣглые, оказавшіеся негодными для предположенныхъ, на защиту Сибири, ландмилицкихъ полковъ, были разсѣяны въ Сибири для земледѣлества. Поселенныя на самомъ югѣ, близъ Усть—Каменогорска, семьи, по причинѣ прежняго жительства въ польскихъ предѣлахъ, несмотря на вѣковую давность, досихъ поръ именуются еще отъ старожиловъ „поляками." Ссылка преступниковъ и преступницъ на поселеніе во всѣ мѣста нынѣшней Томской губерніи продолжалась безъ перерыва до 1808 г., когда Алтайскій горный округъ, составляющій собственность Кабинета Его Императорскаго Величества, изъятъ отъ этого, въ огражденіе нравственности его населенія. Съ того времени. поселенцы водворялись, обыкновенно, только въ трехъ округахъ губерніи—Каинскомъ, Томскомъ и Маріинскомъ.— Но и относительно тѣхъ крестьянъ, которыхъ само правительство переселяло сюда съ зачетомъ за нихъ рекрутскихъ квитанцій помѣщикамъ или обществамъ, обращалось вниманіе, главнымъ образомъ, на годность къ работамъ на пашни и возрастъ отъ пятнадцати до сорока пяти лѣтъ, безъ справокъ о поведеніи. При Императорѣ Александрѣ I-мъ, въ первые годы его царствованія, переселено въ Сибирь на счетъ казны 930 семей съ Кавказа, изъ которыхъ 165 семей остались въ Томской губерніи. До окончанія Отечественной Войны, нѣсколько польскихъ плѣнныхъ размѣщены были по квартирамъ въ Западной Сибири и особенно въ Томской губерніи. Хотя, по окончаніи военныхъ дѣйствій, имъ предоставлено было возвратиться на родину, однако-жъ нѣкоторые сами не захотѣли воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ, остались здѣсь и потомъ вошли въ составъ станичныхъ казаковъ.— Обнародованный въ 1822 г. указъ дозволилъ безразлично всѣмъ казеннымъ крестьянамъ переселяться въ Сибирь на тѣхъ—же основаніяхъ, на какихъ переселеніе это дозволено въ великороссійскихъ губерніяхъ.— Съ 1846 г. начинается въ Сибири особый разрядъ жителей, не бродягъ и не ссыльныхъ преступниковъ, не лишаемыхъ правъ состоянія, но и недобровольныхъ переселенцевъ: это разрядъ ссылаемыхъ по Уложенію о Наказаніяхъ на житье, вслѣдствіе произведеннаго надъ ними суда, независимо отъ того разряда низшаго класса, который до сихъ поръ ссылался по особымъ распоряженіямъ правительства и по приговорамъ мірскихъ обществъ. Наконецъ, во время послѣднихъ смутъ въ Польшѣ и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, въ Сибирь вообще и въ Томскую губернію въ частности сослано нѣсколько тысячъ водворенцевъ, поселившихся въ селеніяхъ старожиловъ и вступившихъ съ ними болѣе или менѣе въ семейныя связи.

Таковы были разнородные элементы, изъ которыхъ болѣе или менѣе образовалась семья нынѣшняго крестьянина—старожила Томской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что сплотить эти элементы между собою, сгладить ихъ особенности, оживотворить однимъ нравственно—религіознымъ духомъ,—могло только православіе. Посмотримъ, на сколько удалось ему достигнуть этого.

Православіе распространялось въ Сибири или посредствомъ монастырей, или посредствомъ бѣлаго духовенства.

Въ старинной Сибири монастыри были немногочисленны и въ нихъ находились одни только престарѣлые монахи. Кромѣ того, монастыри были здѣсь не хранителями и разсадниками христіанской нравственности и благочестія, а скорѣе богадѣльнями и сельско—хозяйственными колоніями Здоровые люди стремились къ прибыльной дѣятельности, старались пріобрѣсти не царство небесное, но земное имущество: они не шли въ монахи, и чтобы

населить монастыри хоть кѣмъ-нибудь, въ нихъ посылали вдовыхъ поповъ и штрафныхъ монаховъ. Въ Томскомъ краѣ былъ, существующій и до сихъ поръ, только одинъ мужскій монастырь—Алексѣевскій, окончательно устроенный въ 1663 г. Монастырь этотъ былъ бѣденъ и въ немъ находилось до того незначительное число братіи, что некому было священнодѣйствовать, а потому въ 1744 г. Сибирскій и Тобольскій Митрополитъ Антоній сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы забрать туда вдовыхъ священниковъ. Часто ссылались туда для содержанія въ „приличныхъ трудѣхъ неисходне“ такіе монахи, которые не разъ находились въ бѣгахъ изъ другихъ монастырей и, по сыску, были наказаны при архіерейскомъ дворѣ плетьми. Вслѣдствіе этого, понятно, что Алексѣевскій монастырь немогъ имѣть никакого особенно благотворнаго вліянія на нравственно—религіозное воспитаніе своей, разбросанной на огромномъ пространствѣ, паствы. Мало того, онъ равнодушенъ былъ къ этому дѣлу даже и по близости, въ самомъ Томскѣ, и Архимандриты его, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ Закащиками или Благочинными Томскихъ церквей, обманывали свое начальство, представляя ему отчеты о своей дѣятельности. Такъ, Митрополитъ Антоній въ 1735 г. писалъ Архимандриту Алексѣевскаго монатыря Порфирію: „присланная отъ тебя за прошлый 731 годъ вѣдомость о исповѣдавшихся и причастившихся всего города Томска и съ уѣздомъ жителихъ весьма явная быти подзорна или, паче рещи, неправедна. Понеже неудобно есть, чтобы въ Томскомъ множествѣ народа вси сподобилися быть у святаго причащенія. Но какъ видно въ епархіи нашей изъ присланныхъ отъ прочихъ Закащиковъ вѣдомостей, что и въ невеликихъ селахъ многіе по случаямъ и за отлученіемъ отъ домовъ своихъ небывали у святаго причастія, а нетакъ, какъ ты показалъ безсовѣстно толикое множество народа причастившимися всѣхъ. На что ясный доводъ вашей неправдѣ предлагаемъ. Здѣ, во градѣ Тобольску, при лицѣ нашего Архіерейства, многіе небываютъ у святаго причащенія, а все по правильнымъ винамъ, а другіе по разнымъ случаямъ, да еще въ такомъ градѣ, гдѣ суевѣріе раскольническое жестоко искореняется. Что-же ты на сіе ясній отвѣтъ принесешь къ своему оправданію? Гдѣ множество народа или, паче рещи, самое дно раскольническое содержится, а ты таковыхъ всѣхъ показалъ коварнымъ охраненіемъ христіанами!“ [7])— Бѣлымъ духовенствомъ старинная Сибирь была также бѣдна и оно неудовлетворяло самымъ снисходительнымъ нравственнымъ требованіямъ. Архивъ Алексѣевскаго монастыря сохранилъ множество фактовъ о самыхъ возмутительныхъ поступкахъ бѣлаго духовенства первой половины XVIII в.—Въ Іюлѣ м. 1726 г., вдова д. Атамановой Татьяна Осипова подала Прикащику Берскаго острога Соколову слѣдующее прошеніе на попа того острога Осипа Сергѣева: „Іюля 4 дня пріѣхалъ Боровдиной деревни крестьянинъ Иванъ Кунгурцевъ къ ней, Татьянѣ, въ домъ и ее, Татьяну, взялъ съ собою и привезъ въ деревню Атаманову въ домъ бѣломѣстному казаку Василью Звѣреву, и въ то де время Берскій попъ Осипъ у него Звѣрева, стоялъ въ сѣняхъ, и какъ де она, Татьяна, въ сѣни вышла, и въ то время помянутый попъ, заперши сѣни, а онаго Звѣрева жену Аграфену отославъ въ избу, ее, Татьяну, схватилъ за воротъ и, поваливъ, блудное учинилъ насиліе, и послѣ де того, она, Татьяна, стала на него, попа, извѣщать тутошнимъ обывателямъ, и онный попъ на другой день взялъ ее въ домъ къ крестьянину Ивану Тюленеву и стегалъ плетьми и она де, Татьяна, у него, попа, прежде была на исповѣди.“—Въ 1728 г. Томскаго уѣзду Каргачинской волости выборный челобитчикъ князецъ Иванъ Ивановъ

---

[7]) Изъ дѣлъ Алексѣевскаго монастыря.

подалъ Митрополиту Антонію слѣдующее прошеніе: „Волости нашей обрѣтающійся при церкви попъ Ѳедоръ Ѳедоровъ чинитъ намъ великія обиды, а новокрещенныхъ погребать безъ взятку нехочетъ, а ежели которые новокрещеные помрутъ, то отъ скуднаго беретъ отъ погребенія по полтинѣ, а съ богатыхъ по рублю и по два и по коню, а безъ того погребать нехочетъ, а отъ вѣнчанія и обручанія беретъ по сорока алтынъ и больше, а безъ того и обручать нехочетъ-же; а буде денегъ недадимъ, то корову или коня беретъ, отъ чего намъ имѣется великое разореніе; а когда съ сестрою поѣдетъ съ крестомъ въ праздники по дворамъ или кто ему денегъ недастъ на потребу, то окна и двери выламываетъ, и бранитъ, и бьетъ палками.“— Въ 1733 г. Томской Воскресенской церкви попъ Никита Бурцевъ и Соборной церкви попъ Андрей Заводовскій доносили Митрополиту Антонію на попа Ивана Пачинцева, что „онъ, попъ, двучеловѣкъ—церковнаго своего дьячка да мірянина—рѣзалъ ножомъ, и въ растлѣніи имъ, попомъ, дѣвки Ѳеклы, и въ вѣнчаніи 24 свадебъ безъ памятей, корыстуясь взятками немалыми, да Томскаго города о попѣ Дмитріѣ Великосельскомъ и вѣнчаніи имъ Ивана Раецкаго не въ указные дни, т. е. на сырной недѣлѣ въ четвертокъ, который де попъ и креститъ по солнцу и погребаетъ умершія безъ покаянія и безъ причастія противно правиламъ, да въ Воскресенскомъ де приходѣ о пребывающемъ старшемъ попѣ Афанасіѣ Большанинѣ въ восьмидесяти лѣтѣхъ, который, неслужа лѣтъ 10-ть, прихожанъ его въ домѣ своемъ и по другимъ многимъ домамъ тайно исповѣдываетъ и умершихъ безъ покаянія при церкви погребаетъ.“ Но подобныхъ примѣровъ можно привести множество. Церквей было мало. Иногда въ бѣдные приходы нельзя было по цѣлымъ годамъ залучить священно—церковнослужителей и духовное вѣдомство принуждено было командировать туда священниковъ поочереди, какъ, напримѣръ, въ Каинскъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Нѣкоторыя церкви стояли безъ службы, по неимѣнію свѣчей, книгъ и т. п.—При такомъ порядкѣ вещей, народъ, оставаясь внѣ всякаго нравственно—религіознаго вліянія, не только сдѣлался совершенно индифферентенъ къ религіи, и въ особенности къ обрядовой ея сторонѣ, но, напротивъ, тяготѣлъ даже къ язычеству—Еще въ половинѣ XVII в. Верхотурскій воевода Всеволжскій писалъ прикащику Ирбитской слободы Барыбину, что „въ Сибири, въ Тобольску и иныхъ Сибирскихъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, мірскіе всякихъ чиновъ люди, и жены ихъ, и дѣти, въ Воскресные и Господскіе дни и великихъ святыхъ, во время святаго пѣнія, къ церквамъ Божіимъ неходятъ, и умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое метежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми; и отъ тѣхъ сатанинскихъ учениковъ въ православныхъ христіанехъ учинилось многое неистовство: многіе люди, забывъ Бога и православную хрестьянскую вѣру, тѣмъ прелестникомъ, скоморохомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прельщеніе сходятся по вечерамъ на позорища, и на улицахъ и на полѣхъ богомерзкихъ ихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ, мужскаго и женскаго полу, въ городѣхъ и уѣздѣхъ, бываютъ со многимъ чародѣйствомъ и волхвованіемъ и многихъ людей тѣмъ своимъ чародѣйствомъ прельщаютъ: а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ въ домъ къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхованіе и отъ правовѣрія крестьянъ отлучаютъ; да въ городѣхъ—же и въ уѣздѣхъ отъ прелестниковъ и отъ малодушныхъ людей дѣлается бѣсовское сонмище, сходятся многіе люди мужскаго и женскаго полу по зорямъ и въ ночи чародѣйствуютъ, съ солничнаго схода перваго дни луня смотрятъ и въ громное громленіе на рѣкахъ и озерахъ купаются, чаютъ себѣ отъ того здравія, и

съ серебра умываются, и медвѣди водятъ и съ собачками пляшутъ, и зернью и карты и шахматы и лодыгами играютъ, и чинятъ безчинное скаканіе и плясаніе и поютъ бѣсовскія пѣсни, и на Святой недѣлѣ жонки и дѣвки на доскахъ скачутъ, а о Рожествѣ Христовѣ и до Богоявленьева дни сходятся мужскаго и женскаго полу многіе люди въ бѣсовское сонмище, по дьявольской прелести, во многое бѣсовское дѣйство, играютъ во всякія бѣсовскія игры; а въ навечеріе Рожества Христова, и Васильева дни, и Богоявленія Господня, клички бѣсовскія кличутъ, Коляду и Таусень и Плутуху и многіе человѣцы, неразуміемъ, вѣруютъ въ сонъ, и въ встрѣчю, и въ полохъ, и въ птичій грай, и загадки загадываютъ, и сказки сказываютъ небылые, и празднословіемъ и смѣхотвореніемъ и кощунеміемъ души свои губятъ такими помраченными и беззаконными дѣлами, и накладываютъ на себя личины и платье скоморожское, межъ себя наряди бѣсовскую кобылку водятъ: и въ такихъ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадаютъ, и незаконною смертью умираютъ и въ той прелести православные христіане погибаютъ, и съ качели многіе убиваются до смерти. Да въ городахъ—же и у уѣздныхъ людей у многихъ бываютъ на свадьбахъ всякіе безчинники и сквернословцы и скоморохи, со всякими бѣсовскими игры, и уклоняются православные христіане къ бѣсовскимъ прелестямъ и въ пьянству; а отцовъ духовныхъ, и по приходамъ поповъ, и учительныхъ людей наказанья не слушаютъ, и за наказанья отцомъ духовнымъ и приходскимъ попомъ и учительскимъ людемъ поруганіе и укоризну и безчестье и напосъ дѣлаютъ." [3]) Подобныя жалобы, въ особенности со стороны духовенства, не переставали раздаваться во все продолженіе XVII и XVIII вѣковъ. Онѣ раздаются, и не безъ основанія, даже и теперь.

А, между тѣмъ, расколъ, появившійся въ Сибири тотчасъ-же послѣ появленія своего въ Москвѣ, дѣлалъ и продолжаетъ дѣлать свое дѣло.

Существованіе въ Томской губерніи раскола объясняется нѣкоторыми географическими особенностями края и исторіей его колонизаціи.—Занимая площадь земли, равняющуюся приблизительно 760,000 кв. верст., Томскій край занимаетъ огромныя пространства, заросшія дѣвственно—непроходимыми лѣсами или покрытыя каменными неприступными хребтами горъ, со множествомъ дикихъ ущелій. Подобныя мѣста представляли и представляютъ всевозможныя выгоды для водворенія въ нихъ и организаціи раскольничьихъ общинъ, безъ всякаго опасенія преслѣдованій со стороны мѣстныхъ властей, такъ—какъ эти власти, всегда ограниченныя въ своихъ средствахъ, никогда неимѣли никакой физической возможности проникнуть въ эти отдаленныя, заповѣдныя мѣста. Здѣшнія тайги таковы, что любой сектаторъ, удалясь неболѣе 100 верстъ отъ жилья, находитъ вокругъ себя такую пустыню, въ которой о существованіи его узнаетъ, можетъ быть, чрезъ нѣсколько лѣтъ случайно забредшій звѣроловъ и которая, между тѣмъ, представляетъ ему все, необходимое для его неприхотливой жизни, соотвѣтствующей религіозному его міросозерцанію, такъ что онъ можетъ сколько угодно прожить въ своемъ убѣжищѣ, безъ всякой нужды въ чьей—либо посторонней помощи. Отсюда—появленіе отъ времени до времени въ разныхъ мѣстахъ губерніи, напримѣръ, въ Маріинскомъ, Томскомъ и Каинскомъ округахъ, раскольничьихъ скитовъ, даже съ значительнымъ населеніемъ, о

[3]) Акты истор. IV, № 35.

существованіи которыхъ мѣстныя власти узнаютъ только случайно, по темнымъ и сбивчивымъ народнымъ слухамъ, немѣя ни какой возможности даже удостовѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, потому что въ такомъ случаѣ пришлось-бы предпринимать настоящую экспедицію, со всѣми предосторожностями, какія обыкновенно соблюдаются при снаряженіи экспедицій для изслѣдованія неизвѣстныхъ и безлюдныхъ странъ. То-же самое должно сказать и о гористой, южной части губерніи. Здѣсь Алтай съ своими безчисленными отрогами и своими дикими, малоизвѣстными ущеліями и между тѣмъ съ своею богатою природою, представляетъ такой надежный пріютъ для раскола, что онъ считаетъ его какъ—будто—бы своею обѣтованною землею. Поэтому—то здѣсь, въ верховьяхъ рѣчной системы Бухтармы, въ XVIII в образовалось нѣсколько раскольничьихъ селеній, извѣстныхъ и теперь подъ именемъ селеній „Каменьщиковъ"; по этому—то и теперь раскольники нетолько изъ Сибири, но и изъ Россіи стремятся на Алтай, отыскивая тамъ, гдѣ-то близъ Китайской границы, какую-то баснословную страну, извѣстную между ними подъ именемъ „Бѣловодья."—Но если, съ одной стороны, географическія условія мѣстности, занимаемой Томскимъ краемъ, представляютъ всѣ удобства для водворенія на ней и распространенія раскола, то, съ другой стороны, исторія колонизаціи этого края, какъ и всей Сибири, показываетъ, что какъ первое его заселеніе, такъ и дальнѣйшіе наплывы состояли изъ людей весьма шаткихъ религіозныхъ убѣжденій, во всякомъ случаѣ склонныхъ къ расколу и лишенныхъ всякаго нравственно религіознаго вліянія со стороны православнаго духовенства. Въ среду такого-то населенія стали ссылать въ послѣдствіи времени всѣхъ начальниковъ раскола, всѣхъ коноводовъ той партіи, которая заявила себя недовольною исправленіемъ священныхъ книгъ. Понятно, какое вліяніе должны были имѣть эти люди на массу сибиряковъ. Въ 1656 г. сосланъ былъ въ Тобольскъ извѣстный глава раскола того времени протопопъ Аввакумъ и едва было несдѣлалъ своимъ приверженцемъ тогдашняго воеводу, князя Хилкова.—Около 1677 г изъ Сибири на Москву стали приходить вѣсти, что въ Тюмени сынъ калмыцкаго толмача Никита Елизарьевъ говорилъ: „которыя церкви сгорѣли въ Тобольскѣ, и то были не церкви, костелы"; священниковъ называлъ псами. Призванный къ допросу, раскольникъ объявилъ, что троеперстнымъ проклятымъ сложеніемъ некрестится —Отецъ молодаго раскольника, толмачъ, пришелъ въ Приказную избу и объявилъ, что четвероконечный крестъ—антихристова печать. Обоихъ били нещадно кнутомъ и отдали на поруки. Въ Тюмени-же въ 1677 г. въ соборной церкви трое мужчинъ и одна монахиня, во время херувимской, закричали: „православные христіане! не кланяйтесь, несутъ мертвое тѣло и на просвирахъ печатаютъ крыжомъ, антихристовой печатью". Крикуновъ взяли въ Приказную избу, гдѣ они объявили, что пришли на Тюмень изыскивать истинной вѣры. Ихъ били нещадно кнутомъ и посадили въ земляную тюрьму.—Въ Тобольскомъ уѣздѣ, на рч. Берцовкѣ, около того-же времени, монахъ Даніилъ завелъ пустынь и поставилъ часовню и кельи. Здѣсь пѣли вечерню, заутреню и часы; Государя, Царскій домъ, патріарха и сибирскаго митрополита непоминали, православныхъ христіанъ называли еретиками. Въ этой-же пустыни старицы и дѣвки бились о землю и кричали, что видятъ пресвятую Богородицу и небо отверзто, ангелы вѣнцы держатъ тѣмъ людямъ, которые въ той пустыни постригаются. Слыша такую прелесть, многіе всякихъ чиновъ люди, оставя домы, имѣніе и скотъ, бѣжали въ пустынь съ женами и дѣтьми и постригались.— Тобольскій воевода Шереметьевъ послалъ отрядъ войска захватить Даніила; но войско, вмѣсто пустыни, нашло только кучи пепла: Даніилъ съ единомышленниками своими сжегся въ избахъ ночью, а дру-

гіе разбѣжались. [9]) Примѣръ Даніила подѣйствовалъ и на другихъ. Въ 1692 г., недалеко отъ Тюмени, бывшій Тюменскій попъ Даметіанъ, собравъ около себя до 1700 человѣкъ раскольниковъ, убѣдилъ ихъ принять огненное крещеніе. Съ этою цѣлью, построены были въ глухомъ, таёжномъ мѣстѣ огромные сараи и собраны необходимые горючіе матеріалы. Митрополитъ Павелъ послалъ духовныхъ лицъ, а Тобольскій воевода цѣлую команду для отвращенія несчастныхъ изувѣровъ отъ пагубнаго намѣренія; ко многимъ изъ нихъ приходили родители, дѣти, родственники и друзья, со слезами умоляя ихъ негубить себя и, несмотря ни начто, несчастные фанатики сожглись всѣ до одного.—Около того-же времени, недалеко отъ Томска, въ глухой тайгѣ, одинъ изъ учениковъ попа Дометіана, нѣкто Васька Шапошниковъ, собралъ также до 400 человѣкъ своихъ единомышленниковъ и съ ними крестился огненною смертію. [10])—Въ 1756 г., недалеко отъ нынѣшняго заштатнаго города Колывани, по убѣжденію какого-то фанатика Семена Шадрина, сожглось 175 человѣкъ.—Кромѣ помянутыхъ ересіарховъ, были здѣсь и другіе, какъ напримѣръ: Оська Астанинъ, Яковъ Лепихинъ, монахъ Авраамъ, монахъ Капитонъ.—Въ 1764 г., по повелѣнію Императрицы Екатерины II, Генералъ Масловъ вывелъ изъ Вѣтки, мѣстечка Могилевской губерніи, 20,000 раскольниковъ, предки которыхъ поселились тамъ въ XVII в. Всѣ они водворены въ Сибири и большею частію въ нынѣшнемъ Алтайскомъ Горномъ округѣ.—Съ разрѣшеніемъ крестьянамъ малоземельныхъ великороссіскихъ губерній переселяться въ Сибирь, въ Томскую губернію потекли, въ числѣ ихъ, толпы раскольниковъ, находя пріютъ и радушіе у своихъ единовѣрцевъ. Кромѣ того, сюда ежегодно поступаетъ нѣсколько десятковъ человѣкъ раскольниковъ, ссылаемыхъ за преступленія.—Совокупность всѣхъ этихъ причинъ произвела то, что въ настоящее время расколъ въ Томской губерніи представляетъ плотно—сложившуюся общину, которая хотя и неразвивается оффиціальнымъ присоединеніемъ къ ней православныхъ, но которая, тѣмъ неменѣе, имѣетъ въ числѣ православныхъ огромную массу своихъ сторонниковъ.

Все вышеизложенное мы считали необходимымъ сказать, чтобы, по мѣрѣ возможности, представить въ настоящемъ свѣтѣ тѣ семейно—юридическіе обычаи нашихъ крестьянъ—старожиловъ, къ которымъ мы теперь обращаемся.

Выше уже замѣчено, что Сибирь прежняго времени была бѣдна русскими женщинами. Поэтому, нѣкоторыя колоніи русскихъ размножались исключительно путемъ брачнаго сожитія родственниковъ. Извѣстные на Алтаѣ Каменьщики до очень недавняго времени имѣли посторонихъ женщинъ и мужчины, обыкновенно, женились на родныхъ сестрахъ. И теперь еще, по словамъ Принтца, несмотря на ближайшее кровное родство, любовныя связи брата съ сестрой, отца съ дочерью и т. п. у Каменьщиковъ считаются дозволительными и называются просто „птичьимъ грѣхомъ“, по уподобленію птицамъ, вышедшимъ изъ одного гнѣзда. [11]) Впрочемъ, подобныя связи можно встрѣтить и въ другихъ полу-дикихъ захолустьяхъ нашего отечества. „Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ этнографовъ передавалъ намъ, говоритъ г. Шашковъ, слѣдующую сцену изъ крестьянской жизни Вятской

[9]) Соловьевъ.—Истор. Р. т. XIII, 309, 310.
[10]) Правосл. Собесѣдн. 1857 г. Три посланія Митроп. Игнатія.
[11]) Зап. Имп. Р. Г. О. 1867 г. ст. Каменьщики.

губерніи. Парень лежитъ на печи и стонетъ. Мать распрашиваетъ его, отчего онъ стонетъ. Оказывается, что онъ боленъ вслѣдствіе несчастнаго любовнаго похожденія. Мать читаетъ ему нотацію за то, что онъ связывается съ разными сторонними потаскухами; „вонъ, вѣдь есть свои кобылы", говоритъ она, указывая на дочерей." [12]) Многія отдаленныя мѣстности Томской губерніи до сихъ поръ неимѣютъ достаточнаго числа женщинъ. Священникъ Кетской церкви, въ Нарымскомъ краѣ, о. Алексѣй Ложеницынъ, въ Іюлѣ м. 1869 г., доносилъ мѣстному Преосвященному слѣдующее: „Въ теченіи двухлѣтняго служенія моего при Кетской Троицкой церкви, замѣчена мною между многими прихожанами безиравственная распутная жизнь; главною-же причиной этой безнравственности служитъ преобладаніе численности мужскаго пола надъ женскимъ, отчего въ приходѣ много мужчинъ, ищущихъ брачной жизни, а между тѣмъ невѣсты къ женихамъ относятся, какъ 1 къ 3. Кромѣ того, число лицъ мужескаго пола съ каждымъ годомъ увеличивается болѣе и болѣе поселенцами, исключительно мужчинами. Отсюда происходитъ то, что родители, надѣясь всегда имѣть жениховъ для своихъ дочерей, далеко за предѣлами совершеннолѣтія ихъ, удерживаютъ ихъ въ своемъ семействѣ для собственныхъ работъ, и при этомъ на безпорядочную жизнь своихъ дѣтей смотрятъ весьма снисходительно. Нужныя при семъ увѣщанія священника остаются тщетными, такъ что о чести женщины здѣсь нѣтъ возвышенныхъ понятій, и потому многіе женихи, желая имѣть хоть и развратную, но законную жену, годъ отъ году должны болѣе и болѣе сближаться съ мыслію оставаться навсегда въ безбрачномъ состояніи. Есть въ приходѣ семейства, въ которыхъ трое среднихъ лѣтъ мужчинъ, а женщины ни одной, или пять сыновей жениховъ у престарѣлыхъ родителей и одна дочь дѣвица, съ необыкновенною энергіею удерживаемая, на помощь престарѣлой матери, отъ брачнаго союза." Озабочиваясь возвышеніемъ нравственности своихъ прихожанъ и видя большой безпорядокъ въ ихъ семейномъ быту, священникъ ходатайствовалъ, чтобы въ приходъ Кетской церкви назначено было изъ экспедиціи о ссыльныхъ на поселеніе до 60 такихъ женщинъ, которыя были-бы способны ко вступленію въ бракъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ работамъ по крестьянскому быту, что дало—бы возможность многимъ обзавестись семействами и тѣмъ предотвратило-бы „гнусное и во многихъ случаяхъ пагубно дѣйствующее распутство." Вообще, изъ статистическихъ свѣдѣній за 1873 годъ видно, что число душъ мужескаго пола православнаго исповѣданія въ Томской губерніи простирается до 406,570, между тѣмъ какъ женскаго пола только до 393,568 душъ; слѣдовательно, число женщинъ на 13,002 д. менѣе числа мужчинъ. Какъ по этой причинѣ, такъ и по равнодушію къ постановленіямъ церкви, здѣшній крестьянинъ—старожилъ, большею частію неграмотный, незнакомый съ главнѣйшими догматами христіанства, часто незнающій даже, къ какому вѣроисповѣданію онъ принадлежитъ,—мало заботится о томъ, въ какой степени родства и свойства онъ вступаетъ въ бракъ, и если бы не встрѣчалось препятствій со стороны духовнаго вѣдомства, то браки съ ближайшими родственницами были—бы весьма часты. Въ настоящее время, ближайшія степени родства, при которыхъ вступаютъ въ браки, суть 6-я и 5-я степени. Въ 1871 году, напримѣръ, въ 6-й степени родства было совершено 13 браковъ и въ 5-й—4. Но было нѣсколько ходатайствъ о разрѣшеніи браковъ въ 4-й степени родства, что запрещено церковными постановленіями. Ближайшія степени двухроднаго свойства, при которыхъ здѣсь вступаютъ въ бракъ, суть также 6-я и 5-я.

[12]) Очеркъ истор. русск. женщины, 30.

Въ томъ—же 1871 г. въ 6-й степени свойства было совершено 17 браковъ и въ 5-й—19 При опредѣленіи степеней родства и свойства, руководствуются, обыкновенно, метрическими книгами. Впрочемъ, генеалогія всѣхъ лицъ, проживающихъ въ извѣстномъ околодкѣ, такъ немногосложна, что она хорошо извѣстна почти каждому причетнику.—Кумовство несчитается въ народѣ малѣйшимъ препятствіемъ къ браку, лишь—бы послѣдовало только разрѣшеніе на то со стороны епархіальнаго начальства. Въ 1871 г. о такомъ разрѣшеніи ходатайствовали и получили его два лица. Незаконное сожительство съ кумами встрѣчается весьма часто и считается за ничто, въ томъ соображеніи, что кумъ и кума, принимая отъ купели чужаго ребенка, дѣлаются какъ—бы отцомъ и матерью его,—слѣдовательно, какъ—бы мужемъ и женою.—Побратимство хотя существуетъ здѣсь, но встрѣчается рѣдко и не повсемѣстно. Оно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда двое мужчинъ, преимущественно молодыхъ, чувствуя особенную пріязнь другъ къ другу, мѣняются крестами, въ знакъ вѣчной, неизмѣнной дружбы, и называются *братьями крестовыми* или *названными*. Въ брачныхъ союзахъ такое побратимство неимѣетъ никакого значенія. Пріемыши здѣсь несчитаются роднею и потому могутъ вступать въ бракъ какъ съ принявшими ихъ лицами, такъ равно и съ дѣтьми ихъ. Послѣднее, впрочемъ, случается чаще.

Взаимныя отношенія между родственниками и свойственниками различныхъ степеней обусловливаются множествомъ обстоятельствъ, подвести которыя подъ извѣстныя категоріи почти невозможно. Однако-жъ, немѣшаетъ замѣтить, что между родственниками и свойственниками тѣмъ лучше взаимныя отношенія, чѣмъ больше между ними общихъ матеріальныхъ интересовъ, при которыхъ кровныя связи отходятъ уже на второй планъ.

Особенныхъ мѣстныхъ выраженій для опредѣленія отношеній родственниковъ и свойственниковъ между собою здѣсь несуществуетъ: слова—тесть, теща, свекоръ, свекровь, зять, сноха (сношенница), вотчимъ, мачиха, пасынокъ, падчерица (падчерка), золовка, деверь, шуринъ, свякъ, свояченица (свояченка), сродный братъ, сродная сестра (т. е двоюродный братъ и сестра), сватъ, сватья и т. п. употребляются въ томъ-же самомъ смыслѣ, въ какомъ они употребляются въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Въ равнодушіи къ степенямъ родства и свойства при брачныхъ союзахъ, наши крестьяне—старожилы сходствуютъ отчасти съ нѣкоторыми мѣстными инородцами. Хотя обитающіе въ Томской губерніи остяки и самоѣды считаютъ за грѣхъ и стыдъ брать жонъ изъ собственнаго своего рода и одного съ собою прозвища, однако-жъ унихъ дозволяется брать замужъ и снохъ, и мачихъ, и падчерицъ и другихъ родственницъ съ женской стороны; младшій братъ обязанъ жениться на вдовѣ старшаго; но два брата немогутъ жениться на двухъ сестрахъ. Алтайскіе калмыки берутъ за себя также ближайшую родню,—напримѣръ, отецъ и сынъ женятся на двухъ родныхъ сестрахъ, или племянникъ на вдовѣ своего дяди, братъ на женѣ брата.

Статистическія свѣдѣнія за 1873 г., основанныя на метрическихъ книгахъ, показываютъ, что изъ 14,570 мужчинъ и женщинъ, вступившихъ въ этомъ году въ бракъ, женихи были въ слѣдующемъ возрастѣ: менѣе 20 лѣтъ—2893, отъ 21 года до 25 лѣтъ 2368, отъ 26 до 30—870, отъ 31 до 35—475, отъ 36 до 40—241, отъ 41 до 45—177, отъ 46 до 50—112 и отъ 51 и выше 149, а невѣсты: моложе 20 лѣтъ—4281, отъ 21 года до 25 лѣтъ—2015, отъ 26 до 30—513, отъ 31 до 35—213, отъ 36 до 40—124,

отъ 40 до 45—82, отъ 46 до 50—35 и отъ 51 и выше—22. Изъ этого видно, что здѣсь лица обоего пола вступаютъ въ бракъ преимущественно до 20 лѣтъ.—Въ самомъ дѣлѣ, лишь только дочери сравняется 16 лѣтъ, родители начинаютъ уже подумывать о замужествѣ ея, хотя и не очень торопятся этимъ. Вообще, сибирская дѣвушка не очень спѣшитъ замужествомъ, желая напередъ хорошенько отпраздновать свое дѣвичество. Женить сына, когда ему сравнялось 18 лѣтъ,—это завѣтная мечта родителей, въ особенности матери, которая въ такомъ случаѣ сваливаетъ хозяйскія работы на свою невѣстки Зная обычай крестьянъ рано женить сыновей и увидя парня лѣтъ 20-ти неженатымъ, невольно спросишь—отчего онъ не женится, на что почти всегда получишь отвѣтъ: „достатаку нѣтъ“ или „достатки наши не позволяютъ.“ Вообще можно сказать, что большая часть дѣвушекъ выходитъ здѣсь замужъ въ возрастѣ отъ 16 до 18 лѣтъ, а большая часть парней женится въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ. Такимъ образомъ, законъ относительно лѣтъ брачащихся почти всегда соблюдается; но если-бы пришлось, по какимъ-либо, преимущественно денежнымъ, расчетамъ, нарушить его и прибавить жениху или невѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ и даже годъ, то это нисколько небыло-бы сочтено нашимъ крестьяниномъ за грѣхъ и непоставило-бы его въ затруднительное положеніе. Это доказывается многими дѣлами прежнихъ лѣтъ. Когда метрическія книги, по недостатку духовенства при сельскихъ церквахъ, велись крайне неисправно полуграмотными дьячками, то вѣнчаніе браковъ очень часто производилось по однимъ удостовѣреніямъ сельскихъ старшинъ, что желающіе вступить въ бракъ достигли совершеннолѣтія. Сельскіе старшины, обыкновенно, давали такія удостовѣренія за штофъ водки или за полтину мѣди и писали въ нихъ все, что хотѣли. Священники также нерѣдко были соблазняемы деньгами и вѣнчали недостигшихъ установленнаго возраста. Въ 1871 г. къ мѣстному епархіальному начальству поступило 45 просьбъ о разрѣшеніи свѣнчанія такихъ браковъ, въ которыхъ жениху или невѣстѣ не доставало менѣе полугода до установленныхъ лѣтъ, и 4 просьбы о разрѣшеніи такихъ браковъ, въ которыхъ—жениху или невѣстѣ недоставало болѣе полугода до установленныхъ лѣтъ. Во многихъ мѣстностяхъ губерніи существуетъ обычай, что если парень высваталъ дѣвушку, а между тѣмъ ему невыходятъ законныя лѣта, то родители невѣсты дозволяютъ своей дочери пожить съ нимъ такъ, невѣнчавшись, до тѣхъ поръ, пока онъ недостигнетъ брачнаго совершеннолѣтія. Однако-же, если подобнаго рода сдѣлки доходятъ до разбирательства крестьянскаго суда, то онъ въ рѣшеніяхъ своихъ становится противъ нихъ. Въ 1862 г., крестьянинъ Бѣлоярской волости, Барнаульскаго округа, Артемій Лишинъ высваталъ себѣ въ замужество дочь крестьянина Поздѣева Матрену, между тѣмъ, какъ ему недоставало около года до брачнаго совершеннолѣтія. Такъ—какъ женихъ понравился на сватовстве и, кромѣ того, считался женихомъ хорошимъ, то отецъ Матрены, нежелая упустить такую партію для своей дочери, дозволилъ ей, съ согласія отца жениха, перейти къ нему въ домъ и жить, вмѣсто жены, пока ему невыйдутъ года.—Такъ и сдѣлалось. Между тѣмъ, Артемій, пожив съ Матреной около года, какъ мужъ съ женой, бросилъ ее и вздумалъ жениться на другой. Обиженная сторона принесла жалобу въ волостной судъ, который, разбирая это обстоятельство, нашелъ, что отцы жениха и невѣсты равно оба виновны въ томъ, что дозволили своимъ дѣтямъ жить вмѣстѣ до вѣнца; но какъ это сдѣлано было ими „по глупости“, то судъ приговорилъ ихъ (въ 1864 г.), взамѣнъ тѣлеснаго наказанія, которому слѣдовало-бы ихъ подвергнуть, къ аресту на одни сутки при волостномъ правленіи, съ тѣмъ, чтобы потомъ они, для очищенія совѣсти, преданы были, „въ непубличномъ порядкѣ“, церковному

покаянію въ теченіи трехъ воскресныхъ или праздничныхъ дней.—При сводныхъ бракахъ, совершаемыхъ тайно, безъ всякихъ формъ, по одному благословенію родителей брачащихся, сплошь и рядомъ бываетъ, что женихъ или невѣста недостигли до узаконенныхъ лѣтъ мѣсяцевъ 9, 10, а иногда и цѣлаго года. Должно замѣтить, что подобные браки въ Томской губерніи довольно часты и нетолько между раскольниками, но даже и между раскольниками и православными. Въ 1866 г. до свѣдѣнія епархіальнаго начальства было доведено о 23 сводныхъ бракахъ между раскольниками и православными, въ 1867 г.—о 57, въ 1868 г.—о 52, въ 1869 г.—о 43, въ 1871 г.—о 36 и т. д.

Въ прежнее время, въ Сибири были весьма часты браки взрослыхъ дѣвушекъ съ малолѣтними женихами. Если мужчина былъ женатъ и любовницу ему завести было нельзя, то онъ женилъ своего, иногда 7 лѣтняго или 10 лѣтняго, сына и потомъ самъ жилъ съ невѣсткою. Такъ, въ 1735 г., въ Ачинскѣ, невѣстка попа Никифора, Пелагея, разсказывала, что попъ взялъ ее въ замужество за сына своего малолѣтняго, и растлилъ дѣвство ея, и прижилъ съ нею младенца. Въ 1749 г. одинъ енисейскій крестьянинъ жаловался, что отецъ женилъ его семилѣтняго на сорокалѣтней дѣвкѣ, что ей теперь уже за 60 лѣтъ и она положительно неспособна исполнять супружескія обязанности. Такіе браки неразъ запрещались указами. Въ настоящее время, обыкновенно, женихъ и невѣста бываютъ соотвѣтствующихъ другъ другу лѣтъ; исключенія изъ этого правила допускаются въ рѣдкихъ, особенныхъ случаяхъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій для вступленія въ бракъ считается согласіе родителей Смотря по обстоятельствамъ, это согласіе проявляется въ столькихъ разнообразныхъ и всякій разъ новыхъ формахъ, что одной общей формы для выраженія его нѣтъ.—Если женихъ или невѣста проживаютъ въ домѣ вотчима, мачихи и другихъ ближайшихъ родственниковъ, то считается необходимымъ имѣть согласіе на бракъ отъ этихъ лицъ. То же самое должно сказать относительно согласія воспитателей, опекуновъ и попечителей. Согласія хозяевъ и мастеровъ, большею частію, не спрашивается.

Получивъ согласіе родителей, женихъ проситъ крестнаго отца, дядю или другаго ближайшаго родственника посватать за него такую то. Родственникъ этотъ, получающій теперь названіе свата (сватошникъ), идетъ въ домъ невѣсты, садится подъ матицей и держитъ, приблизительно, слѣдующую рѣчь: „N N (имя и отечество отца и матери невѣсты), я пришолъ къ вамъ съ добрымъ дѣломъ, со сватаньемъ за такого—то“. Родители невѣсты назначаютъ срокъ для размышленія: „вотъ мы, сватушка, подумаемъ“ Сватъ удаляется. Отецъ и мать невѣсты совѣтуются между собой и спрашиваютъ о согласіи дочь. Если дѣвушка несогласна, то скажетъ наотрѣзъ, что нехочетъ—тѣмъ дѣло и кончается, а если согласна, то *завоетъ*, т. е. начнетъ причитать на голосъ слова, въ родѣ слѣдующихъ: „ты ясно-ли красно солнышко, государь мой, родной батюшка! ты заря-ли моя подвосточная, государыня родна матушка! Незапоручивай ты голову, вольну голову, дѣвью красоту! Али я ужъ вамъ наскучила, ужъ гораздо напрокучила? Много хлѣба, соли скушала, много квасу, пива выпила, износила платья цвѣтнаго, истоптала много чоботовъ?“ Такъ—какъ подобное причитанье служитъ, обыкновенно, знакомъ согласія со стороны невѣсты, то отецъ выражается, что послѣ дочь недолжна роптать ни на кого, потому что волею выбрала себѣ молодца. Сватъ опять является въ назначенное время и, въ случаѣ согласія невѣсты,

получаетъ отъ нея *задатокъ*,—хорошій платокъ, или деньгами отъ 1 до 3 руб. сер. Когда онъ пойдетъ отнести задатокъ жениху, въ домъ невѣсты собираются дѣвушки—подруги и начинаютъ пѣть установленныя на этотъ случай давнимъ обычаемъ пѣсни.

Такими обрядами начинается свадебное дѣло, когда бракъ совершается, по всѣмъ заведеннымъ съ издавна церемоніямъ, *доброму*, т. е. съ предварительнаго и обоюднаго согласія какъ вступающихъ въ бракъ, такъ и родителей ихъ. Но часто случается, что родители жениха и невѣсты, желая избѣжать обычныхъ расходовъ при выполненіи всѣхъ принятыхъ свадебныхъ праздниковъ, угощеній, подарковъ и т. п., дозволяютъ, конечно, негласно, первые сыну—*скрасть дѣвку*, а вторые дочери—*уйти замужъ уходомъ, воровски*.— Свадьбы подобнаго рода называются *самокрутками* и *самоходками*, и въ подобныхъ случаяхъ несовершается никакихъ обрядовъ. Женихъ съ нѣсколькими поѣзжанами,—обыкновенно, крестнымъ отцомъ, крестною матерью, братьями или товарищами,—подъѣзжаетъ къ дому, гдѣ, по предварительному условію, находится въ гостяхъ невѣста, увозитъ ее въ церковь, вѣнчается и потомъ возвращается съ женою домой къ отцу. Сперва отецъ и мать притворно побранятъ сына за своевольство и озарничество, а потомъ благословляютъ молодыхъ, сажаютъ за столъ и угощаютъ поѣзжанъ заранѣе приготовленнымъ виномъ и закусками. Чрезъ день или два, молодые ѣдутъ съ повинною въ домъ отца и матери невѣсты, гдѣ повторяется таже исторія, какъ и въ домѣ родителей жениха.

У сѣверныхъ алтайцевъ невѣстъ также, большею частію, воруютъ. Подговоривъ невѣсту и получивъ отъ нее въ *задатокъ* платокъ, женихъ, по взаимному условію, пріѣзжаетъ за нею ночью на хорошемъ верховомъ конѣ, въ сопровожденіи холостыхъ молодыхъ людей. Скрывшуюся изъ родительскаго дома невѣсту подхватываютъ эти молодые люди, сажаютъ на подготовленнаго коня и мчатся въ улусъ жениха. Въ этомъ поѣздѣ поводъ невѣстиной лошади всегда бываетъ въ рукахъ жениха. Прибывъ домой, невѣсту отдаютъ на руки матери жениха, или ближайшимъ родственникамъ. На другой день празднуется самый бракъ, а дней чрезъ 5—10, молодые, въ сопровожденіи родныхъ, мужа съ большимъ запасомъ аракы, отправляются къ родителямъ молодой жены *мириться* и договориться, сколько слѣдуетъ внести за украденную дочь калыму. Воровъ встрѣчаютъ плетью, которою хотя небьютъ, но стращаютъ.

Бываютъ, однако-же, между крестьянами и такіе браки, которые совершаются *дѣйствительно* безъ согласія родителей или вопреки ихъ волѣ, безъ ихъ благословенія. Народъ и видитъ въ этомъ ничего предосудительнаго, потому что несогласіе родителей на бракъ, большею частію, происходитъ отъ причинъ чисто эгоистическихъ: или родителямъ невѣсты нехочется выдать дочь замужъ, чтобы нелишиться даровой работницы, или хочется выдать за болѣе богатаго жениха, или у родителей жениха есть на примѣтѣ невѣста богаче той, накоторой хочетъ жениться сынъ. Почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, міръ, обыкновенно, беретъ сторону молодыхъ и родителямъ остается только, рано или поздно, простить виноватыхъ, потому что если жаловаться на дѣтей по начальству и требовать наказанія ихъ, то, при разбирательствѣ дѣла, можетъ быть, останешся еще и самъ виноватъ. Случается, что родители похищенной невѣсты, когда молодые пріѣдутъ къ нимъ „на прощеніе“, берутъ съ зятя рублей 10—15 и нестолько прощаютъ дочь, но и даютъ ей кое что изъ домашности. Иногда крутые старики, за непо-

787

виновеніе, лишаютъ дѣтей наслѣдства, но это случается весьма рѣдко и въ такомъ только случаѣ, если сынъ нисколько неучаствовалъ въ пріобрѣтеніи общаго семейнаго имущества; иначе, крестьянскіе суды заставляютъ родителей выдѣлить ему непремѣнно слѣдующую часть. Неповиновеніе въ подобныхъ случаяхъ опекунамъ невлечетъ никакихъ послѣдствій; но воспитатели почти всегда пытаются лишить за это своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ вспомоществованія имуществомъ, какое сдѣлали-бы имъ въ случаѣ исполненія ихъ воли. Если подобные случаи восходятъ на разсмотрѣніе крестьянскихъ судовъ, то при этомъ опять-таки обращается вниманіе на то обстоятельство,—принимали-ли или непринимали воспитанникъ или воспитанница какое-либо участіе въ пріобрѣтеніи общаго семейнаго имущества. Если они, наравнѣ съ другими членами семьи, участвовали во всѣхъ домашнихъ работахъ, слѣдовательно вмѣстѣ наживали хозяйство, то крестьянскіе суды заставляютъ воспитателей давать своимъ воспитанникамъ и воспитанницамъ надлежащее вспомоществованіе.

Если у жениха и у невѣсты нѣтъ отца или матери, или когда они круглыя сироты, и нѣтъ ни отчима ни мачихи, которые могли-бы заступить ихъ мѣсто, то мѣсто отца или матери заступаютъ крестные отецъ и мать, или ближайшіе родственники, или хозяинъ и хозяйка тѣхъ домовъ, гдѣ живутъ женихъ и невѣста, или, наконецъ, кто-либо изъ посторонннихъ лицъ, пользующихся довѣріемъ вступающихъ въ бракъ и могущихъ имѣть вліяніе на дальнѣйшее устройство ихъ судьбы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, между „благословенными“ родителями и дѣтьми устанавливаются обыкновенныя родственныя, хотя и далеко не тѣсныя, отношенія: благословенныя дѣти показываютъ благословеннымъ родителямъ должное почтеніе и уваженіе, считаютъ обязанностію поздравлять ихъ съ торжественными праздниками, въ случаѣ надобности—прислуживаютъ имъ; съ своей стороны, благословенные родители стараются оказать дѣтямъ, гдѣ нужно, покровительство своимъ личнымъ вліяніемъ, а нерѣдко помогаютъ имъ и матеріально.

Выше замѣчено, что родители невѣсты, выслушавъ предложеніе свата, *совѣтуются* между собою, отдать-ли имъ дочь за извѣстнаго жениха или нѣтъ. Но эти совѣщанія неограничиваются одними отцомъ и матерью невѣсты; къ нимъ приглашаются иногда крестные отецъ и мать ея и другіе ближайшіе родственники. Если на такомъ семейномъ совѣтѣ родные неодобряютъ жениха, то сватьба разстраивается. Одна свадебная пѣсня обязываетъ даже отца невѣсты разузнать какъ можно подробнѣе все, относящееся до жениха. Въ ней невѣста говоритъ отцу: „скажи, родимый ты мой, къ моему другу названному (т. е. жениху); разузнай на все, какъ есть оно, про житье-бытье, домашество; онъ пьетъ-ли зелена-вина, неиграетъ ли въ кости, карточки, непроиграетъ-ли платье цвѣтное и мою-то дѣвью красоту.“ Всѣ подобныя свѣдѣнія собираются и обсуждаются на семейныхъ совѣтахъ. Въ домѣ жениха, прежде чѣмъ послать свата сдѣлать предложеніе родителямъ невѣсты, также бываетъ подобный семейный совѣтъ.

У южныхъ алтайцевъ отецъ невѣсты, выслушавъ предложеніе свата, говоритъ, что прежде чѣмъ дѣла о замужествѣ дочери, ему необходимо посовѣтываться съ матерью ея, а потомъ съ братьями своими. Когда соберутся родные, тогда начинается домашній совѣтъ о томъ, пригодна-ли предлагаемая партія; если всѣ родные одобрятъ жениха, то приступаютъ къ условію о количествѣ калыма, т. е. платы за невѣсту

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Въ старинной Сибири браки по принужденію были весьма часты, и насиліе допускалось нетолько со стороны однихъ родителей, но и со стороны самаго правительства, а равно частныхъ, богатыхъ и вліятельныхъ, лицъ. Въ 1648 г. Кузнецкому воеводѣ Сытину прислана была царская грамота, въ которой говорилось слѣдующее: „Въ нынѣшнемъ въ 156 году писалъ намъ прежній воевода Офонасій Зубовъ, въ прошлыхъ де годѣхъ присланы въ Кузнецкій острогъ ссыльные люди, воры и мошенники, многіе холостые, а велѣно ихъ въ Кузнецкомъ острогѣ устроить въ пашню; и за тѣхъ де ссыльныхъ людей старые Томскіе пашенные крестьяне своихъ дочерей и племянницъ недаютъ, а выдаютъ тѣхъ дочерей своихъ и племянницъ за казачьихъ дѣтей и за племянниковъ и за братью: и онъ де Офонасій велѣлъ на служилыхъ людѣхъ, которые женятъ дѣтей своихъ и братью и племянниковъ у пашенныхъ крестьянъ на дочеряхъ и на племянницахъ, имать въ нашу казну по пяти рублевъ, потому что тѣмъ ссыльнымъ холостымъ людемъ въ Кузнецкомъ острогѣ, опричь пашенныхъ старыхъ крестьянъ, жениться негдѣ; и Кузнецкихъ де служилыхъ людей заповѣдью неунялъ, дѣтей своихъ у пашенныхъ крестьянъ женять по прежнему И какъ къ тебѣ ся наша грамата придетъ, и ты-бъ Кузнецкимъ старымъ пашеннымъ крестьянамъ дочерей своихъ и племянницъ велѣлъ выдавать замужъ за ссыльныхъ холостыхъ людей, за пашенныхъ крестьянъ, чтобы тѣмъ тѣхъ ссыльныхъ холостыхъ людей отъ побѣгу унять и укрѣпить; а будетъ старые пашенные крестьяне за ссыльныхъ холостыхъ людей дочерей и племянницъ выдавать за мужъ неучнутъ, и ты бъ тѣмъ старымъ пашеннымъ крестьянамъ сказалъ, что впредь за то ихъ упрямство учнутъ на нихъ имать пеню большую". [13]) Въ указѣ Петра I-го, отъ 29 Октября 1723 г., на имя Сибирскаго Губернатора Князя Черкасскаго, сказано: „въ прошедшемъ времени въ присланномъ въ Св Синодъ донесеніи Преосвященный Антоній, Митрополитъ Тобольскій и Сибирскій, требовалъ резолюцію о прельщенныхъ на блудъ купецкими и служилыми людьми дѣвицахъ и вдовахъ, обѣщанныхъ поняти въ супружество и обременѣвшихъ или и чада прижившихъ, но непоемлющихъ и оставляющихъ и оженившихся на другихъ или отъ нихъ уходящихъ, и нато дана резолюція: которые прежде брака съ кѣмъ живутъ въ любодѣйствѣ, а въ супружество тѣхъ поимать нехотятъ,—вѣнчать оныхъ съ ними любодѣющихъ съ принужденіемъ, а если кто и принужденія преслушаетъ, таковыхъ, яко насилователей и блудниковъ. купно съ любодѣющими, отсылать гражданскому суду". [14]) Въ 1750 г Сержантъ Тулубьевъ похитилъ въ Тюмени дочь разночинки Тверитиновой и обвѣнчалъ ее силою съ дворовымъ своимъ человѣкомъ Дунаевымъ, а потомъ самъ жилъ съ нею. Въ 1752 г. Ямышевскій благочинный Свдачевъ насильно обвѣнчалъ солдатку Гуляпкову, отъ живаго мужа, за капонира Еркина. [15])—Часто отцы семействъ закладывали, закабаляли и продавали своихъ дочерей и другихъ родственницъ.—Въ настоящее время, конечно, подобныя явленія невозможны; однако-жъ браки не по обоюдному согласію брачащихся, а по соглашенію лишь родителей и даже по принужденію сихъ послѣднихъ—случаются. Это подтверждаютъ и нѣкоторыя свадебныя пѣсни. Въ одной изъ нихъ, напримѣръ, невѣста говоритъ подругамъ: „не сама с бой я за мужъ пошла; *отдаетъ* меня сударь батюшка, *приневоливаетъ* родна матушка, *потакаютъ* люди добрые". Въ другой, обращаясь къ родителямъ, она говоритъ: „Тебѣ Богъ судья, родной батюшка, тебѣ

[13]) Акты истор. IV, 60.
[14]) Дѣла Алекс. монастыря.
[15]) Потанинъ.—Матеріалы для исторіи Сибири.

Богъ судья, родна матушка! *Почевомили* меня замужъ итти за немилаго, за постылаго. Много хлѣба видно съѣла я? Износила платья цвѣтнаг?" – Насиліе со стороны жениховъ ко вступленію въ бракъ—также нерѣдкость.—Въ Августѣ м. 1865 г., крестьяне д. Кузнецкой, Томскаго округа, Иванъ Кошкинъ, Иванъ и Семенъ Завьяловы, Терентій Кудрявцевъ, Александръ Калмыковъ и Матвѣй Кошкинъ напали въ полѣ („на полосѣ") на дочь крестьянина той-же деревни Пелагею Кудрявцеву и насильно увезли ее въ ближайшее селеніе съ тѣмъ, чтобы обвѣнчать съ Иваномъ Кошкинымъ; но какъ она итти замужъ за него нехотѣла, то они продержали ее гдѣ—то въ полѣ двое сутокъ и потомъ, привезя домой, „подбросили" отцу. Кайлинскій волостной судъ приговорилъ за это Ивана Завьялова и Александра Калмыкова къ наказанію розгами, а остальныхъ участниковъ насилія – къ штрафу. Впрочемъ, отецъ Пелагеи Кудрявцевой хлопоталъ въ судѣ только о томъ, чтобы ему присуждены были къ возврату 6 р., употребленные имъ на разъѣзды во время розысканія дочери.—Въ Сентябрѣ м. 1866 г. крестьянская дочь д Пайвиной, Томскаго округа, Анна Кунгурцева принесла Кривощековскому волостному суду жалобу о томъ, что крестьянинъ Варфоломей Кунгурцевъ сговариваль ее за себя въ замужество и она обѣщалась итти за него; но какъ родители ея недали ей на то своего благословенія, то она сказала жениху, что, безъ воли ихъ, за него непойдетъ. Между тѣмъ, несмотря на это, 5 Сентября, Варфоломей, вмѣстѣ съ крестьянами Игнатьемъ и Егоромъ Пайвинымъ, Яковомъ Томиловымъ и роднымъ братомъ своимъ Лаврентіемъ, пріѣхавъ на поле, гдѣ работала просительница, насильно вытащилъ ее изъ полевой избушки, куда она спряталась, и увезъ въ с. Пайвинское для свѣнчанія. Такъ—какъ она снова объявила жениху, что, безъ воли родителей, итти за него несогласна, то онъ и другіе повѣзжане затащили ее въ церковную сторожку и здѣсь стали бить, принуждая итти замужъ Но въ эту пору пріѣхали отецъ и братъ невѣсты и освободили ее. Все это подтвердилось произведеннымъ удостовѣреніемъ, а потому волостной судъ приговорилъ наказать жениха розгами 20-ю ударами и взыскать съ него въ пользу невѣсты, за безчестье, 4 р.—Въ Ноябрѣ м. 1870 г. крестьянинъ Кайкинской волости Савелій Чахловъ жаловался волостному суду на то, что крестьяне Иванъ и Никонъ Николаевы подговаривали племянницу его Меланью Михайлову итти въ замужество за Ивана; но какъ она на это не согласилась, то они, встрѣтивъ ее на улицѣ ѣдущую въ кошевѣ съ нимъ, просителемъ, вытащили Меланью. изъ кошевы, сорвали съ нея платокъ и избили самаго Чахлова. Озорникамъ неудалось увезти невѣсту только потому, что на улицѣ было много народа. По рѣшенію волостнаго суда, они наказаны розгами, причемъ уплатили цѣнность разорваннаго платка.—Въ той-же волости, въ Мартѣ м. 1873 г., былъ случай, что три брата Юговы хотѣли насильно повѣнчать крестьянскую дочь Капитолину Чикурову съ сыномъ крестьянина Савватія Каурдакова и при этомъ изорвали на ней сарафанъ. Судъ приговорилъ ихъ къ наказанію розгами по 15 ударовъ и къ уплатѣ денегъ за изорванный сарафанъ. Но подобныхъ примѣровъ можно привести множество. Что касается до принужденія со стороны самихъ обществъ ко вступленію молодыхъ людей въ бракъ, то по этому предмету намъ извѣстны только два случая. Въ Октябрѣ м. 1864 г. крестьянская дочь д. Березовой, Кузнецкаго округа, Кукшенева, поймана была на мѣстѣ въ незаконной связи съ женатымъ крестьяниномъ Новиковымъ. Верхо-Томскій волостной судъ, разбирая это обстоятельство, опредѣлилъ: „дѣвкѣ Кукшеневой приказать выти за кого-нибудь замужъ; въ противномъ же случаѣ, передать ее епархіальному начальству, для наложенія на нее эпитиміи."—Въ Іюля м. 18 8 г. проживавшая въ стряпкахъ у крестьянина Бійской волости Александра

Куксина, крестьянская дочь Елена Юрьева, оказалась беременною отъ сына Александра—Николая Куксина. Имѣя въ виду сознаніе виновнаго, волостной судъ приговорилъ, чтобы Николай Куксинъ женился на Еленѣ Юрьевой, въ чемъ и отобралъ отъ него подписку.

Какое пагубное вліяніе имѣютъ браки по принужденію на семейную жизнь, на нравственность супруговъ и матеріальный ихъ бытъ,—извѣстно. Въ семействѣ сперва нелады, потомъ ссоры и драки. Супруги дѣлаются не только совершенно равнодушны другъ къ другу, но часто ненавидятъ другъ друга и стараются насолить одинъ другому. Уголовныя дѣла о преждевременномъ рожденіи дѣтей, о выкинутіи беременности отъ побоевъ мужей, объ увѣчьѣ—весьма нерѣдки, и начинаются иногда по ложному обвиненію со стороны женъ. Въ 1842 г. казачья жена Бійскаго округа Дарья Тузикова искуственно растлила свою маленькую родную дочь и потомъ сдѣлала доносъ, что она растлѣна роднымъ отцомъ, мужемъ Дарьи, Григоріемъ Тузиковымъ. Если подобныя хитрости неудаются, то супруги стараются сбыть съ рукъ одинъ другаго Самое употребительное средство въ подобныхъ случаяхъ—сулема или мышьякъ и, обыкновенно, ими-то жены угощаютъ нелюбимыхъ мужей, а мужья жонъ. Въ теченіи двадцати пяти лѣтъ (1836 - 1861 г.), судебнымъ мѣстамъ Томской губерніи пришлось разсмотрѣть 103 подобныхъ случая; слѣдовательно, на каждый годъ приходится по 4 случая. Часто ненависть женъ простирается на все семейство мужа и дѣла объ умерщвленіи женами кого-либо изъ родственниковъ мужей—весьма нерѣдки. Были случаи, что жены, дабы избавиться отъ нелюбимыхъ мужей, убивали своихъ собственныхъ дѣтей или покушались на свою собственную жизнь При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, мужъ и жена брос ютъ другъ друга, начинаютъ пьянствовать съ горя и находятъ себѣ любовныя утѣшенія на сторонѣ. При этомъ матеріальный бытъ остается на произволъ судьбы и въ самое короткое время совершенно падаетъ.

Предъ совершеніемъ брака здѣсь незаключается никакихъ условій—ни письменныхъ, ни словесныхъ. Равнымъ образомъ, незаключается никакихъ условій относительно приданаго, „ибо, говорится въ одной домашней лѣтописи, относящейся къ концу прошлаго вѣка,—ибо всѣ въ Сибири свадьбы основываются не такъ, какъ въ Россіи, на росписяхъ приданаго учотомъ, а полагаются всегда на честность отцовъ и матерей, что они, конечно, имѣя любовь къ своимъ дѣтямъ, безъ должнаго награжденія, по возможности своей. не оставляютъ, а, напротивъ того, каждому зятю, по обыкновенію—ль, введенному на сіе, или—же по скупости, возглашаютъ такими словами: „мы, дѣти, васъ посмотримъ, каково житье ваше будетъ, то и тогда наградить васъ неоставимъ.“ Изрядно сказано, но я себѣ сіе представляю иначе, по пословицѣ, что „дорога милостыня во время скудости“; а послѣ же говорятъ: „что ихъ снабжать! Они, слава Богу, живутъ хорошо“; а въ противномъ случаѣ другой резонъ находятъ: „какъ живутъ, такъ и слывутъ, а намъ на мотовство ихъ ненанастись“; и выдетъ, что взято, то взято, а впередъ, какъ удастся“. [16]) Однако-жъ, самъ составитель помянутой выше лѣтописи, Маіоръ Андреевъ, представляетъ въ ней длинную роспись приданому дочери своей Марьи, вышедшей въ замужество за Капитана Полякова, роспись весьма интересную въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какое приданое да-

[16]) Домовая лѣтопись Андреева, въ Чтен. Общ. любит. истор. и древн. 1870 г. IV, 82.

валось въ концѣ прошлаго вѣка за невѣстою средняго состоянія, какою была дочь Маіора Андреева, цѣлый свой вѣкъ пробивавшагося на службѣ по разнымъ крѣпостямъ Западной Сибири. Посмотримъ, какое приданое теперь дается нашими крестьянами за своими дочерьми.—Изъ одного рѣшенія Ишимскаго волостнаго суда, Кузнецкаго округа, видно, что за крестьянскою дочерью Ѳедосьей Григорьевой, при выходѣ ея въ замужество, было дано въ приданое: 2 платья шолковыхъ, муслиневое 1, терновое 1, кисейное 1, ситцевое 1, сатиновое 1, салопъ суптуковый на шолковой подкладкѣ 1, терновый бурнусъ 1, шолковыхъ мантильи 2, полога 2, перины 2, пуховыхъ подушекъ 7, одѣялъ шолковыхъ 2, ситцевое 1, шуба на бѣличьемъ мѣху, покрыта сатиномъ 1, шуба на крысьемъ мѣху, покрыта сатиномъ 1, на такомъ-же мѣху крыта терномъ 1, баранья шуба 1, самоваръ 1, чайныхъ серебряныхъ ложекъ 3, ботинокъ 2 пары, наволокъ бѣлыхъ коленкоровыхъ 7, холста льнянаго 6 трубокъ, а всего на 99 руб. 30 коп., кромѣ бѣлья. По всему видно, что Ѳедосья Григорьева была богатая невѣста. Но изъ другаго рѣшенія того-же суда видно, какое приданое дается за бѣдными: за крестьянкой Еленой Шелковниковой было дано матерью: корова, 2 овцы, шаль сатиновая, стеклянная кружка, сахарница, 2 чугунки, сковородка съ ямками, 3 блюда, 3 льняныхъ полотенца и ящикъ или сундукъ. Однако же, во всякомъ случаѣ, какое бы приданое ни было дано за невѣстою, рядиться объ немъ передъ сватьбою считается неприличнымъ и размѣръ его всегда зависитъ отъ воли родителей невѣсты.

Ни родители жениха, ни самъ онъ неуплачиваютъ родителямъ невѣсты и ей самой никакой суммы за выходъ ея въ замужество. Однако жь, часто бываетъ, что родители ея выпрашиваютъ у свата жениха *помощь на сватьбу*. Такая помощь, обыкновенно, состоитъ въ деньгахъ отъ 5 до 20 руб., въ одномъ или двухъ ведрахъ водки, въ извѣстномъ количествѣ мяса, масла и т. п. Иногда женихъ или его родители, видя бѣдное состояніе невѣсты, сами, безъ всякой просьбы, *несутъ ей на подъемъ* извѣстную сумму денегъ, которая и выдается на руки самой невѣсты или ея родителей.

Причины, побуждающія иногда родителей дольше невыдавать дѣвушекъ замужъ, заключаются, большею частію, въ желаніи дольше имѣть въ семействѣ даровыхъ работницъ, или въ недостаткахъ на свадебныя издержки.

Выше сказано, что когда родители невѣсты согласны выдать дочь свою за извѣстнаго жениха, да и сама невѣста непротиворѣчитъ этому, то она вручаетъ свату жениха *въ задатокъ* платокъ или деньги. Но это задатокъ, такъ сказать, оффиціальный, потому что, въ большинствѣ случаевъ, парень, найдя себѣ невѣсту по сердцу, еще до полученія согласія на женитьбу со стороны родителей, обмѣнивается уже съ нею тайно или при особенно довѣренныхъ лицахъ задатками. Со стороны жениха подобные задатки состоятъ въ деньгахъ (3, 4, 5 рублей) или какихъ нибудь вещахъ,—напримѣръ, недорогой шали; со стороны невѣсты—въ льняномъ полотенцѣ, скатерти, крестѣ, кольцѣ, бисерѣ (ожерельѣ) и т. п. Обычай тайно или, покрайней мѣрѣ, негласно обмѣниваться задатками, даетъ иногда нѣкоторымъ лицамъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Такъ, въ Іюлѣ м. 1865 г. крестьянская дочь Бѣлоярской волости Степанида Кротова увѣрила свою подругу Катерину Ближеву, что братъ ея, Степаниды, Григорій хочетъ жениться на Катеринѣ и требуетъ отъ нея задатокъ; та дала двѣ женскія рубахи, бисеръ, серебряный крестъ и мѣдное кольцо, всего на 3 р., которые Степанида и утаила, такъ-какъ братъ ея никогда недумалъ сватать Катерину.

Послѣ оффиціальнаго задатка, назначается день сговора или *рукобитья*.

Въ этотъ день, когда женихъ, въ сопровожденіи свата и ближайшихъ родственниковъ, вступитъ въ домъ невѣсты,—предъ образомъ зажигаютъ свѣчи и молятся Богу. Потомъ, отецъ невѣсты, завернувъ руку ея въ платокъ, переданный въ задатокъ свату, а иногда и въ другой, подводитъ невѣсту къ жениху, а онъ беретъ платокъ съ рукою и цалуетъ невѣсту. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это происходитъ такъ: когда всѣ помолятся Богу, то одинъ изъ старшихъ родственниковъ жениха подходитъ къ отцу невѣсты и беретъ его руку, а кто нибудь изъ почетныхъ гостей разнимаетъ ихъ, говоря: „Въ добрый часъ; Господи благослови!“ Всѣ присутствующіе повторяютъ: „въ добрый часъ!“ Затѣмъ снова молятся Богу, поздравляютъ другъ друга съ начатымъ дѣломъ и садятся по мѣстамъ. Въ это время входитъ въ комнату невѣста съ матерью. Послѣдняя, подведя дочь свою къ жениху, говоритъ: „вотъ тебѣ суженая, ряженая; прошу любить, да жаловать“. Женихъ кланяется, беретъ невѣсту за руку и цалуетъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, обрядъ этотъ называется *рукобитьемъ*, и современи совершенія его договоръ о вступленіи въ бракъ считается заключеннымъ. — Въ Бійской волости въ 1871 г. былъ случай, что, послѣ рукобитья, составлена была еще особая подписка, за печатью сельскаго старосты, относительно обязательства жениха и невѣсты вступить въ бракъ. Въ этомъ сказывается уже вліяніе грамотности и желаніе родителей жениха оградить себя отъ обмана со стороны родителей невѣсты, тѣмъ болѣе, что въ томъ-же году и въ той-же волости былъ такой случай, что крестьянинъ д Шубенки Бедаревъ просватывалъ свою дочь разомъ за двухъ жениховъ. Отъ рукобитья до сватьбы женихъ можетъ ходить къ невѣстѣ каждый день, но у крестьянъ это не всегда соблюдается. Онъ приноситъ съ собою различные гостинцы и угощаетъ ими невѣсту и ея подругъ, которыя шьютъ ей приданое. Нарушить рукобитье и отказаться, безъ всякаго основательнаго повода, отъ даннаго слова-считается безчестнымъ и заслуживающимъ порицанія. Однако-же, изъ рѣшеній крестьянскихъ судовъ видно, что такое нарушеніе рукобитья иногда случается, и преимущественно со стороны невѣсты. Въ такомъ случаѣ, родители ея обязаны уплатить жениху всѣ издержки, которыя онъ понесъ при сватовствѣ и, сверхъ того, они штрафуются въ пользу мірскаго капитала какою-нибудь незначительною суммою. Иногда штрафа совсѣмъ не полагается.—Если между женихомъ и невѣстой были даваемы при этомъ какіе-нибудь задатки (тайно или оффиціально, все равно), то они возвращаются по принадлежности. Если женихъ покленлетъ, что далъ невѣстѣ задатокъ, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности его недавалъ, и это откроется, то за извѣтъ онъ приговаривается къ наказанію розгами.—Если сватьба разстраивается не по винѣ родителей невѣсты или ея самой, а потому, напримѣръ, что жениху невышли законные года для супружества, и невѣста нежелаетъ дожидаться его совершеннолѣтія, то она должна возвратить только задатокъ, если брала, но всѣ другіе расходы, употребленные женихомъ, съ нея невзыскиваются, и послѣ того она вольна выходить замужъ за кого хочетъ.—Въ Сентябрѣ м. 1870 г. обыватель Зыряновской волости, Бійскаго округа, Даніло Сизиковъ высваталъ за себя падчерицу обывателя той же волости Ананія Ликиныхъ Марью Петрову и на угощенье ея родственниковъ издержалъ 16 р. По справкѣ въ метрическихъ книгахъ оказалось, что Марьѣ только 15 лѣтъ. Такъ-какъ сватьба немогла состояться ранѣе года, то женихъ, съ согласія матери невѣсты, взялъ Марью къ себѣ, съ тѣмъ, чтобы она прожила у него этотъ годъ. Марья прожила пять съ половиною мѣся-

девъ и, видя постоянные побои со стороны Сизикова, въ одинъ прекрасный день захватила три свои платья и платокъ и ушла къ матери.—Сизиковъ принесъ жалобу волостному суду, прося его отобрать отъ Марьи Петровой унесенныя ею вещи, а равно взыскать и 16 р., употребленные на угощеніе ея родственниковъ, потому что невѣста уже нехочетъ итти за него замужъ. Марья объяснила, что унесенныя ею вещи она считаетъ своими, потому что прожила у Сизикова 5½ мѣсяцевъ, „какъ настоящая жена". Обсуждая это обстоятельство, волостной судъ нашелъ, что такъ-какъ Марья Петрова первая отказалась отъ замужества съ Сизиковымъ, то и должна заплатить ему всѣ убытки, какіе понесъ онъ по случаю сватьбы, и возвратить ему три платья и платокъ, которые она унесла у него; но, съ другой стороны, она „трудилась на него въ теченіи 5½ мѣсяцевъ, стряпала хлѣбъ и мыла бѣлье", а потому и должна быть за это вознаграждена. На основаніи такого соображенія, судъ рѣшилъ: изъ числа 16 р., употребленныхъ Сизиковымъ на свадебные расходы, 11 р. (т. е 2 р. въ мѣсяцъ) оставить въ пользу Петровой, а остальные 5 р. взыскать съ нея въ пользу Сизикова.—Въ Сентябрѣ м. 1861 г. отставной мастеровой той—же волости Нефедъ Гуляевъ, встрѣтивъ гдѣ-то пьяную вдову Аксинью Кулебакину, высваталъ ее за себя замужъ, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы она пожила съ нимъ сперва такъ, невѣнчавшись.—Аксинья согласилась, и обрадованный Гуляевъ сей часъ-же созвалъ знакомыхъ и употребилъ на угощеніе ихъ 3 р. 93 к. Проспавшись, Кулебакина на другой день сообразила, что у нея трое дѣтей, а у Гуляева четверо и оба они люди бѣдные; поэтому она наотрѣзъ отказалась отъ выхода въ замужество. Гуляевъ принесъ жалобу волостному суду, прося его взыскать съ Кулебакиной понесенные имъ убытки. Судъ рѣшилъ: „такъ-какъ Кулебакина нежелаетъ выйти замужъ, а Гуляевъ сговорилъ ее въ пьномъ образѣ, когда она неиогла судить здраво, то изъ издержанныхъ денегъ одну половину Кулебакина должна возвратить Гуляеву, а остальныя сей послѣдній долженъ принять на свой счетъ". Иногда волостные суды приговариваютъ ко взысканію съ невѣсты, въ случаѣ нарушенія съ ея стороны рукобитья, нетолько задатка и денегъ, издержанныхъ женихомъ на угощенье, но и цѣнность времени, употребленнаго имъ на сватовство. Въ Сентябрѣ м. 1867 г. крестьянинъ Чумышской волости, Барнаульскаго округа, Василій Пахарунов сосваталъ за себя крестьянскую дочь Бѣлоярской волости Анисью Юдину и далъ ей въ задатокъ 7 р.—Юдина „трекнулась" (отрекласъ) отъ даннаго слова и незахотѣла почему-то итти за Пахарунова. Когда это обстоятельство, по жалобѣ жениха, было разсмотрѣно въ волостномъ судѣ, то судъ рѣшилъ взыскать съ Юдиной нетолько 7 р., полученные ею въ задатокъ, но еще 3 р. за время, потерянное Пахарунов ымъ, „въ надеждѣ совершенія съ ней брака".—Въ Мартѣ м. 1868 г. Бійскій волостной судъ разбиралъ слѣдующій курьезный эпизодъ свадебнаго дѣла: крестьянская вдова Казанцева высватала за своего сына дочь крестьянки Березовской Прасковью и издержала при этомъ на вино 1 р. 50 к.; но Прасковья понравилась крестьянину Ащеулову и онъ сталъ сватать ее за своего сына. Мать невѣсты объяснила Ащеулову, что дочь ея уже просватана за сына Казанцевой, а потому, если онъ желаетъ перебить невѣсту, то долженъ войти въ сдѣлку съ Казанцевой. Эта отозвалась, что, съ своей стороны, готова уступить невѣсту, но съ тѣмъ, чтобы Ащеуловъ уплатилъ ей употребленные ею на свадебныя издержки 13 р.—Ащеуловъ согласился, и сватьба была сыграна; но когда онъ узналъ, что Казанцева издержала не 13 р., а только 1 р. 50 к., то принесъ жалобу волостному суду на то, что Казанцева слишкомъ много взяла съ него денегъ. Судъ рѣшилъ: за убытки Казанцевой, дать ей 4 р., остальные-же 9 р. она должна возвратить Ащеулову. Такимъ обра-

зомъ, послѣдній заплатилъ отступнаго за невѣсту только 2 р. 50 к. Если невѣста, взявъ задатокъ, вышла замужъ за другаго и неимѣетъ чѣмъ заплатить задатка, то цѣнность его взыскивается уже съ мужа.

Приданое (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи *приваное*) состоитъ, обыкновенно, или изъ женскаго ношебнаго платья, или изъ домашнихъ принадлежностей, скота, пчелъ и т. п. Все оно считается собственностью жены, а не мужа, и хотя часть приданаго, какъ домашняя посуда, скотъ, пчелы и т. п., поступаетъ въ общую массу семейнаго имущества и находится въ распоряженіи мужа или вообще главы семьи, но онъ все таки считается распорядителемъ его, а несобственникомъ Отсюда слѣдуетъ, что, по понятіямъ Томскихъ крестьянъ—старожиловъ, имущества мужа и жены составляютъ раздѣльную собственность, о чемъ подробнѣе сказано будетъ ниже. Что касается до ношебнаго платья, полученнаго въ приданое, то оно несостоитъ даже и въ распоряженіи мужа. По смерти жены, если остались у нея дѣти,—приданое принадлежитъ имъ, при чемъ платье, обыкновенно, прячется въ сундукъ и хранится до ихъ возраста, если они малолѣтны. Мужъ наслѣдуетъ самую незначительную часть имущества жены, о чемъ также подробнѣе булетъ сказано ниже Если послѣ умершей неосталось дѣтей, то приданое возвращается опять въ ту семью, откуда была взята жена. Обычай, по которому доходы съ разныхъ хозяйственныхъ произведеній (огородныхъ овощей, льна, конопли, табаку, молочныхъ скоповъ, пряжи) поступаютъ въ исключительную собственность жены, существуетъ здѣсь въ полной силѣ, и если жена довѣряетъ мужу продажу этихъ произведеній, то съ тѣмъ только условіемъ чтобы вырученныя за нихъ деньги были отданы ей. Весь домашній скотъ, воспитанный женою безъ помощи мужа, считается также принадлежащимъ ей и мужъ неимѣетъ права продать его.

Оффиціальные, законные разводы въ семействахъ нашихъ крестьянъ почти ни когда не бываютъ, такъ какъ достиженіе ихъ сопряжено съ хлопотами, превышающими средства крестьянина. Но за то весьма часты разводы добровольные или самовольные, и причина этому коренится отчасти въ сильной распущенности нравовъ сибирскаго населенія, отчасти въ дурномъ обращеніи мужей съ женами.

О первыхъ завоевателяхъ Сибири, пришедшихъ вмѣстѣ съ Ермакомъ, Миллеръ, между прочимъ, говоритъ: «хотя сіи люди безбожнымъ образомъ нѣсколько лѣтъ житіе свое провождали, да еще и въ ту пору отстать отъ того немогли, однакожъ не можно сказать, чтобы они страха Божія со всѣмъ въ себѣ не имѣли. При томъ же и то крѣпко наблюдали, чтобъ никто блудодѣяніемъ или инымъ грѣхами, до нечистоты касающимися, не наводилъ на себя гнѣва Божія. Преступниковъ сего рода при всѣхъ людяхъ мыли и на три дня въ желѣза сажали.» [17]) Но эта чистота нравовъ еще при жизни Ермака начала переходить въ другую крайность, и вскорѣ въ Сибири повсемѣстно водворился страшный развратъ Женщинъ насиловали, женились разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на нѣсколькихъ женахъ, продавали ихъ, отдавали въ наемъ. Воеводы сами держали дома терпимости и пользовались отъ нихъ доходами [18]) Паллассъ, бывшій въ Томскѣ въ 1770 г., говоритъ:

---

[17]) Описан. Сибирск. царст. 1, 79, 80.

[18]) Серафимовичъ. Очерки русск. нравовъ въ старой Сибири, въ Отеч. Зап. т. CLXXIV.

«Ни единова мѣста не видалъ такова, въ которомъ бы пьянство было толь обще и толь бы высокомъ степени, какъ въ Томскѣ; еще къ тому два господствующіе и между собою свойственные пороки суть блудодѣяніе и французская болѣзнь; но на сіе и во всѣхъ сибирскихъ городахъ жалуются.» [19]) Фалькъ, бывшій въ Томскѣ почти въ одно время съ Палласомъ, говоритъ, что причину бывшихъ тогда частыхъ пожаровъ должно приписать, «по большей части, распутной жизни обывателей.» [20]) Андреевъ въ своей «Домашней лѣтописи» замѣчаетъ, что, женясь и пріѣхавъ на службу въ Ямышевскую крѣпость, онъ «первый годъ жены своей, кромѣ Бригадира и Коменданта, ни куда не отпускалъ, и то вообще съ комендантшей, или благодѣтеля-жъ нашего бывшаго при таможнѣ Комисара Хворова женой,—ибо всѣ офицерскія жены, будучи низкаго состоянія, бѣднѣйшія, а къ тому распутныя, о которыхъ я, будучи холостымъ, довольно по обращеніямъ насмотрѣлся, почему все сіе было для меня и несходно.» [21]) Что сибиряки настоящаго времени недалеко ушли въ нравственномъ отношеніи отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ,—это извѣстно всѣмъ и каждому, кто живалъ нетолько въ нашихъ городахъ, но даже селеніяхъ, лежащихъ по большому тракту, а равно близъ золотыхъ промысловъ и горныхъ заводовъ и рудниковъ Въ самыхъ горныхъ заводахъ и рудникахъ развратъ развитъ до высшей степени, такъ что здѣсь дѣвушка считаетъ ни почемъ, и иногда безъ всякой надобности, показать на судѣ, что она находится въ любовной связи съ такимъ то или такимъ то. Въ Іюлѣ м. 1867 г. проживавшая въ стряпкахъ у обывателя Зыряновскаго рудника Николая Меньщикова, дѣвка Анна Федотова, украла у хозяина 1 р и когда призвана была въ волостной судъ, то показала, что деньги эти она получила отъ хозяина за любовную съ нимъ связь, хотя послѣ и созналась, что это неправда Въ Августѣ м. 1871 г дочь мастероваго Авдотья Кудрина, разсорившъ до драки обывателя того же рудника Афанасія Латышева и его жену, показала въ судѣ, что это сдѣлано ею нарочно, такъ какъ она приревновала жену Латышева къ обывателю Андрею Халтурину, съ которымъ она, Кудрина, давно уже находится въ любовной связи Въ Іюлѣ 1872 г. дочь мастероваго того же рудника Настасья Малюрина (19 лѣтъ) не постыдилась показать въ волостномъ судѣ, что была изнасилована обывателемъ Прудецкимъ и двумя его товарищами, между тѣмъ, какъ по показанію нѣсколькихъ бывшихъ при этомъ, свидѣтелей, мужчинъ и женщинъ, она добровольно ходила для чего-то съ Прудецкимъ въ кусты, такъ какъ давно уже «гуляетъ» съ нимъ; что же касается до двухъ его товарищей, то они до нея даже не касались, а были только нѣмыми свидѣтелями ея безтыдства. Въ мѣстахъ, прилегающихъ къ золотымъ промысламъ, при выходѣ съ нихъ рабочихъ, родители часто дозволяютъ дочерямъ приглашать къ себѣ гостей на имянины (конечно вымышленные), и рабочій, опоенный на этихъ имянинахъ дурманомъ, но за то насладившійся вдоволь любовными утѣхами, приходитъ въ себя гдѣ нибудь на улицѣ или подъ заборомъ, безъ гроша въ карманѣ. Въ это время, часто жена, съ дозволенія мужа, а часто по его приказанію, дѣлается пошлѣе и гаже самой наглой проститутки. Даже въ отдаленныхъ захолустьяхъ, сплошъ и рядомъ родители легко смотрятъ на

---

[19]) Путеш. 11, 429, 430.
[20]) Полн. собр путеш. по Россіи. Т. VII, 538.
[21]) Стр. 83.

развратъ своихъ дѣтей: «пусть погуляетъ дѣвка, пока молода, говорятъ они; а если что лишнее заробитъ, то и слава Богу.» Многія начинаютъ такую гуляйку весьма рано, еще неуспѣвъ совершенно развиться физически, лѣтъ 13 или 14. У многихъ гуляйка непрекращается и съ выходомъ замужъ. Послѣдствіемъ этого бываетъ то, что мужъ бросаетъ жену и заводитъ себѣ любовницу, съ которой и живетъ, а жена, съ своей стороны, уходитъ къ любовнику и остается жить у него, также на правахъ жены.

При грубости и неразвитости нравовъ нашихъ крестьянъ, дурное обращеніе мужа съ женой составляетъ явленіе не только неисключительное, но повторяющееся почти ежедневно. «Мужъ найдетъ вину, коль захочетъ побить жену,» говоритъ пословица и, дѣйствительно, онъ бьетъ ее весьма часто и за дѣло и безъ дѣла. Одинъ крестьянинъ Бійскаго округа похвастался пріѣзжему гостю, что жена его варитъ самое лучшее пиво въ деревнѣ, а между тѣмъ пива оказалось весьма мало, потому что хозяйка не ждала гостей. И вотъ хозяинъ, вызвавъ жену чрезъ заднее крыльцо на дворъ высѣкъ ее безчеловѣчно и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился къ гостю. Одинъ крестьянинъ Каинскаго округа сталъ бить на улицѣ свою жену рѣшительно безъ всякаго дѣла и когда бывшіе тутъ посторонніе люди вступились за нее, то онъ сказалъ, что ни кто не имѣетъ права указывать ему, какъ распоряжаться своею женою, что онъ можетъ дѣлать съ нею все, что хочетъ,—даже лѣтомъ запрячь въ сани и ѣздить по улицамъ. Лѣтъ десять тому назадъ, въ одномъ изъ селеній, прилегающихъ къ золотымъ промысламъ, во время выхода съ нихъ рабочихъ, мы сами были свидѣтелями одной возмутительной сцены изъ семейной драмы нашихъ крестьянъ: пьяный мужъ, при цѣломъ семействѣ, жестоко избилъ свою жену уздою за то только, что она не пошла, по его приказанію, ночевать съ его пріятелемъ, рабочимъ съ золотыхъ промысловъ, между тѣмъ, какъ этотъ пріятель предлагалъ ей за то 3 р. Такой поступокъ нашелъ еще одобреніе у старшихъ членовъ семейства: мужа де во всемъ слѣдуетъ слушать, а деньги въ домѣ пригодятся. Отъ женщинъ, которыя, благодаря своему крѣпкому сложенію, сохранили здоровье до преклонныхъ лѣтъ, постоянно приходится слышать слова: «не такая-бы я еще была, если-бы не была столько бита.» Побои соединяются иногда еще съ ругательствомъ и истязаніями. Намъ попалось одно уголовное дѣло 1839 г., изъ котораго видно, что крестьянинъ Шадринской волости, Барнаульскаго округа, Дмитрій Носкотинъ сдѣлалъ надъ женой своей Степанидой такое циническое и варварское ругательство, что мы не находимъ приличныхъ словъ для описанія его поступка. Изъ другаго дѣла, производившагося въ 1865 г., видно, что крестьянинъ Верхне Каинской волости, Каинскаго округа, Андрей Сартаковъ, услышавъ о дурномъ, будтобы, поведеніи жены своей Александры, во время отлучки его на золотые промысла, завелъ ее въ баню и сѣкъ розгами такъ жестоко, что она чрезъ 5 дней умерла.

Сколько ни доводилось намъ разсматривать случаевъ о самовольномъ расторженіи браковъ между нашими крестьянами, мотивы къ этому всегда одни и тѣ же. Жена, обыкновенно, жалуется на то, что мужъ «гуляетъ» отъ нея, держитъ любовницу, бьетъ безъ всякаго дѣла и т. п.; мужъ, съ своей стороны, объясняетъ, что онъ «находитъ на жену», т. е. бросается бить ее, за то, что она дурнаго поведенія, плохо управляется съ домашностью, не ткетъ и непрядетъ, худо одѣваетъ дѣтей и т. п. При рѣшеніи подобныхъ случаевъ крестьянскіе суды бываютъ поставляемы въ большое затрудненіе, потому что, по пословицѣ, «мужъ да жена—одна сатана», или «и корова

реветъ и медвѣдь реветъ, и самъ чортъ не разберетъ, кто кого деретъ». Обыкновенно, они поступаютъ такъ: если мужъ дѣйствительно виноватъ, то онъ подвергается аресту или тѣлесному наказанію; если виновата жена, то она приговаривается, въ большинствѣ случаевъ, къ общественной работѣ или къ содержанію на хлѣбѣ и водѣ; при чемъ считается нужнымъ «внушить женѣ, чтобы она вела жизнь добропорядочную и къ мужу своему была бы покорна, какъ требуетъ того супружеская обязанность, а мужу, чтобы онъ имѣлъ съ женою своею супружественный союзъ». Но иногда судъ ясно видитъ, что мужъ и жена оба виноваты и наказываетъ обоихъ, а иногда, не подвергая наказанію ни того, ни другаго, оставляетъ ихъ взаимныя претензіи безъ разрѣшенія. Въ Іюлѣ м. 1865 г. Бухтарминскій волостной судъ, Бійскаго округа, приговорилъ крестьянина Евдокима Горѣлкова, за дурное обращеніе съ женою и «напрасные ей побои,» къ наказанію розгами 20 ударами, а жену его Анну, за побѣгъ отъ мужа, 10 ударами. Въ Мартѣ м. 1866 г., крестьянинъ Бѣлоярской волости, Барнаульскаго округа, Тимофей Веснинъ, оставя жену свою Степаниду, какъ «неспособную ни на что и растрачивающую хозяйство, уѣхалъ изъ своей деревни въ другую и сталъ проживать тамъ, не давая ни какого содержанія ни ей ни двумъ малолѣтнимъ дѣтямъ». Чтобы чѣмъ нибудь существовать, Степанида пустилась промышлять развратомъ. Бѣлоярскій волостной судъ, разсмотрѣвъ это обстоятельство, рѣшилъ: Тимофея Веснина наказать розгами 20 ударами, а жену его Степаниду 10. Въ Іюлѣ м. 1871 г., обыватель Зыряновскаго рудника, Бійскаго округа, Емельянъ Коноваловъ принесъ волостному суду жалобу, что жена его Аграфена, сбѣжавъ отъ него годъ тому назадъ, безъ всякой причины, неизвѣстно гдѣ пропадала все это время, а нынѣ хотя и возвратилась въ с. Зыряновское, но жить съ нимъ, Емельяномъ, нехочетъ. Аграфена показала, что она сбѣжала изъ дома отъ притѣсненій мужа, а жила цѣлый годъ въ Зміевскомъ заводѣ, питаясь подаяніемъ. Судъ рѣшилъ: «такъ какъ Аграфена сдѣлала этотъ проступокъ противъ мужа въ первый разъ, то оставить ее безъ наказанія, но съ тѣмъ, чтобы она неосмѣливалась уклоняться отъ мужа, а имѣла бы уваженіе и покорность къ нему, какъ къ главѣ семейства; въ случаѣ же, если мужъ станетъ обижать ее, то она должна довести объ этомъ до свѣдѣнія своего начальства.» Случается, что жены бѣгаютъ мужей, вслѣдствіе, будто-бы, болѣзни послѣднихъ. Такъ, въ Іюнѣ м. 1865 г., крестьянка Бѣлоярской волости Христина Колеснякова объявила волостному суду, что нехочетъ жить съ мужемъ своимъ Афанасіемъ по болѣзни его; «по какъ она неоправдала уважительными причинами уклоненія своего отъ общежитія съ мужемъ,» то «судъ приговорилъ подвергнуть за это Христину наказанію розгами, давъ ей на первый разъ 10 ударовъ. Но иногда мужъ или жена положительно объявляютъ на судѣ, что нехотятъ жить вмѣстѣ, а потому просятъ раздѣлить ихъ имущество,—и судъ находится вынужденнымъ уступить этому требованію, опасаясь, чтобы, въ противномъ случаѣ, «невышло какого нибудь грѣха»—Въ Мартѣ м. 1866 г., крестьянка д. Верхъ-Марушки, Бійскаго округа, Анна Ганова объявила Алтайскому волостному суду, что мужъ ея Андрей Гановъ, а равно мать его и отецъ дѣлаютъ ей невыносимыя стѣсненія и наконецъ выгнали ее изъ дому, такъ что она должна жить на квартирѣ; а какъ у нея нѣтъ никакихъ средствъ жить самостоятельно, то просила отобрать отъ мужа и его родственниковъ принадлежащее ей имущество и передать ей, просительницѣ. На судѣ свекровь Гановой положительно отозвалась, что съ невѣсткою жить вмѣстѣ небудетъ, и судъ рѣшилъ отобрать отъ мужа Гановой и его родственниковъ и отдать просительницѣ принадлежащее ей имущество, чтобы она могла жить на квартирѣ.—Въ

Апрѣлѣ м. 1866 г., отставной рядовой Чупинъ рѣшительно объявилъ Бійскому волостному суду, что нехочетъ жить съ женой своей Катериной, а потому просилъ отобрать отъ нея купленныя ей на его деньги вещи и раздѣлить между ними, нажитые вмѣстѣ, домъ и овинъ Судъ ничего немогъ сдѣлать къ примиренію супруговъ и удовлетворилъ просьбу Чупина —При сводныхъ бракахъ между православными и раскольниками (преимущественно въ Алей ской, Владимірской, Крутоберезовской и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ Бій скаго округа), разводы весьма часты Православная, выйдя за мужъ за раскольника и проживъ съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ, часто оставляетъ мужа и выходитъ за православнаго.

Вообще, должно замѣтить, что, въ случаѣ ухода жены отъ мужа, она, обыкновенно, уноситъ съ собою и свое имущество, какъ, напримѣръ, ношебное платье. Дѣти, если они есть, по большей части, остаются у отца или какъ случится.

2) Юридическія отношенія членовъ семьи вообще.

Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ, разсматривая значеніе сибирской семьи и взаимныя отношенія ея членовъ, пришелъ къ результатамъ, довольно неблагопріятнымъ для сибиряковъ. «Сибирское населеніе, говоритъ онъ, ставши въ сферу новыхъ, особенныхъ физико географическихъ и этнографическихъ условій Сибири, частію вслѣдствіе упленной борьбы за существованіе въ домообзаводствѣ при новыхъ физико-экономическихъ условіяхъ суровой и трудно-доступной сибирской природы, а частію и вслѣдствіе значительнаго физіолого-психическаго и сожительно бытоваго объединенія съ сѣверными сибирскими азіатами, болѣе наклонно стало къ эгоистически-матеріалистическому умо-настроенію, къ однимъ матеріальнымъ, чувственнымъ, интересамъ жизни, или къ эгоистическимъ, своекорыстно-пріобрѣтательнымъ и семейно родовымъ стремленіямъ, а во все не какимъ нибудь идеалистическимъ гражданственнымъ принципамъ, или соціально нравственнымъ чувствамъ и стремленіямъ, и гораздо охотнѣе усвояло эгоистически-матеріалистическую мораль или привычки жизни азіатцевъ, чѣмъ высшія человѣческія чувства и убѣжденія европейцевъ Вообще, семейно-родовой эгоизмъ, исключительная забота отцовъ семействъ о буржуазномъ, торгово-промышленномъ счастіи своихъ семействъ, о пріобрѣтеніи и приращеніи капитала, барышей и славы богатства для себя, «для цѣлаго своего семейства,» для своего дома или рода, стремленіе «показать себя людямъ,» въ обществѣ, стать въ уровень со всѣми «хорошими людьми,» . . . . всѣ такія эгоистическія семейныя чувства, помыслы, заботы и дѣйствія всецѣло преобладаютъ надъ всякими общественными интересами и стремленіями. И въ пѣсняхъ сибирскихъ, послѣ любовной страсти, всего болѣе воспѣвается семья, рожденіе дѣтей, женитьба сына или выдача дочери замужъ и т. п. При такомъ преобладаніи семейно родовыхъ чувствъ и интересовъ,—казалось-бы, хоть въ узкомъ, замкнутомъ кругу семейныхъ отношеній сибирскаго общества должны господствовать во всей полнотѣ нѣжныя, искреннія чувства любви, истинной доброжелательности и благосклонности, взаимнаго уваженія, честности, справедливости и добросердечной взаимной помощи и благотворительности. Но нѣтъ,—и самый семейно-родовой эгоизмъ сибиряковъ весьма часто проникнутъ бываетъ, опять, личными, эгоистическими интересами и чувствами Сплошь и рядомъ въ семействахъ жена, дочери, невѣстки тайкомъ крадутъ изъ домашняго дохода или хозяйства и, что можно, продаютъ на сторону; каждая для себя и тайкомъ

другъ отъ друга Это, по домашней эгоистической морали сибирячекъ, называется «прикладывать для себя» Сыновья также часто скрытно отъ отцовъ и матерей добываютъ себѣ деньги на счетъ отцовскихъ пожитковъ. Отцы большею частію предпочтительно любятъ тѣхъ только сыновей, которые съ раннихъ лѣтъ обнаруживаютъ большія буржуазныя наклонности и эгоистически пріобрѣтательныя способности Весьма часто бываетъ и то, что хотябы самъ «родитель» ни гроша недалъ сыну на воспитаніе и съ грѣхомъ пополамъ «вспоилъ-вскормилъ» его, и хотя бы взрослый сынъ какъ волъ работалъ нанего, когда жилъ вмѣстѣ съ нимъ,—родитель, однакожь, безпощадно требуетъ, чтобы сынъ и потомъ до гроба «поилъ-кормилъ» его, отдавалъ бы ему хотя послѣднія свои средства жизни, вообще, необращая ни какого вниманія на бѣдственное положеніе своего сына, его трудность добыванія средствъ самообезпеченія,—немилосердно требуетъ отъ него помощи, «замѣны на старости лѣтъ;» иначе, бьетъ его, или жалуется на него начальству и непремѣнно проклинаетъ его, «вѣчно укоряя его тѣмъ, что поилъ—кормилъ его и воспитывалъ»—Да, какъ, по видимому, ни господствуютъ въ сибирскомъ обществѣ семейно—родовыя чувства и привязанности, но и за ними въ большей части общества почти сплошъ и рядомъ кроется корысть и личный эгоизмъ.» [22])

Такой выводъ, какъ совершенно справедливый, неподлежитъ никакому основательному возраженію; но какъ онъ касается преимущественно нравственной стороны значенія сибирской семьи и взаимнаго отношенія ея членовъ, то мы постараемся пояснить его нѣкоторыми положеніями чисто юридическаго свойства.

Значеніе семьи въ крестьянскомъ быту Сибири настолько же кровное, насколько хозяйственное. Хозяйственный элементъ играетъ въ ней едва-ли еще небольшую роль, нежели кровный: это больше сожитіе по общему труду, чѣмъ по происхожденію.

Точно также, власть старшаго въ семьѣ имѣетъ значеніе нестолько по лѣтамъ, сколько по его матеріальной возможности содержать семью —Иногда старшій въ семьѣ по лѣтамъ отецъ, чувствуя себя въ невозможности быть матеріально полезнымъ семейству, передаетъ власть свою старшему сыну и самъ подчиняется ему, ограничивая все свое вліяніе на него однимъ совѣтами.

Въ старину, отецъ семейства въ Сибири былъ неограниченнымъ повелителемъ въ своемъ домѣ и распоряжался какъ хотѣлъ судьбою своихъ дѣтей—женилъ сына, выдавалъ дочь замужъ, лишалъ дѣтей наслѣдства, выгонялъ ихъ изъ дома, отдавалъ ихъ въ услуженіе или, поступая самъ въ кабальную зависимость, закабалялъ и все семейство.—Нѣкто Матвѣй Тарскій далъ на себя въ 1700 г Томскому Алексѣевскому монастырю слѣдующую крѣпость: «се азъ, Матвей, Ивановъ сынъ, въ Томскомъ гулящій человѣкъ, въ нынѣшнемъ 208 г. Декабря въ 18 день, занялъ я есмь Матвей Томскаго города Алексѣевскаго монастыря у Архимандрита Іоны, да у казначея іеромонаха Іосифа съ братіею 50 рублевъ денегъ, и за тѣ заемныя деньги мнѣ

---

[22]) Щаповъ. О развитіи высшихъ человѣческ. чувствъ. Въ Отеч. Записк. 1872 г. № 10.

Матвею, и съ женою своею Софьею, Васильевой дочерью, и съ сыномъ Борисомъ и съ дочерьми жити у него, Архимандрита съ братіею, въ монастырѣ въ вѣчной служилой работѣ, а, живучи, мнѣ, Матвѣю, и съ женою и съ дѣтьми у него, Архимандрита съ братіею, всякія монастырскія и деревенскія работы работати безъ всякаго ослушанія, что они, Архимандритъ съ братіею, незаставятъ; а живучи не пить и небражничать, зернью и карты неиграть, и по кваснымъ неходить, и съ воровскими людьми неводиться; и, монастырскаго чего покравъ, ни куда неизбѣжать; а пить, ѣсть мнѣ, Матвею, и женѣ моей, и дѣтямъ и обувь носить монастырскую; а буде я, Матвей, съ женою и дѣтьми за монастыремъ жить вѣчно незахочу, самовольно куда уйду, или въ чемъ стану ослушаться, пить и бражничать, зернью и карты играть и по кваснымъ ходить,—и ему, Архимандриту Іонѣ съ братіею, меня, Матвея, и жену и дѣтей моихъ унимать отъ всякаго дѣла, смотря по винѣ смирять, или что изъ монастырскаго покраду и куда убѣгу, или въ чемъ противъ сей жилой памяти неустою,—и ему, Архимандриту Іонѣ съ братіею взять на мнѣ, Матвеѣ, и на женѣ и на дѣтяхъ моихъ за неустойку по сей жилой записи за рядъ 100 рублевъ и убытки и протори, по ихъ, Архимандрита Іоны съ братіею, сказкѣ, что они проторей своихъ скажуть; въ томъ я, Матвей, съ женой и съ дѣтьми ему, Архимандриту Іонѣ съ братіею, вѣчную жилую на себя и на насъ далъ.» [23]) Продавать и закладывать своихъ дѣтей иногда побуждала отца одна нужда денегъ ради пьянства, и эта дѣтоторговля продолжалась по мѣстамъ вплоть до настоящаго вѣка. Такъ, напримѣръ, въ 1760 г. въ Омскѣ, писчикъ Бекишевъ насчиталъ на разночинца Окопечникова 25 р. при пріемѣ отъ него мірскихъ денегъ; Бекишевъ пожаловался на него управителю Куличкину, который началъ стращать Окопечникова слѣдствіемъ «И убоясь такихъ уг. озовъ, за непмѣніемъ своихъ, заложи сына своего роднаго поручику Меньшикову въ 25 р.,» Окопечниковъ отдалъ ихъ Бекишеву. [24]) Такая дѣтоторговля, въ измѣненной нѣсколько формѣ, продолжается и до сего времени. Между крестьянами, силошъ и рядомъ, отецъ входитъ въ долги и отдаетъ кредитору своего сына для отработка этихъ долговъ, или же, отдавая сына въ работу, беретъ себѣ его вознагражденіе — Вообще должно сказать, что хотя въ настоящее время власть отца семейства утратила уже много прежняго своего значенія, но тѣмъ не менѣе она все таки стремится быть деспотическою. Въ большинствѣ случаевъ, и теперь крестьянинъ, старшій въ семействѣ,—неограниченный повелитель въ домѣ; всѣ должны безпрекословно повиноваться его волѣ, исполнять всѣ его желанія и требованія, неразсуждая—справедливы-ли онѣ или нѣтъ; встречаемыя сопротивленія и неисполненія наказываются побоями. Что касается до имущества, составляющаго общее достояніе семьи, то онъ—полный его хозяинъ и распоряжается имъ какъ ему угодно; отдѣльная собственность членовъ семьи (кромѣ приданаго жены, какъ замѣчено выше) можетъ существовать не иначе, какъ съ согласія старшаго. Всякій заработокъ того или другаго члена семьи идетъ въ массу преимущества, составляющаго общее достояніе семьи. Отъ этого каждый членъ семьи старается скрыть часть своего заработка на черный день, какъ говорится, а домохозяинъ также прячетъ отъ домашнихъ пріобрѣтаемыя общими силами деньги то въ чулокъ, то въ перину, то въ трубу, чтобы ни кто не зналъ. Часто мѣсто сокрытія

---

[23]) Изъ дѣлъ Алексѣевскаго монастыря.

[24]) Потанинъ — Матеріалы для исторіи Сибири.

денегъ необъявляется даже и при смерти и спрятанное такъ и пропадаетъ, безъ всякой пользы для кого бы то нибыло.

Вслѣдствіе деспотической власти старшаго въ семьѣ, онъ отвѣчаетъ за младшихъ, неотдѣленныхъ ея членовъ и, по крестьянскому суду, часто подвергается вмѣстѣ съ ними наказанію, въ особенности если онъ допускалъ поноровку ихъ дурному поведенію или мошенническимъ поступкамъ. Въ Мартѣ м. 1872 г крестьянинъ Бухтарминской волости Егоръ Бурнашевъ, поругавшись съ крестьяниномъ же Прокопіемъ Ляпуновымъ, велѣлъ находившимся при этомъ сыновьямъ своимъ бить Ляпунова, что ими и исполнено. Волостной судъ, приговоривъ отца къ наказанію розгами, освободилъ сыновей отъ всякой отвѣтственности.

Но если, съ одной стороны, власть старшаго въ семействѣ стремится постоянно держать себя въ предѣлахъ деспотизма, то, съ другой, подчиненные члены семьи иногда энергически протестуютъ противъ этого. Отъ того, кровавыя драмы въ семействахъ нашихъ крестьянъ—нерѣдкость. Приводимъ первые примѣры, попавшіеся подъ руку.—Въ 1844 г., въ Каинскомъ округѣ, крестьянинъ Ѳеоктисть Слободчиковъ былъ убитъ женою своей Авдотьей и дочерью Марьей.—Въ 1845 г., Въ Бійскомъ округѣ, дочь канонира Авдотья Счечева вывела на отца своего, что онъ насильно растлилъ ее, между тѣмъ, какъ это неподтвердилось и она клеветала на отца съ цѣлію, чтобы онъ былъ сосланъ въ каторжную работу.—Въ 1846 г., въ томъ же округѣ, крестьянская дочь Мотрена Бедарева отравила отца мышьякомъ.—Въ томъ же округѣ, крестьянинъ Елисей Соболевъ зарѣзалъ отца за дурное обращеніе съ нимъ, а брата, сноху и ихъ дочь за то, что они наушничали на него отцу и пр. и пр. Изъ книгъ на записку рѣшеній волостныхъ судовъ видно, что крестьяне, старшіе въ домѣ, весьма часто жалуются судамъ на непочтеніе, неповиновеніе, даже побои своихъ дѣтей, а тѣ, въ свою очередь, приносятъ жалобы на дѣлаемыя имъ отцами притѣсненія, обиды и т. п., при чемъ нерѣдко пускаютъ въ ходъ даже клевету.—Въ 1861 г. сельскій староста Осиновскаго общества Кайлинской волости, Томскаго округа, представилъ въ волостной судъ крестьянъ Ефима, Семена и Ивана Завьяловыхъ за нанесеніе ими побоевъ отцу и матери.—Въ 1864 г., тамъ же, дочь мастероваго Бачанова, изъ д. Усть-Каменской, показала на отца, что онъ растлилъ ее, а послѣ созналась, что сдѣлала это по злобѣ.—Въ 1866 г. крестьянка Спасской волости, Томскаго округа, Шебалина жаловалась волостному правленію, что дочь душила ее, при свидѣтеляхъ, за горло.—Въ 1871 г. въ Бійской волости, Бійскаго округа, одинъ пріемышъ жаловался на своего воспитателя, что онъ, по старости, выжилъ изъ ума и непозволяетъ ему хозяйничать.—Въ томъ же году, въ Кайлинской волости были слѣдующіе случаи: внукъ билъ бабку, принявшую его съ женою къ себѣ въ домъ и завѣщавшую ему 100 р.; отецъ жаловался на 19-ти лѣтняго сына, что онъ не слушаетъ его, дѣлаетъ грубости и однажды толкнулъ даже въ грудь, а на дочь, что она самовольно ушла изъ дома, снесла разныя вещи и развратничаетъ и т. д. Крестьянскіе суды даютъ, большею частію, полную вѣру жалобамъ старшихъ членовъ семьи на младшихъ и приговариваютъ послѣднихъ къ тѣлесному наказанію и испрошенію прощенія у обиженныхъ.

По смерти старшаго въ семьѣ, власть его, по установившемуся обычаю, переходитъ къ старшему взрослому неотдѣленному сыну, который, равно какъ и жена его, еще при жизни отца пользуются почетомъ отъ младшихъ.

Если взрослыхъ сыновей въ семействѣ нѣтъ, но есть неотдѣленный братъ умершаго старѣйшины семьи (что бываетъ, впрочемъ, довольно рѣдко), то власть старшаго въ семьѣ переходитъ къ нему Если нѣтъ и неотдѣленнаго брата, то эта власть переходитъ иногда, (то же рѣдко), снова въ восходящую линію—къ отцу старшаго въ семьѣ, и тогда уже, дѣйствительно, значеніе его признается нестолько по матеріальной возможности содержать семью, сколько по лѣтамъ.

На женщину крестьяне смотрятъ какъ на существо, ниже ихъ стоящее; съ той же точки зрѣнія смотрятъ отцы и матери на дочерей, братья на сестеръ. Рожденіе дочерей никогда неприноситъ въ семействѣ той радости, какъ рожденіе сына, потому что дочь не можетъ принести семейству столько пользы, какъ сынъ.

Жена у крестьянина (хозяйка)—существо совершенно порабощенное. При мужѣ власть ея весьма ограниченна и непростирается дальше женскаго домашняго хозяйства За то она пользуется и доходами съ него, употребляя ихъ на приданое дочерямъ. Приданымъ, принесеннымъ ею въ домъ мужа, она распоряжается только отчасти, именно ношебнымъ платьемъ и домашнимъ скарбомъ; распоряженіе всѣмъ прочимъ имуществомъ принадлежитъ мужу, хотя это и не дастъ ему права растрачивать его.— Въ 1867 г въ Бійской волости одна жена заявила волостному суду что мужъ пропиваетъ принадлежащее ей имущество; судъ распорядился отобрать отъ мужа все, принадлежащее женѣ, и отдать просительницѣ.—Послѣ смерти хозяйки дома, имущество ея переходитъ въ наслѣдство дѣтямъ, а если ихъ нѣтъ, то возвращается въ ту семью, изъ которой она пришла — Мать—вдова, оставшаяся старшею въ семьѣ, по неимѣнію старшихъ членовъ изъ мужчинъ, пользуется всѣми тѣми правами, какъ и старшій въ семействѣ мужчина — Иногда даже мачиха, проживая, по волѣ покойнаго мужа, въ одномъ домѣ съ пасынкомъ, сохраняетъ всю власть домохозяйки, не смотря на то, что пасынокъ лѣтъ 18-ти и болѣе.

Говоря вообще, семейная жизнь нашихъ крестьянъ сложилась плохо; а потому въ семействахъ рѣдко можно встрѣтить истинную и глубокую привязанность другъ къ другу, даже между дѣтьми, происходящими отъ одного и того же брака. О существованіи подобныхъ гуманныхъ отношеній между дѣтьми, происходящими отъ разныхъ браковъ (пасынковъ и падчерицъ, дѣтей сведенныхъ, т. е. единоутробныхъ и единокровныхъ), дѣтей законнорожденныхъ къ дѣтямъ, рожденнымъ до брака, родныхъ дѣтей къ усыновленнымъ и пріемышамъ,—говорить нечего. Вообще, роль дѣтей незаконнорожденныхъ въ крестьянскихъ семействахъ достойна полнаго сожалѣнія. Они, обыкновенно, остаются на попеченіи матери, безъ всякаго участія въ этомъ со стороны отца. Если отецъ ихъ «прикроетъ грѣхъ» матери и въ послѣдствіи времени женится на ней, то они пользуются послѣ него наслѣдствомъ только тогда, когда онъ самъ назначитъ его имъ при жизни; въ противномъ случаѣ, они пользуются только наслѣдствомъ со стороны матери Впрочемъ, часто бываетъ, что законные дѣти, принявъ во вниманіе значительность времяпребыванія незаконнорожденнаго въ семействѣ, а равно и то, что онъ также участвовалъ въ пріобрѣтеніи имущества, выдѣляютъ ему часть, равную съ доставшеюся имъ самимъ.—Если мать выходитъ не за отца своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, а за посторонняго, то дѣти остаются, большею частію, у дѣда или бабки съ материей стороны и поль-

зуются наслѣдствомъ по назначенію ихъ. Мальчики, достигнувъ законныхъ лѣтъ, весьма часто поступаютъ въ военную службу за то семейство, изъ котораго вышла мать. Если незаконнорожденныя дѣти находятся на воспитаніи у кого—либо посторонняго, то они считаются вмѣсто пріемышей.

Относительно отставныхъ солдатъ и принимается во вниманіе, что солдатъ служилъ за семью, страдалъ на службѣ, а семья между тѣмъ работала; по этому солдатъ долженъ пользоваться равными правами на имущество съ другими членами семьи. Если солдатъ приходитъ въ отставку при жизни отца, то надѣлъ его имуществомъ зависитъ отъ послѣдняго, если же послѣ его смерти, когда братья уже подѣлились, то они каждый поровну удѣляютъ ему изъ своихъ частей. Обыкновенно, солдатъ—человѣкъ болѣе развитый и всегда съумѣетъ защитить свои права; съ нимъ опасно тягаться, потому что онъ вездѣ найдетъ доступъ къ начальству, которое уважитъ всякое справедливое его требованіе. Если послѣ поступленія въ военную службу одного изъ членовъ семейства, остаются жена и дѣти, то они живутъ въ семействѣ и въ послѣдствіи, при раздѣлѣ, на долю ихъ отдѣляется часть имущества, равная той части, какая слѣдовала бы ихъ мужу и отцу.—Однако же, должно замѣтить вообще, что жизнь солдатки, оставшейся въ семействѣ мужа, большею частію, очень незавидная: за нее некому заступиться, она сама должна защищать себя противъ всѣхъ нападокъ со стороны свекра и свекрови, деверей и невѣстокъ. Впрочемъ, если она незахочетъ жить въ семействѣ мужа, то члены его устраиваютъ ей иногда особый домъ, а иногда обязуются давать ей каждогодно извѣстное содержаніе съѣстными припасами. Бездѣтная солдатка, обыкновенно, уходитъ изъ семейства мужа, будучи рада тому, что дадутъ ей изъ милости, въ семейство своего отца или къ кому нибудь постороннему.

Усыновленіе (принять въ дѣтищи, брать въ дѣти) въ крестьянскомъ быту имѣетъ мѣсто по большей части, только тогда, когда въ семействѣ нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ. По обычаю, правомъ усыновленія пользуются какъ мужъ, такъ и жена. Чаще всего случается, что это дѣлается по обоюдному ихъ согласію. Пріемышъ берется вмѣсто сына, малолѣтній, съ тѣмъ, чтобы наслѣдовать воспитателю.—Иногда родители, особенно бѣдные, съ охотою отдаютъ дѣтей своихъ въ пріемыши, а потомъ, когда они подростутъ, требуютъ ихъ къ себѣ обратно.—Крестьянскіе суды рѣшаютъ дѣла подобнаго рода, большею частію, въ пользу воспитателя, въ особенности если самъ пріемышъ изъявилъ желаніе остаться у него. Но если воспитатель поведенія неодобрительнаго, то дѣло рѣшается въ пользу родителей пріемыша. Въ Октябрѣ м. 1871 г. крестьянка Бѣлоярской волости, Барнаульскаго округа, Катерина Жукова отдала на воспитаніе, «вмѣсто дочери», мастеровской женѣ Матренѣ Красильниковой внучку свою Каниду; но чрезъ нѣсколько времени принуждена была взять ее обратно, какъ потому, что Матрена худо содержала Каниду, такъ и потому, что она часто оставляла ее одну, уходя изъ дома. Красильникова принесла на это жалобу въ волостной судъ и предъявила на Жукову искъ 5 р. денегъ и 5 пудовъ пшеничной муки, употребленныхъ на содержаніе Каниды. Волостной судъ въ искѣ этомъ Красильниковой отказалъ на томъ основаніи, что Жукова вынуждена была взять внучку свою обратно, «по случаю неблагонадежности Матрены къ воспитанію и по случаю дурнаго содержанія Каниды, а не по какой-

либо прихоти.» Не рѣдко бываетъ, что самъ пріемышъ, проживъ у воспитателя годъ или два, уходитъ отъ него, а иногда воспитатель прогоняетъ его отъ себя. Въ послѣднемъ случаѣ, если пріемышъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, что могъ исполнять домашнія работы, воспитатель обязанъ уплатить ему за все время пребыванія у него въ домѣ ту плату, какой стоилъ-бы наемный работникъ.—Кромѣ усыновленія малолѣтнихъ, существуетъ еще усыновленіе или принятіе въ домъ совершеннолѣтнихъ. Какой нибудь не имѣющій дѣтей крестьянинъ, а чаще отставной солдатъ съ женою берутъ къ себѣ кого-либо въ домъ, «вмѣсто сына», съ тѣмъ, чтобы онъ хозяйничалъ до ихъ смерти, послѣ же смерти получилъ въ собственность все ихъ имущество О такомъ пріемѣ, отъ лица мужа и жены, составляется особый актъ, который записывается въ явочную книгу волостнаго правленія. Въ Январѣ м 1868 г одинъ крестьянинъ д. Ложкиной, Вѣйскаго округа, принесъ Енисейскому волостному суду жалобу о томъ, что онъ бралъ къ себѣ крестьянина той же деревни Кирила Копылова въ пріемные сыновья. вмѣстѣ съ семействомъ его, состоящимъ всего изъ 4 душъ, и содержалъ всѣхъ, какъ своихъ родныхъ, съ 20 Іюля по 10 Декабря 1867 г, на что употребилъ расходовъ на 16 р; но 11 Декабря Копыловъ отъ него ушелъ и издержанныхъ на него денегъ не платитъ. Волостной судъ приговорилъ взыскать съ Копылова въ пользу просителя 8 р.; а какъ сдѣлка между ними объ усыновленіи была безъ всякаго письменнаго акта, то, «за подобную самовольную связь,» просителя и отвѣтчика подвергнуть тѣлесному наказанію розгами 10-ю ударами и подтвердить имъ, чтобы они на будущее время «связи дѣлами на законномъ основаніи.» — Пріемъ зятя въ домъ составляетъ фактъ усыновленія въ такомъ только случаѣ, когда у тестя и тещи нѣтъ дѣтей мужескаго пола. Иногда этотъ пріемъ сопровождается письменнымъ условіемъ, явленнымъ въ волостномъ правленіи. Въ немъ тесть и теща выражаютъ, что они принимаютъ зятя къ себѣ въ домъ «въ томъ видѣ, какъ роднаго сына,» съ тѣмъ, чтобы у нихъ было общее хозяйство и общее пріобрѣтеніе; зять, съ своей стороны, обязывается «жить у нихъ честно, трудолюбиво, заниматься хлѣбопашествомъ и прочимъ хозяйствомъ со всѣмъ стараніемъ, усердіемъ и ревностію, какъ должно хорошему и рачительному хозяину, отнюдь не пьянствовать и съ людьми дурной и нетрезвой нравственности знакомства не водить; во всемъ у нихъ, тестя и тещи, быть въ полномъ повиновеніи и послушаніи.» Потомъ исчисляется, что зять приноситъ съ собою на новое хозяйство, дабы въ случаѣ нежеланія жить вмѣстѣ, можно было знать, что ему принадлежитъ и что онъ, кромѣ общихъ прибылей, пріобрѣтенныхъ въ общежитіи, безпрекословно можетъ взять съ собою.— Названіе зятя «влазенемъ,» извѣстное въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, здѣсь неупотребляется.

Относительно раздѣловъ въ крестьянскихъ семействахъ, можно принять за общее правило, что раздѣлы при жизни родителей зависятъ отъ воли сихъ послѣднихъ. Въ Августѣ м. 1867 г, Бѣлоярскій волостной судъ приговорилъ крестьянина Кирила Упорова, за самовольный отдѣлъ отъ отца, противъ воли послѣдняго и безъ дозволенія сельскаго начальства, къ наказанію розгами 5 ю ударами. Однако-же, самовольные отдѣлы взрослыхъ сыновей, противъ воли родителей, бываютъ довольно часты. Самовольно отдѣлившагося отецъ иногда лишаетъ наслѣдства; но если, послѣ смерти такого лица, остались жена и дѣти, то крестьянскій судъ опредѣляетъ имъ нѣкоторую часть жизненныхъ припасовъ на содержаніе изъ имущества свекра и дѣда. Отецъ выдѣляетъ при жизни, большею частію, женатыхъ сыновей,

по несогласіямъ между женщинами, «чтобъ отъ бабъ какого грѣха недоспѣлось». Часто отецъ, отдѣляя своего сына, составляетъ объ этомъ особый актъ и являетъ его въ волостномъ правленіи. Въ такомъ актѣ пишется, что отецъ «отпускаетъ сына и благословляетъ его отъ своего семейства, куда ему угодно будетъ поступить, безъ всякаго препятствія.» Потомъ прописывается, что дается въ надѣлъ отдѣляемому, долженъ-ли онъ платить какіе либо общіе семейные долги и т. п. Иногда, по несогласіямъ въ семействѣ, раздѣлъ производится, но мимо воли отца, судомъ. Въ Маѣ м. 1873 г., дѣти крестьянина Бухтарминской волости, Бійскаго округа, Сысоя Огнева Савелій, Степанъ, Кирилъ и Пантелей принесли волостному суду жалобу, что они неимѣютъ возможности жить вмѣстѣ съ отцомъ отъ притѣсненій его наложницы. Судъ опредѣлилъ отдѣлить ихъ отъ отца и настоялъ на этомъ. Иногда о раздѣлѣ просятъ и воспитанники или пріемыши. Въ Ноябрѣ м. 1865 г., крестьянинъ Бѣлоярской волости Василій Бакановъ, находясь на воспитаніи у крестьянина Ивана Баканова, захотѣлъ отойти отъ него. Принимая во вниманіе, что Василій въ домѣ Ивана занимался примѣрно всѣми крестьянскими работами и что если онъ хочетъ отдѣлиться отъ него, то не по прихоти, а по неудобству жить вмѣстѣ съ воспитателемъ и его женою, волостной судъ рѣшилъ отдѣлить Василія Баканова, съ тѣмъ, чтобы Иванъ Бакановъ снабдилъ его всѣмъ необходимымъ имуществомъ.—Если пасынокъ долго жилъ у вотчима и участвовалъ въ его трудахъ по хозяйству, то, при нежеланіи жить съ нимъ вмѣстѣ, онъ также отдѣляется или добровольно или судомъ, при чемъ получаетъ половину пріобрѣтеннаго вмѣстѣ имущества Если хочетъ отдѣлиться принятый въ домъ зять, то раздѣлу подлежитъ только то имущество, которое было нажито имъ вмѣстѣ съ другими членами семьи. Раздѣлы имущества братьевъ, послѣ смерти родителей, рѣдко совершаются по общему согласію наслѣдниковъ, а большею частію рѣшаются судомъ. Отдѣленный сынъ распоряжается своимъ имуществомъ какъ ему угодно. Уходя иногда въ солдаты, онъ оставляетъ все своей женѣ и отецъ неможетъ ни чего отнять у нея. Но если отдѣленный сынъ умеръ, неоставивъ дѣтей, а жена его вышла за другаго, то отецъ беретъ обратно выдѣленное ему имущество и присоединяетъ его къ общей массѣ имущества семьи. Вообще, съ выдѣломъ кого либо изъ семьи, прекращаются уже всякія имущественныя отношенія его къ другимъ неотдѣленнымъ членамъ, равно какъ и къ родителямъ.

3) Опека и попечительство.

«Вообще,» говоритъ авторъ статьи «о развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ,» слова которой о значеніи сибирской семьи и взаимныхъ отношеніяхъ ея членовъ мы привели выше,—«вообще, психическая природа сибиряка слишкомъ мало культивирована, нравственная сторона ея слабо развита. Онъ, большею частію, также дикъ, грубъ, хитеръ или лукавъ, двоедушенъ и эгоистически-своекорыстенъ, какъ бурятъ или татаринъ и остякъ. Ни что такъ непоражаетъ и непечалитъ насъ при анализѣ психическихъ или нравственныхъ проявленій въ жизни сибиряка, какъ эта неразвитость, чорствость, грубость его нравственнаго чув тва, или, лучше сказать, крайній недостатокъ или отсутствіе нравственнаго сознанія человѣческихъ обязанностей относительно ближнихъ, чувствъ гуманности, справедливости, честности. Наибольшая часть сибиряковъ, знающихъ только одни своекорыстные инте-

ресы и дѣла, ни какъ не могутъ понять, чтобы можно было даромъ, безкорыстно, сдѣлать какое нибудь общественное дѣло на пользу ближнимъ, усидчиво, усердно исполнить какую нибудь работу для общественной пользы, особенно нравственно-соціальной.» [25].)

Эти слова какъ нельзя лучше опредѣляютъ характеръ опеки и попечительства въ быту нашихъ крестьянъ—старожиловъ.

Въ Февралѣ м. 1825 г., Тобольскій Губернаторъ, между прочимъ, донесъ Генералъ-Губернатору Западной Сибири слѣдующее:

«Крестьянскія дѣти, оставшись отъ родителей своихъ, поступаютъ на воспитаніе или родственниковъ или постороннихъ людей, вмѣстѣ и съ наслѣдствомъ, которое, небывъ приведено въ извѣстность, расхищается часто корыстолюбивыми воспитателями въ свою пользу

«До совершеннаго возраста, сирота воспитывается бѣдно, съ нѣкотораго рода угнетеніемъ и съ худою нравственностью; пришедши въ совершенные лѣта, онъ предназначается своимъ воспитателемъ или, такъ сказать, хозяиномъ въ рекруты за свое семейство, въ видѣ наемщика или покормленника (пріемыша) Достояніе его остается въ рукахъ того, которому случай или часто интриги ввѣрили его воспитаніе.

«Оставшіяся дѣти при матеряхъ равномѣрно не пользуются своею собственностію. Мать, выходя вторично замужъ, увлекаетъ съ собою имѣніе дѣтей перваго брака, и они впослѣдствіи времени дѣлаются работниками своего вотчима.»

Вслѣдствіе этого, представляя составленный имъ проэктъ правилъ объ опекахъ надъ крестьянскими дѣтьми, Губернаторъ просилъ Генералъ-Губернатора объ утвержденіи ихъ.

Проэктъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе Совѣта Главнаго Управленія и Совѣтъ, по журналу 7 Іюня 1825 г. № 33, постановилъ на этотъ предметъ слѣдующія правила:

»1) Буде-бы сирота остался послѣ смерти обоихъ родителей, то все оставшееся послѣ ихъ имѣніе приведя въ извѣстность, вещи, тлѣнію подлежащія, а также скотъ,—головѣ, писарю и избранному попечителю, при видѣ всего общества, продать желающимъ и вырученныя деньги, вмѣстѣ съ оставшимися въ наличіи, если окажутся, хранить въ волостномъ правленіи до совершеннолѣтія наслѣдниковъ.

»2) Сиротъ отдать на воспитаніе избранному попечителю, который долженъ быть извѣстенъ обществу по своей доброй жизни, семьянинъ и при томъ, по возможности, сиротамъ ближайшій родственникъ. Буде бы таковый несогласился содержать сиротъ безъ платы, то производить оную по усмотрѣнію головы изъ оставшихся послѣ родителей сироты денегъ, со всею умѣ-

[25]) Стр. 478.

ренностію, до того времени, пока сироты будутъ въ состояніи работать и помогать своему воспитателю, слѣдовательно приносить ему пользу.

»3) Голова долженъ имѣть попеченіе, чтобъ таковыя сироты не были притѣсняемы въ семействѣ воспитателя; въ противномъ случаѣ, обязанъ дѣлать приличныя внушенія и, по усмотрѣнію необходимости, отбирать сироть и отдавать въ другое семейство.

»4) Буде у сироты останется отецъ или мать, то принадлежащее дѣтямъ имѣніе оставить у нихъ въ такомъ только случаѣ, когда общество найдетъ того отца или мать заслуживающими довѣрія и неспособными къ растратѣ имѣнія; но буде, напримѣръ, послѣ смерти отца, у малолѣтнихъ осталась мать неблагонадежнаго поведенія или желающая вступить во вторичный бракъ, то въ такомъ случаѣ, если имѣніе принадлежитъ умершему отцу, то оное, за исключеніемъ необходимаго для оставшейся, а также дома для жительства и частію скота, продать желающимъ и вырученныя деньги, вмѣстѣ съ найденными въ наличіи, хранить при волостномъ правленіи до совершенолѣтія. Такимъ же образомъ поступать и въ первомъ случаѣ, когда имѣніе будетъ оставлено у отца или матери которые въ послѣдствіи, по усмотрѣнію головы, окажутся къ сохраненію неблагонадежными; но, во избѣжаніе несправедливости, дѣлать неиначе, какъ по мірскому приговору.

»5) Во всякомъ случаѣ, когда послѣ смерти отца или матери останутся сироты, волостной голова обязанъ доносить о томъ земскому Исправнику съ объясненіемъ, гдѣ сироты тѣ будутъ пристроены и какое распоряженіе сдѣлано съ ихъ имѣніемъ.

»и 6) Земскіе исправники обязаны имѣть за таковыми сиротами строгое попеченіе и наблюденіе и за всякое замѣченное ими волостныхъ головъ упущеніе взыскивать неослабно.» [26])

Хотя правила эти въ сущности основаны на юридическихъ обычаяхъ, однако-жь вполнѣ они ни когда неисполнялись. До очень недавняго времени во многихъ волостныхъ правленіяхъ не было даже во все заводимо дѣлъ по опекѣ и попечительству.

Вообще можно принять правиломъ, что, по народнымъ обычаямъ, послѣ смерти одного изъ родителей, права и обязанности умершаго въ отношеніи личности малолѣтнихъ дѣтей и имущества ихъ переходятъ къ другому, оставшемуся въ живыхъ: послѣ жены—къ мужу, послѣ мужа—къ женѣ, если, впрочемъ, она хорошаго поведенія; въ противномъ случаѣ, общество передаетъ опеку дѣду, бабкѣ и другимъ родственникамъ Разсматривая рѣшенія волостныхъ судовъ, мы встрѣтили случай, что судъ устранилъ отца отъ опеки надъ сыномъ, передавъ все имущество, оставшееся сыну въ наслѣдство послѣ матери, сестрѣ ея, т. е. теткѣ сироты, при чемъ поручилъ ей смотрѣть и за племянникомъ; однакожъ, не сдѣлалъ ее опекуншей, считая женщину какъ будто бы не со всѣмъ способною для этого. Если у умершаго остался взрослый братъ и малолѣтніе дѣти то опека весьма часто, но мимо матери, переходитъ къ этому брату. Если послѣ домохозяина несталось ни

---

[26]) Дѣло Томскаго Губернскаго Архива, № 6111.

жены, ни ближайшихъ родственниковъ въ восходящей и боковыхъ линіяхъ, то опекунство и попечительство надъ его дѣтьми передаются крестнымъ отцамъ и матерямъ сиротъ. Если, наконецъ, нѣтъ и крестныхъ отца и матери, то общество назначаетъ опекуна по своему усмотрѣнію, преимущественно изъ людей, необремененныхъ семействами. На богатые опеки бываетъ много желающихъ и, напротивъ, иногда приходится почти насильно назначать опекуна надъ такими сиротами, у которыхъ имущество ничтожно.—Имущество передается опекуну по описи, но своевременнаго контроля надъ дѣйствіями опекуна ни когда не бываетъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда опекунъ начинаетъ уже очевидно мотать сиротское имущество. По этому нерѣдки случаи, что находящіеся въ опекѣ, достигнувъ совершеннолѣтняго возраста, являются настоящими нищими. Сироты, которымъ родители не оставили по смерти своей ни какого имущества, существуютъ, обыкновенно, мірскимъ подаяніемъ, и общество объ нихъ ни сколько не заботится, предоставляя ихъ на волю судьбы.

4) Способы пріобрѣтенія собственности.

Извѣстно, что Сибирь издавна славилась богатствомъ пушнаго звѣря. Это богатство дѣйствительно существовало и не мало послужило къ тому, что эта обширная страна сдѣлалась наконецъ одною изъ русскихъ колоній. Пушной звѣрь привлекалъ сюда изъ Россіи множество промышленныхъ людей, которые неограничивались только покупкою рухляди отъ туземцевъ на извѣстныхъ пунктахъ—ярмаркахъ и сугланахъ,—но, увлекаемые барышемъ, рѣшались сами идти за розыскомъ звѣря въ безконечные лѣса и малодоступныя тундры. Такія странствованія доставляли имъ случай узнавать о новыхъ странахъ и собирать различныя свѣдѣнія о такихъ племенахъ, которыя были совершенно неизвѣстны правительству и о которыхъ, безъ этихъ промышленниковъ, при собственныхъ своихъ средствахъ, оно узнало бы, можетъ быть, очень не скоро. Мѣстные воеводы, узнавъ отъ промышленныхъ людей о существованіи такихъ странъ, куда непроникало еще наше оружіе, о существованіи такихъ племенъ, которыя не обложены еще ясакомъ,—посылали отряды казаковъ для подчиненія ихъ власти Московскаго Государя. Когда казаки, по малочисленности своей, не въ состояніи были исполнять этого, то на помощь къ нимъ добровольно присоединялись цѣлыя товарищества, артели промышленниковъ, организованныя на военную ногу. Въ первое время обладанія Сибирью, такія артели разгуливали вездѣ и каждая изъ нихъ старалась на перерывъ превзойти другую, проникнуть далѣе другой, столкнуться съ какимъ нибудь народцемъ, который неизвѣстенъ былъ другой. Значительная часть этого постоянно бродячаго населенія до того освоилась съ сибирскими звѣроловческими нравами, что негодилась ни къ какимъ другимъ занятіямъ, кромѣ звѣроловнаго. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ добыча звѣря была незначительна и малодоходна, вошла въ обычай и получила юридическое утвержденіе охота на людей, на инородцевъ. Такъ, въ иртышскихъ степяхъ цѣлыя артели или команды-казачьи, по свидѣтельству одного экстракта Сибирской Губернской Канцеляріи, «соединяясь всѣ обще, человѣкъ по 150, отправлялись въ улусы киргизъ—кайсаковъ и калмыковъ на охоту за полономъ непріятельскихъ людей мужеска и женска пола,» которыхъ забирали и считали наравнѣ съ жеребцами, кобылами, лошаками и верблюдами. «И тотъ де полонъ 42 человѣкъ,—сказано въ одномъ экстрактѣ,—за

помощію Божіею, вывелъ сотникъ Дороховъ съ командою въ Омскую крѣпость во всякомъ благополучіи и въ добромъ здравіи. И требуетъ де онъ, Дороховъ, рапортомъ, дабы повелѣно было вышеозначенную взятую имъ добычу людей, тако-жъ лошадей и верблюдовъ, отдать ему съ командою въ раздѣлъ, дабы де впредь многіе вѣрноподданные къ поиску непріятельскихъ людей охоту и не малую ревность имѣли. И Сибирская Губерская Канцелярія, по силѣ указа 1735 г., велѣла взятыхъ въ полонъ людей, мужеска и женска пола, и ихъ багажъ и скотъ дѣлить, кто ихъ въ полонъ добылъ, и чтобъ де служилые люди и татары къ поиску и добычѣ непріятельскихъ людей и впредь охоту имѣли.»—Служилые люди, захватывая такимъ образомъ въ кабалу и невольничество инородцевъ мужескаго пола, оффиціально назывались ихъ «хозяевами» и торговали ими. Установлялись особыя цѣны за холоповъ изъ инородцевъ. Напримѣръ, за инородческую бабу 40 лѣтъ платили 12 руб., за бухарца 30 лѣтъ съ бабой 30—же лѣтъ—1 мерина, 1 жеребенка, да денегъ 16 р., за бурутку 7 лѣтъ—6 р., за бухаретина 12 лѣтъ—1 мерина, да денегъ 1 р., за бухарку 12 лѣтъ—1 мерина, за бухарку 16 лѣтъ—12 р., за бухарку 25 лѣтъ—кобылу, жеребенка и суконный зипунъ, за киргизку 40 лѣтъ—мерина и денегъ 6 р., за киргиза—10 р., за калмыковъ, мальчика и дѣвочку—2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверикъ крупъ.. [27])—Такимъ образомъ, въ первоначальный звѣроловный и бродячій періодъ колонизаціи Сибири, изъ всѣхъ способовъ пріобрѣтенія собственно развивалось преимущественно *завладѣніе* какъ землями инородцевъ, такъ ихъ личностью и имуществомъ.—Около половины XVIII в., съ уменьшеніемъ улова пушнаго звѣря и съ удаленіемъ инородцевъ въ степи, горы и лѣса, куда малочисленнымъ партіямъ охотниковъ проникнуть было затруднительно,—около половины XVIII в звѣроловный и бродячій періодъ сталъ замѣтно прекращаться и вмѣстѣ съ тѣмъ открылся новый фазисъ развитія сибирскаго населенія. Звѣроловы начали тогда выходить изъ лѣсовъ, съ хребтовъ на берега рѣкъ, казаки и служилые люди стали селиться по окраинамъ степей; вмѣсто невсегда прибыльной ловли звѣря и инородца, они нашли болѣе выгоднымъ заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. При этомъ завладѣніе землями инородцевъ, даже совершенно подвластныхъ русскому правительству, приняло уже большіе размѣры и дало развитіе другому способу пріобрѣтенія собственности, именно *разрытію кладовъ* и *находкамъ* заключающихся въ нихъ драгоцѣнностей. На земляхъ, отнятыхъ у инородцевъ, русскіе нашли множество кургановъ, бугровъ, могильныхъ насыпей, происхожденіе которыхъ туземныя сибирскія племена приписывали какому-то давно изчезнувшему народу Чуди, похоронившему себя подъ этими курганами со всѣмъ своимъ богатствомъ. Образовались цѣлыя артели такъ называемыхъ «бугровщиковъ,» которыя устремили всю свою дѣятельность и энергію на разрытіе чудскихъ могилъ и на добычу сокрытыхъ въ нихъ сокровищъ. Дѣйствительно, многія изъ этихъ могилъ или кургановъ были до того богаты находившимися въ нихъ золотыми и разными вещами, что заслужили отъ кладоискателей названіе—«золотарей,» Такъ, въ одномъ изъ золотарей, лежащемъ въ Бійскомъ округѣ, на водораздѣлѣ рѣчки Золотухи и Шульбы вынуто золотыхъ вещей 1 пудъ 10 фунтовъ. Вообще, находки въ курганахъ дорогихъ вещей были нерѣдки.—А между тѣмъ, занятіе хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ усиливалось болѣе и болѣе, и отъ этого въ хлѣбѣ и скотѣ почувствовался такой избытокъ, что къ концу XVIII в.

[27]) Потанинъ. Матеріалы до исторіи Сибири

сельское населеніе нашлось въ необходимости выдѣлить отъ себя часть для занятія ремеслами въ городахъ. Съ этого времени, начался опять новый фазисъ въ развитіи сибирскаго населенія, незаконченшійся даже до сего времени, фазисъ торгово-промышленной, городской жизни. Скоро стремленіе поселянъ въ города усилилось до такой степени, что въ 1795 г. извѣстный уже намъ маіоръ Андреевъ въ своей домовой лѣтописи написалъ, по поводу этого, особое, длинное, какъ онъ выразился, «домашнее разсужденіе о хлѣбопашествѣ,» въ которомъ съ унынiемъ жалуется на усилившееся въ крестьянахъ стремленіе къ городской жизни, къ пріобрѣтенію матеріальнаго благосостоянія хитростью и неправдой, со вредомъ ближнихъ. «Думается, говоритъ онъ, что происходящее сіе зло вкореняется въ людей отъ единственнаго недостаточества, умствованій безполезныхъ, что они поставляютъ земледѣліе самопослѣднѣйшимъ, и гнуснѣйшимъ, и подлѣйшимъ упражненіемъ, приличнымъ только такимъ людямъ, которыхъ въ жизни ихъ почитаютъ непнако съ несмысленнымъ скотомъ въ разсужденіи трудовъ ихъ, иногда и неопрятства.— Будто опредѣлено только тѣмъ трудиться, кто только не вникъ въ роскошь, въ надменныя понятія, въ хитрость, сплетающую всякими несправедливостями и волочащую ихъ самихъ по судамъ и расправамъ по всякой неправдѣ. . . . Сколько мы видимъ такихъ великихъ селъ и деревень, которыя благословеніемъ Божіемъ расположены весьма въ такомъ изобильномъ климатѣ, гдѣ бываютъ всегда благовременные дожди и росы, имѣютъ достаточно тучныхъ и къ принесенію плодовъ препзрядныхъ земель, лѣсовъ, здоровыхъ водъ, довольныхъ жителей, но при всемъ томъ мало, а нидѣ и со всѣмъ необработанныхъ, а развѣ только для единственнаго своего пропитанія, или дѣлая одинъ близиръ, что въ такомъ-то селѣ или селеніи водится хлѣбопашество. . . . . Роскошь перемѣнила блескомъ своимъ изрядныхъ и добрыхъ земледѣльцевъ, изъ ихъ, можно сказать, праведнаго и безгрѣшнаго пребыванія, и разсѣяла по разнымъ многочисленнымъ городамъ, гдѣ ихъ принудила спискивать свое пропитаніе, въ изобильномъ наслажденіи не грубыхъ, но вкусныхъ яствъ и питія, которые непначе проживаютъ вѣкъ свой не только себѣ самимъ, но и прочимъ въ отягощеніе, отставши отъ истинной и правильной своей должности, принуждены спискивать пропитаніе свое во грѣсѣхъ, неправдѣ, въ сварѣ и непокойствѣ.» [28]) Какъ бы то ни было, но развитіе городской жизни повело за собою развитіе еще одного способа пріобрѣтенія собственности, именно *договоровъ и сдѣлокъ*, которые прежде немогли быть слишкомъ значительны и разнообразны. Всѣ исчисленные нами способы пріобрѣтенія собственности (завладѣніе, кладъ и находка, договоры и сдѣлки), вмѣтѣ съ существовавшими съ издавна *давностью и правомъ наслѣдства*, обнимаютъ собою всю сферу частной дѣятельности, направленной къ пріобрѣтенію разнаго рода имуществъ какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ.

Говоря вообще о способахъ пріобрѣтенія собственности, должно имѣть постоянно въ виду: 1) что, по обычаю нашихъ крестьянъ старожиловъ, всякое имущество, пріобрѣтенное неотдѣленнымъ членомъ семьи, поступаетъ въ общую собственность семьи, а не въ отдѣльную собственность пріобрѣвшаго его члена и 2) что ни какое добросовѣстное владѣніе чужимъ имуществомъ необращаетъ его въ собственность; слѣдовательно, давности обычай не признаетъ.—Какъ исключеніе изъ этого правила, намъ извѣстенъ одинъ только

---

[28]) Стр. 135 и слѣд.

случай. Одинъ крестьянинъ Верхо-Томской волости, Кузнецкаго округа, непользовался 20 лѣтъ правомъ на пай въ водяной мельницѣ, а какъ во все это время мельница содержалась и поддерживалась другими пайщиками, то волостной судъ призналъ что пай этого крестьянина принадлежитъ его товарищамъ, а онъ, непользуясь имъ давнее время, потерялъ на него всякое право.

Разсмотримъ теперь каждый изъ способовъ пріобрѣтенія собственности въ частности.

1) *Завладѣніе* Въ Томской губерніи большая часть крестьянскихъ селеній землею еще не надѣлена, а потому и сестема земледѣльческаго хозяйства здѣсь почти повсемѣстно *переложная*, при которой извѣстный участокъ засѣвается до тѣхъ поръ, пока неистощится; тогда даютъ ему отдыхъ отъ 10 до 15 лѣтъ, а взамѣнъ его распахиваютъ новый участокъ. Обиліе земель въ губерніи благопріятствуетъ пока этой системѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ устраняетъ множество случаевъ завладѣнія землею, столь частыхъ въ другихъ мѣстахъ. Однако же, не смотря на то, подобные случаи бываютъ и здѣсь. О дѣйствительности завладѣнія производится на мѣстѣ удостовѣреніе чрезъ волостныхъ начальниковъ и понятыхъ, при истцѣ и отвѣтчикѣ Земля, оставленная для отдыха, хотя-бы на ней небыло пашни и посѣва болѣ 10 лѣтъ, считается все таки состоящею во владѣніи того, кто расчистилъ ее, нахалъ и засѣвалъ прежде,—въ томъ предположеніи, что, для первоначальнаго приготовленія ея подъ хлѣбопашество, онъ долженъ былъ употребить немалые труды. За самовольную распашку такой земли, виновный обязывается уплатить хозяину цѣнность найма такого же количества земли, какое онъ самовольно распахалъ. Въ случаѣ завладѣнія и засѣва распаханной чужой земли, если это сдѣлано не по ошибкѣ, а съ умысломъ, владѣльцу земли предоставляется право воспользоваться засѣяннымъ; если же это произошло по ошибкѣ, то онъ, воспользовавшись засѣяннымъ, обязывается вознаградить завладѣвшаго употребленными имъ на засѣвъ сѣменами или цѣнностью ихъ. Иногда засѣявшему безъ умысла чужую землю дозволяется снять засѣянный хлѣбъ, но съ уплатою хозяину земли цѣнности ея найма и распашки.—Сѣнокосныя мѣста здѣсь раздѣляются каждогодно мірскими обществами по семействамъ, при чемъ принимается во вниманіе какъ лучшій или худшій урожай травы въ извѣстномъ мѣстѣ, такъ и число членовъ, составляющихъ извѣстное семейство. Сѣнокосныя мѣста, оставшіяся свободными отъ раздѣла, предоставляется косить кому угодно.—Но если скошено кѣмъ нибудь сѣно на чужомъ участкѣ и это сдѣлано съ умысломъ, то владѣльцу участка предоставляется право воспользоваться скошеннымъ сѣномъ, а иногда завладѣвшій приговаривается къ уплатѣ его вдвое и, сверхъ того, къ штрафу, въ мірской капиталъ; если же это сдѣлано по ошибкѣ, то, воспользовавшись скошеннымъ сѣномъ, хозяинъ участка обязанъ заплатить скосившему стоимость работы, или взять у завладѣвшаго такое же количество сѣна съ другаго участка, если оно однокачественно съ выкошеннымъ, или выкошенное сѣно дѣлится пополамъ и одна часть его отдается хозяину сѣнокоснаго участка, а другая— выкосившему, какъ вознагражденіе за трудъ.—Если при постройкѣ дома кѣмъ либо захвачено чье либо мѣсто земли, то возведенная постройка не ломается, но за захваченную ею землю виновный присуждается къ уплатѣ въ пользу хозяина ея вознагражденія по оцѣнкѣ и, сверхъ того,

онъ подвергается штрафу.—Частныхъ лѣсовъ здѣсь нѣтъ, а потому завладѣніе лѣсными дачами невозможно. Но въ Кузнецкомъ и Бійскомъ округахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ около пасѣкъ и запимокъ оставляются и огораживаются изгородью небольшія рощи, дубравы, которыя и считаются, по обычаю, во владѣніи того, кто огородилъ такую рощу, дубраву. Въ случаѣ порубки лѣса (большею частію дровянаго) въ подобномъ мѣстѣ, порубщикъ приговаривается уплатить владѣльцу рощи цѣнность срубленаго имъ лѣса и, сверхъ того, за самовольный поступокъ—штрафу въ мірской капиталъ незначительной суммы (отъ 50 к. до 2 руб.), или аресту и въ волостномъ правленіи на время отъ 1 до 3 дней.—За завладѣніе лошадью, хотя бы и непродолжительное, завладѣвшій платитъ въ пользу хозяина цѣнность, какой бы стоилъ наемъ лошади на извѣстное время. Въ случаѣ завладѣнія вообще потерявшимся домашнимъ скотомъ, потерянное возвращается хозяину, а виновный въ завладѣніи подвергается штрафу.—Въ случаѣ спора о завладѣніи кѣмъ либо домашней скотиной,—если ни завладѣвшій ею, ни настоящій хозяинъ не могутъ представить положительныхъ доказательствъ о принадлежности ея кому либо изъ нихъ,—скотина выпускается на улицу и къ чьему дому пристанетъ—собственностью того и считается.

2) *Кладъ и находка.* Клады, какъ полагаетъ народъ, сокрыты, главнымъ образомъ, въ чудскихъ могилахъ. Бѣлоглазая Чудь, по преданію, жила въ Сибири за долго до прихода русскихъ и занималась въ горахъ добычею золота и серебра. Передъ походомъ Ермака, въ Чудской землѣ стала расти береза, которая до того времени была неизвѣстна. Шаманы объяснили чудакамъ это явленіе тѣмъ, что скоро придутъ воины бѣлаго царя и покорятъ ихъ. Испугавшись этого, чудаки зарыли себя за живо со всѣми своими сокровищами. Чудскія могилы, съ насыпанными на нихъ курганами, въ Томской губерніи находятся исключительно въ Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ, особенно же имп богаты долины рр. Катуни, Чарыша и верховья Алея. Мы уже упомянули, что многіе изъ этихъ могилъ и кургановъ были до того богаты находившимися въ нихъ золотыми вещами, что получили отъ кладоискателей названіе «золоторей,» и что для разрытія могилъ и кургановъ составлялись цѣлыя артели. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1727 г. одна изъ такихъ артелей, въ числѣ 8 человѣкъ крестьянъ Малышевской слободы, Кузнецкаго вѣдомства, «пошла на степь бугровать, и бугровала до Іюня мѣсяца, и пошла назадъ въ оную слободу и, будучи у озера Горшкова, искала утокъ лѣсныхъ и разошлась въ рознь, и наѣхала на нихъ на томъ озерѣ казачья орда (киргизы) и взяла ихъ въ полонъ всѣхъ 8 человѣкъ, и повезла къ Иртышу, и одинъ изъ нихъ ушелъ съ дороги ночью, а 4-хъ человѣкъ оная казачья орда на становьѣ убила до смерти, и съ того мѣста разъѣхались, и пхъ Ямышевской крѣпости солдаты и служилые люди отбили.» По этому Тобольская Губернская Канцелярія 27 Сентября 1727 г. опредѣлила: тремъ отбитымъ у киргизовъ Кузнецкимъ крестьянамъ, «которые были на бугрованьѣ, учинить наказаніе, бить батогами нещадно, за то, что они ѣздили въ степь безъ отпуска, и, по учиненіи наказанья, выслать въ Кузнецкъ, а въ Кузнецкѣ и въ уѣздѣ о томъ публиковать, дабы ни кто, подъ жестокимъ наказаніемъ, въ степь для бугрованья не ѣзжалъ.» [29]) Въ 1850 г. какой то киргизъ Кокбектинскаго округа Манжаръ Елемѣсовъ, проѣзжая по деревнямъ Чарышской волости, Бійскаго округа, Пустынькѣ, Чагыркѣ и другимъ, выз-

[29]) Полн. собр. зак. т. XVI, № 12, 199.

вался пошаманить крестьянамъ этихъ деревень, не скрытъ ли кладъ въ большомъ курганѣ, находящемся вблизи этихъ деревень. Крестьяне обрадовались, напоили киргиза виномъ, дали ему денегъ, и онъ сталъ шаманить. Невидимые духи передали шаману, что въ курганѣ лежитъ несмѣтное количество золота, скрытаго чудаками. Крестьяне оставили всѣ домашнія работы и принялись за разрытіе кургана; но были остановлены въ этомъ мѣстнымъ начальствомъ. Ихъ чуть было не предали суду за преступленіе противъ вѣры, такъ какъ они участвовали въ шаманствѣ.—Въ нѣкоторыхъ пещерахъ, по народному повѣрью, также хранятся клады, охраняемые мертвыми чудаками, которые внезапно оживаютъ, лишь только кто нибудь приблизится къ ихъ сокровищамъ; а видъ этихъ чудаковъ до того ужасенъ, что нѣкоторые смѣльчаки, пробиравшіеся въ подобныя пещеры, выходили оттуда совершенно помѣшанными и потомъ немогли поправиться во всю жизнь.

Находкою теперь, обыкновенно, считается вещь, найденная на дорогѣ. Она принадлежитъ тому, кто ее найдетъ. Если при этомъ было два человѣка, то она достается тому, кто первый замѣтилъ ее, взялъ въ руки и сказалъ: «чуръ одному;» но если товарищъ скажетъ въ тоже время, «чуръ вмѣстѣ,» то находка дѣлится пополамъ. Если находка заключается въ вещи незначительной цѣнности, то вознагражденіе со стороны хозяина нашедшему, обыкновенно, ограничивается виномъ; но если она цѣнна, то нашедшій получаетъ извѣстную плату, напримѣръ, одну треть стоимости вещи.—При находкѣ домашнихъ животныхъ, домашнихъ птицъ, улетѣвшихъ пчелиныхъ роевъ, принимается въ соображеніе—сдѣлана ли она случайно, слѣдовательно безъ всякаго труда со стороны нашедшаго, или же онъ предпринималъ для отысканія ея какой либо трудъ,—напримѣръ, ѣздилъ куда либо, отвлекался отъ домашнихъ занятій и т. п. Въ первомъ случаѣ, вознагражденіе нашедшему ограничивается угощеніемъ виномъ, во второмъ—ему уплачивается, кромѣ того, цѣнность употребленнаго имъ труда и издержекъ. Въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ большимъ рѣкамъ,—напримѣръ, Оби, Томи и др.,—теченіе воды очень часто уноситъ гусей и утокъ. Во многихъ селеніяхъ, лежащихъ внизъ по теченію, мальчики и старики постоянно занимаются перениманіемъ этой птицы, и потомъ возвращаютъ ее хозяевамъ за условное вознагражденіе.—Перехваченный по рѣкѣ, снесенный у кого нибудь, лѣсъ—продается и половина вырученныхъ за него денегъ оставляется поймавшему, а другая отдается хозяину лѣса, или хозяинъ лѣса платитъ перехватившему за труды извѣстную сумму, по приговору общества.—Въ Ноябрѣ м. 18[illegible]2 г. крестьянинъ Алейской волости, Бійскаго округа Митинъ заявилъ волостному суду, что весной 18[illegible]0 г. онъ выдолбилъ въ лѣсу осиновый пень для привлеченія пчелъ, и лѣтомъ 1872 г. прилетѣлъ туда рой: между тѣмъ, крестьянинъ Плотниковъ пень этотъ срубилъ со пчелами и продалъ другому крестьянину Плотникову же. Такъ какъ пень этотъ небылъ «запятнанъ,» т. е замѣченъ, и Митинъ о существованіи его никому не объявлялъ, то волостной судъ призналъ, что Плотниковъ сдѣлалъ находку; но какъ Митинъ указалъ мѣсто, гдѣ находился пень, и описалъ примѣты его,—слѣдовательно, могъ дѣйствительно выдолбить пень,—то положилъ вырученныя Плотниковымъ за пчелъ деньги 1 р. 50 коп раздѣлить по поламъ, какъ будтобы онъ и Митинъ нашли находку вмѣстѣ. Утайка найденныхъ вещей разсматривается крестьянскими судами почти также, какъ воровство: нашедшій вещь долженъ возвратить ее хозяину, а послѣдній имѣетъ право всегда ее погребовать и представить виновнаго въ утайкѣ суду, для наложенія мѣры наказанія. За необъявленіе о находкѣ въ теченіи трехъ дней виновный под-

вергается штрафу.—Въ Ноябрѣ м. 1869 г крестьянская дочь Аграфена Шубина была поймана на улицѣ села Снегиревскаго, Бійскаго округа, крестьянами Сераѳіономъ Васильевымъ и Орефіемъ Оконечниковымъ и избита ими, при чемъ у нея потерялся бисеръ. Бисеръ этотъ, близъ самаго мѣста происшествія, нашелъ крестьянинъ Ефимъ Сергѣевъ и, представивъ его въ волость, просилъ велѣть Шубиной уплатить ему третью часть стоимости бисера. 3 руб. Но Бухтарминскій волостной судъ, принимая во вниманіе, что Шубина потеряла бисеръ не сама собой, а отъ того, что что его сорвали съ нея помянутые выше крестьяне, въ искѣ Сергѣеву отказалъ.

У Алтайцевъ—найденная на дорогѣ вещь, если хозяинъ ея извѣстенъ, непремѣнно возвращается, при свиданіи, по принадлежности, хотя бы даже по прошествіи долгаго времени.

3) *Дареніе* въ домашнемъ быту разнаго движимаго имущества бываетъ довольно часто, при чемъ незаключается ни какихъ условій—ни письменныхъ, ни словесныхъ—и не соблюдается ни какихъ формальностей Все дѣло въ этомъ случаѣ ограничивается передачею даримой вещи и словами дарителя вродѣ слѣдующихъ: «вотъ, братъ, дарю тебѣ; возьми отъ меня на память.» Но обычай требуетъ, чтобы принявшій даръ отдарилъ въ свою очередь дарителя. Въ особенности дареніе имѣетъ мѣсто во время сватовства.—Иногда отдѣленный братъ, при выходѣ сестры замужъ, даритъ ей для домообзаводства что нибудь изъ движимости—пчелъ, лошадь, корову Обычай требуетъ, чтобы женихъ также подарилъ что нибудь брату. Это называется «отдаркомъ.» Иногда, послѣ смерти сестры, братъ требуетъ подарокъ назадъ, возвращая вмѣстѣ съ тѣмъ отдарокъ.—Дареніе недвижимыхъ имуществъ встрѣчается рѣже.—Иногда тесть даритъ зятю домъ, амбаръ и другія постройки; но, въ случаѣ ссоры, отбираетъ ихъ назадъ.

Между алтайцами обычай дарить другъ друга во всеобщемъ употребленіи. Однако же, должно замѣтить, что за каждый подарокъ требуется непремѣнно отдарить, такъ какъ за неисполненіе этого возникаютъ претензіи и неудовольствія.

4) *Право наслѣдованія* Если послѣ старшаго въ семействѣ останется братъ и хоть одинъ взрослый сынъ съ несовершеннолѣтними братьями, то имущество дѣлится поровну между дядей и племянниками и за тѣмъ дядя, обыкновенно, начинаетъ жить отдѣльно своимъ хозяйствомъ. а право распоряженія имуществомъ, доставшимся на долю сыновей умершаго, принадлежитъ старшему взрослому сыну. Если же въ семействѣ нѣтъ взрослыхъ сыновей. да и дядя ихъ нехочетъ отдѣлиться. то хозяиномъ въ домѣ, до возраста племянниковъ, остается дядя Между сыновьями, по смерти отца, если братья (сыновьч умершаго) не желаютъ сохранить общность имущества, оно дѣлится по ровну, но домъ остается за младшимъ братомъ. Если одинъ изъ братьевъ, жившихъ нераздѣльно съ отцомъ, умеръ еще при жизни послѣдняго, то, при раздѣлѣ братьевъ, племянникамъ выдѣляется часть, какая слѣдовала бы умершему брату. Но если племянники умерли, то выдѣленное имъ имущество отбирается у матери ихъ и опять идетъ въ раздѣлъ между братьями. Принятый въ домъ зять получаетъ наслѣдство наравнѣ съ сыновьями, если онъ участвовалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ (отъ 5 до 10) въ пріобрѣтеніи имущества. Дочерямъ изъ родительскаго имущества ни какой части не полагается, однако же братья должны стараться выдать сестру

замужъ и дать ей, по силамъ своимъ, приданое.—При надѣлѣ наслѣдствомъ пріемышей мужескаго пола, принимается въ основаніе то же правило, какъ и при надѣлѣ зятьевъ, принятыхъ въ домѣ, а при надѣлѣ пріемышей женскаго пола—тоже правило, какъ и при надѣлѣ сестеръ.—Относительно участія въ наслѣдствѣ вдовы умершаго, нѣтъ ни какого опредѣленнаго правила; при этомъ смотрятъ больше на то, какой она жизни и въ какихъ лѣтахъ: если она молода, то ей дается меньше, потому что она сама можетъ заработать все необходимое или выдти замужъ; если же стара,—то больше, иногда одна седьмая часть всего имущества. Если нѣтъ совершенно наслѣдниковъ, то вдова получаетъ все: «значитъ, Богъ ей далъ,» говоритъ народъ. Въ такомъ случаѣ, она обязывается платить за мужа подати до новой ревизіи.—Если, послѣ смерти старшаго въ семьѣ, осталась вторая жена и несовершеннолѣтніе дѣти отъ первой, то хозяйство остается за женою.—Надѣлъ имѣніемъ дѣлается и любовницъ, если онѣ долго жили съ кѣмъ нибудь и участвовали въ пріобрѣтеніи имущества.—О томъ, куда поступаетъ имущество жены послѣ ея смерти, сказано уже выше: оно переходитъ къ дѣтямъ, а если ихъ нѣтъ, то возвращается въ ту семью, изъ которой жена пришла.—Мужъ оставляетъ себѣ только постель с принадлежностями, благословенный образъ, скатерть, полотенце, пары двѣ рубахъ Если мужъ, послѣ смерти бездѣтной жены, успѣлъ распродать ея имущество, то родственники ея взыскиваютъ съ него цѣнность этого имущества деньгами.—Послѣ смерти воспитанницы, вышедшей въ замужество и неоставившей дѣтей, имущество ея поступаетъ къ воспитателямъ.—Братья единокровные и единоутробные участвуютъ въ наслѣдствѣ по ровну съ другими братьями въ такомъ случаѣ, если они участвовали въ пріобрѣтеніи имущества. О сестрахъ единокровныхъ и единоутробныхъ должно сказать тоже самое, что сказано вообще объ участіи въ наслѣдствѣ дочерей —Если у умершей сестры неосталось наслѣдниковъ, то приданое идетъ другой сестрѣ, а не брату.—Объ участіи въ наслѣдствѣ отставныхъ солдатъ, ихъ женъ и дѣтей сказано въ отдѣлѣ объ юридическихъ отношеніяхъ членовъ семьи вообще.—Иногда часть имущества переходитъ въ восходящую линію даже при прямыхъ наслѣдникахъ, именно для прокормленія престарѣлыхъ дѣда или бабки Отцу выдѣляется часть изъ имущества отдѣльно жившаго сына, послѣ его смерти, даже если бы онъ въ свое время не получилъ надѣла отъ отца.—Впрочемъ, это допускается только тогда, когда у умершаго сына неосталось дѣтей.

Духовныя завѣщанія (отказное письмо) бываютъ какъ письменныя, такъ и словесныя,—впрочемъ, первыя довольно рѣдко. Завѣщанія письменныя составляются всегда при священникѣ и свидѣтеляхъ и остаются у завѣщателей, большею частію, до самой ихъ смерти, изъ опасенія, чтобы наслѣдникъ не зазнался и не пересталъ уважать завѣщателя.—Не рѣдки случаи, что мужъ духовнымъ завѣщаніемъ устраняетъ жену отъ наслѣдства, выдѣляя ей только самое необходимое содержаніе Мотивъ къ этому приводится всегда одинъ и тотъ же: «потому что не имѣю совершенно ни какой надежды на исправленіе моей жены, которая, по своей распутной и нетрезвой жизни, постоянно разстраиваетъ семейный бытъ и расхищаетъ пріобрѣтенное мною имущество.»—Иногда крестьянскіе суды неисполняютъ духовныхъ завѣщаній. Въ 1868 г крестьянинъ Бійской волости Боровлевъ завѣщалъ все свое имущество женѣ своей Аѳимьѣ, между тѣмъ, какъ у него были дѣти. Волостной судъ раздѣлилъ все наслѣдство поровну между женою и дѣтьми.—Словесныя духовныя завѣщанія дѣлаются также при свидѣтеляхъ, которые и спрашиваются судомъ, въ случаѣ споровъ, возникающихъ при исполненіи завѣщаній.

5) *Договоры и сдѣлки* Каждому договору и сдѣлкѣ, обыкновенно, предшествуетъ *ряда*, т. е. словесное изложеніе условій договаривающихся или вступающихъ въ сдѣлку сторонъ. Самый моментъ совершенія договора и сдѣлки, если они письменные, обозначается *рукобитьемъ* и *подписаніемъ* составленнаго условія и *однимъ рукобитьемъ*, если договоръ и сдѣлка словесные. Рукобитье между договаривающимися сторонами чаще всего совершается голою рукою и только въ особенно важныхъ случаяхъ рукою, обвернутою платкомъ, причемъ руки разнимаютъ свидѣтели—одинъ, два, иногда три. Въ договорахъ и сдѣлкахъ на значительную сумму считается необходимымъ присутствіе трехъ свидѣтелей мужчинъ-домохозяевъ; но при обыкновенныхъ, считается достаточнымъ присутствіе одного достовѣрнаго свидѣтеля. Въ Мартѣ 1869 г. крестьянинъ Бухтарминской волости Димитрій Бѣлоусовъ продалъ таковому же Кирилу Черепанову мѣсто земли подъ пасѣку, со всѣми постройками, за 15 руб., которые получилъ при крестьянинѣ Полковникове. Впослѣдствіи времени, Бѣлоусовъ заперся въ продажѣ земли и полученіи денегъ, но былъ уличенъ свидѣтелемъ и сознался, что землю продалъ и деньги за нее получилъ, а сдѣлалъ въ этомъ запирательство по наущенію своего старшаго брата. Принимая во вниманіе, что, отрицая свидѣтельство Полковникова, Бѣлоусовъ оскорбилъ его, Бухтарминскій волостной судъ рѣшилъ: проданное мѣсто земли отдать Черепанову, а Бѣлоусова за запирательство и обнесеніе чести Полковникова—наказать розгами 20 ударами, а брата его за наученіе отпереться—оштрафовать 1 рублемъ.—Непосредственное послѣдствіе всякаго договора и сдѣлки состоитъ въ угощеніи со стороны нанимателя нанимающагося виномъ или чаемъ и въ выдачѣ отъ перваго послѣднему *задатка;* на оборотъ, т. е., чтобы нанимающійся давалъ нанимателю задатокъ и угощалъ его, здѣсь никогда не бываетъ. Задатокъ почти всегда состоитъ изъ денегъ. Нанимающійся, обыкновенно, выпрашиваетъ себѣ какъ можно болѣе задатка, и, въ большинствѣ случаевъ, исполнивъ только незначительную часть договора или сдѣлки, приходитъ еще просить денегъ у нанимателя, такъ что всегда забираетъ ихъ впередъ. А какъ неисполненіе договоровъ и сдѣлокъ въ средѣ здѣшняго населенія встрѣчается сплошь и рядомъ, то каждый почти наниматель старается оградить себя чѣмъ нибудь и, обыкновенно, требуетъ отъ нанимающагося *ручательнаго одобренія*, т. е. поручительства отъ общественниковъ нанимающагося въ томъ, что онъ поведенія хорошаго, подъ судомъ и слѣдствіемъ не находится, имѣетъ свое собственное достаточное состояніе и можетъ выполнить принимаемое имъ на себя условіе, а въ случаѣ неисполненія его, это условіе должны выполнить они, общественники—поручители. По такимъ ручательнымъ одобреніямъ, крестьяне вступаютъ не только въ частныя, но и въ казенныя обязательства и договоры. Въ первомъ случаѣ, одобреніе свидѣтельствуется, обыкновенно, сельскимъ и волостнымъ начальствомъ; во второмъ, кромѣ того, участковымъ засѣдателемъ и окружнымъ полицейскимъ управленіемъ, на основаніи подобныхъ правилъ, установленныхъ съ этою цѣлію Совѣтомъ Главнаго Управленія Западной Сибири по журналу 26 Марта 1866 г. за № 59. При обязательствахъ съ казною, крестьянамъ дозволяется ручаться каждому на сумму не свыше 60 руб., при чемъ ручательство принимается только по состоянію того имущества, которое поручитель имѣетъ сверхъ неподлежащаго продажѣ, по силѣ 1306 ст. 2 ч. X т. св. зак., а именно: дома, въ которомъ крестьянинъ живетъ, образовъ, рабочаго скота, упряжи, телѣгъ, сохъ и проч. орудій земледѣлія и промышленности, количества хлѣба, необходимаго для продовольствія семейства до новаго урожая, и сѣмянъ, нужныхъ для посѣва. Ручательство крестьянъ на лицъ, принадле-

жащихъ другимъ сословіямъ, какъ то: купеческому и мѣщанскому, не допускается. Ручательныя одобрѣнія, выдаваемыя крестьянамъ, могутъ свидѣтельствовать только тѣ волостныя правленія, въ вѣденіи которыхъ состоятъ поручители; свидѣтельство же другаго волостнаго правленія не допускается.

Мы нѣсколько распространились о ручательныхъ одобрѣніяхъ, съ одной стороны, потому, что они играютъ весьма важную роль почти во всѣхъ договорахъ крестьянъ какъ съ казною, такъ и между частными лицами, а съ другой потому, чтобы показать, какую осмотрительность наблюдаетъ казна въ пріемѣ ручательныхъ одобрѣній, обставивъ свидѣтельствованіе ихъ положительными удостовѣреніями не только волостныхъ правленій, но участковыхъ засѣдателей и окружныхъ полицейскихъ управленій Причина такой осторожности заключается въ томъ, что, по наклонности къ плутовству какъ крестьянъ, такъ и волостныхъ начальниковъ, въ особенности волостныхъ писарей, встрѣчалось и встрѣчается множество случаевъ, что ручательныя одобрѣнія составляются фальшиво: или отъ имени такихъ крестьянъ, которые ни когда не ручались и даже не существуютъ, или отъ имени такихъ, которые ни чего не имѣютъ, а иногда состоятъ сами въ обязательствахъ съ казною и въ поручительствѣ по другимъ лицамъ.

Ряда, рукобитье и задатокъ существуютъ при всѣхъ договорахъ и сдѣлкахъ. Другихъ обычаевъ при заключеніи отдѣльныхъ договоровъ (наприм. при покупкѣ разнаго рода движимостей и недвижимостей, при займѣ, ссудѣ и т. п.) здѣсь не существуетъ.

Выше замѣчено, что рукобитье между договаривающимися сторонами совершается, обыкновенно, голою рукою и только въ особенно важныхъ случаяхъ рукою, обвернутою въ платокъ. Между евреями, которые составляютъ довольно значительную часть населенія гг. Томска и Канска, а равно разбросаны по всей губерніи, рукобитье или рукоподаніе (такіасъ—кафъ) составляетъ самое обязательное утвержденіе въ денежныхъ дѣлахъ. По народному убѣжденію, если кто даетъ другому руку въ удостовѣреніе чего либо, а потомъ неисполнитъ своего слова, то его часть въ будущей жизни (хелевъ—олемъ—габа) приходится обманутому лицу. При болѣе важныхъ сдѣлкахъ, приглашаемый нарочно посредникъ предлагаетъ договаривающимся сторонамъ платокъ и онѣ берутъ при свидѣтеляхъ кончикъ этого платка. Это называется «каболасъ—кнейнъ» и составляетъ обычай древній, доходящій до временъ пророковъ. Въ Талмудѣ находится юридическое объясненіе этого обычая.

Что должно считать *принадлежностью* покупаемой вещи,—обычаемъ положительно не опредѣлено и въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ обоюдныхъ условій договаривающихся сторонъ. Иногда домъ продается со всѣмъ, что въ немъ находится, и образа, напримѣръ, считаются принадлежностью его; иногда же, на оборотъ, образа не продаются вмѣстѣ съ домомъ, считаясь не принадлежащими къ нему. Лошадь почти всегда продается вмѣстѣ съ уздою, но корова почти всегда безъ подойника, за который надо заплатить особыя деньги.—Договоръ *купли* считается совершеннымъ въ незначительныхъ случаяхъ съ того момента, когда продавецъ вручилъ покупщику извѣстную вещь, а послѣдній первому деньги; въ значительныхъ договорахъ съ того, когда договаривающіеся ударили по рукамъ, подписали письменное условіе, если оно есть (купчая крѣпость называется въ народѣ «отпорнымъ письмомъ,» «продажною записью» и «купчею записью»,) и продавецъ полу-

чилъ отъ покупщика задатокъ Съ этого момента нельзя уже отказываться отъ исполненія договора, и обыкновеннымъ слѣдствіемъ подобнаго отказа для покупщика есть потеря задатка, а для продавца— вознагражденіе покупщика за убытки, какіе онъ могъ понесть отъ неисполненія договора, или уплата неустойки, если она входила въ ряду и потомъ вошла въ письменный актъ. Однако же, если небыло заключено письменнаго условія, то нерѣдки случаи, что задатокъ, при неплатежѣ остальныхъ денегъ, возвращается по принадлежности и купля считается несостоявшеюся. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кайлинской волости, Томскаго округа, крестьянскіе суды поступаютъ такъ: если домъ, напримѣръ, купленъ и за него данъ задатокъ, но покупщикъ не въ состояніи заплатить остальныхъ денегъ, то домъ возвращается хозяину, а задатокъ зачитается за житье въ немъ покупщика, какъ будтобы онъ находился на квартирѣ.—Въ Ноябрѣ м 1870 г. киргизъ Мусукнай Нагаевъ купилъ у крестьянина Бухтарминской волости Матвѣева избу, за которую отдалъ ему лошадь, стоющую 20 руб. По Матвѣевъ, продержавъ лошадь болѣе мѣсяца, возвратилъ ее Мусукнаю и опять занялъ проданную избу. Волостной судъ рѣшилъ избу отдать Мусукнаю, а лошадь Матвѣеву; а какъ послѣдній «неустоялъ въ своемъ словѣ,» то выдержать его за это подъ арестомъ въ теченіи 3 дней —Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи (напр въ Бухтарминскомъ краѣ) волостныя начальства запрещаютъ крестьянамъ продавать дома безъ своего позволенія.—Условія относительно количества и срока *платы* такъ много—различны, что исчислить ихъ даже приблизительно непредставляется возможности. Обыкновенно, они находятся въ зависимости отъ предложенія къ требованію на извѣстныя имущества или трудъ. Если предложеніе на извѣстное имущество или трудъ велико, а требованіе незначительно, то плата почти всегда менѣе дѣйствительной, а сроки платежа представляютъ выгоду сторонѣ покупателя или нанимателя. Иногда домъ, стоящій не менѣе 300—400 р. продается отъ нужды за 200 р.; при самой покупкѣ продавецъ получаетъ 50 руб., а остальные разсрочиваются на каждое полугодіе по 50 руб., а иногда послѣдняя часть платы назначается на погребеніе продавца, если нѣтъ у него наслѣдниковъ, или на церковь. Вмѣсто приплаты, здѣсь часто ставится условіе, послѣдствіе котораго продавцу предоставляется право проживать нѣкоторое время въ одной или двухъ комнатахъ проданнаго имъ дома или въ какой нибудь избѣ на дворѣ. Если сумма за проданный домъ не велика (15, 20, 25 р), то она уплачивается разомъ, при совершеніи условія. Иногда домъ уступается кому либо въ собственность съ тѣмъ, чтобы онъ заплатилъ за хозяина его извѣстные долги, недоимки и т. п., а въ видѣ приплаты снабжалъ его ежегодно извѣстнымъ количествомъ хлѣба, одежды и т п.—Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи, торгующіе кулаки покупаютъ у крестьянъ въ удобное время различныя ихъ произведенія въ долгъ, безъ всякихъ документовъ, съ условіемъ, чтобы расплатиться за купленное на извѣстной ярмаркѣ, осенью или зимою. На ярмаркѣ кулакъ платитъ только часть денегъ, но при этомъ даритъ своему кредитору хорошую шапку, сапоги или другое что, напаиваетъ его до пьяна водкой и отправляетъ домой, а потомъ снова забираетъ у него въ долгъ всѣ произведенія его хозяйства. Въ настоящемъ случаѣ, приплата состоитъ въ подаркахъ и водкѣ.—Крестьяне алтайскаго горнаго округа вступаютъ въ подрядъ по перевозкѣ рудъ, угля и т п. исключительно почти при наступленіи срока уплаты податей, когда деньги нужны всякому и, слѣдовательно, предложеніе труда большое, между тѣмъ, какъ требованіе на него, а равно плата и срокъ платы ограничены извѣстною нормою и правилами. Оттого, крестьяне получаютъ мало выгоды отъ подобныхъ перевозокъ. Но если тре-

бованіе на извѣстное имущество или трудъ значительны, а предложеніе ничтожно, то вся выгода относительно условій количества и срока платы остается на сторонѣ продавца и нанимающагося.—Вообще, по договорамъ, обезпеченнымъ ручательными одобрѣніями, выдается первой части платы или задатка до $^2/_3$ подрядной суммы, съ тѣмъ, чтобы остальная $^1/_3$ была уплачена по исправномъ выполненіи подряда. Въ договорахъ, необезпеченныхъ ручательными одобрѣніями, въ задатокъ выдается не болѣе $^1/_4$ договорной платы, а остальная по мѣрѣ выполненія договора. Въ послѣднемъ случаѣ, обыкновенно, бываетъ то, что нанимающійся старается какъ можно болѣе получить денегъ впередъ и часто забираетъ ихъ всѣ еще за долго до выполненія договора.—Плата за извѣстные труды и работы въ различныхъ частяхъ губерніи различна; но, обыкновенно, она опредѣляется временемъ сельско—хозяйственныхъ работъ. Во время посѣва хлѣба, мѣсячная плата рабочему простирается отъ 8 до 12 рублей; во время сѣнокоса, работникъ—получаетъ отъ 10 до 18 руб., а работница отъ 5 до 8 р.; во время уборки хлѣба, работнику платится отъ 9 до 18 руб., а работницѣ отъ 5 до 14 р. на хозяйскомъ содержаніи.—Постройка дома съ особеннымъ назначеніемъ, напр. для жительства сельскаго священника, обходится до 500 руб., со всѣми матеріалами; постройка хорошаго крестьянскаго дома, также со всѣмъ матеріаломъ, стоитъ до 200 р., небольшаго же дома—до 70 руб.—Впрочемъ, должно замѣтить, что здѣсь постройка крестьянскихъ домовъ производится не наймомъ, а большею частію собственными трудами хозяевъ, при чемъ нанимаются работники.—Обувь, обыкновенно, покупается въ городскихъ лавкахъ и на ярмаркахъ, а потому особыхъ бродячихъ чеботарей, какъ во многихъ мѣстностяхъ европейской Россіи, здѣсь нѣтъ. Точно также нѣтъ и бродячихъ швецовъ, потому что одежда шьется или дома женщинами, или покупается готовою въ лавкахъ.—Обработка льна, пряжи и нѣкоторыя другія работы, если нельзя управиться своими средствами, исполняются, обыкновенно, *помочами*

Помочи имѣютъ столь важное значеніе въ жизни сибирскаго крестьянина, что объ нихъ необходимо сказать нѣсколько словъ особо.

Помочью называется всякая сельская работа, производимая не по найму, а за одно только угощеніе, вечеромъ, по окончаніи работы, обѣдъ и ужинъ бываютъ также хозяйскіе. Помочь дѣлается („отводится“, какъ говорятъ здѣсь) для того, чтобы, пользуясь хорошею погодою, убрать разомъ хлѣбъ, скосить траву, сложить то и другое въ скирды и стога, вывезти зимою въ деревню, смять ленъ, спрясть его и овечью шерсть, заготовить капусту; слов мъ, помочь имѣетъ мѣсто во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется много рукъ и времени. Передъ обѣдомъ хозяинъ угощаетъ помочанъ виномъ. По окончаніи дневной работы, всѣ они умываются, одѣваются въ чистое бѣлье и платье и идутъ къ хозяину на домъ. Здѣсь вино подносится каждому по нѣсколько разъ, не исключая никого. Если кто не пьетъ вина (случается очень рѣдко), тотъ приводитъ съ собою кого нибудь изъ родныхъ и слѣдующую ему долю передаетъ этому послѣднему, который поэтому называется „захребетникомъ“, такъ онъ стоитъ за хребтомъ, за спиною того, кто дѣйствительно работалъ.—Если нѣтъ захребетника, то помочанинъ или помочанка имѣютъ право сливать подносимое имъ вино въ туесокъ и уносить его домой, въ видѣ гостинца. Это называется „отливушки“. Ужинъ оканчивается пѣніемъ, пляскою и вообще сильною „подгулкою“, т. е. вы-

пивкою. Взаимныя обязанности помочанъ и хозяина заключаются въ томъ, что первые обязаны, по возможности, болѣе сработать, а послѣдній, по возможности, лучше угостить.

Нѣкогда сибирское начальство сильно возставало противъ обычая справлять помочи и издавало противъ него строгія постановленія. Такъ, 13 Апрѣля 1726 г., за отсутствіемъ Енисейскаго воеводы Вердеревскаго, исправлявшій его должность камергеръ Иванъ Стишной разослалъ по своему вѣдомству циркулярное предписаніе, въ которомъ объяснялъ, что „Бѣготольскій посельщикъ Иванъ Максимовъ, бывъ на помочи у крестьянина Ивана Росихина, пилъ пиво и бытъ пьянъ и женѣ своей учинилъ смертное убійство; а какъ прежними указами помочи чинить накрѣпко запрещено, о чемъ многажды во всѣ присуды подтверждено, только исполненія не чинится,—и того для еще подтверждается строжайше ни подъ какимъ видомъ помочей не дѣлать и пивъ по помочамъ не варить; инако не только сами хозяева, но и будущіе на тѣхъ помочахъ всѣ безъ изъятія наказаны будуть жестоко кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ въ работу.“ [30]) Однакожь, не смотря на подобныя распоряженія, помочи въ большомъ ходу и теперь.

При *личномъ наймѣ* задатокъ считается точно также необходимымъ, какъ и при всѣхъ другихъ договорахъ. Величина его зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ: отъ большей или меньшей трудности извѣстной работы, отъ большаго или меньшаго довѣрія нанимателя къ наемнику и т. п. При наймѣ работника для обыкновенныхъ крестьянскихъ работъ, задатокъ простирается отъ 10 до 15 рублей, а годовая плата отъ 45 до 60 руб; при наймѣ въ плотничныя работы, задатокъ—до 30 руб., а годовая плата до 90 руб., при наймѣ инородцевъ Нарымскаго края „въ невода„ для ловли рыбы, задатокъ до 10 руб, а плата въ періодъ ловли съ 1-го Іюня до 15-го Октября отъ 20 до 33 руб., при чемъ, въ видѣ приплаты, дозволяется семейству инородца продовольствоваться хозяйскимъ хлѣбомъ и заготовлять на зиму рыбу изъ числа мелкой, пойманной хозяйскимъ неводомъ; при наймѣ крестьянъ Нарымскаго края въ невода, задатокъ простирается до 10 руб, а плата въ періодъ ловли съ 1-го Сентября по 15-е Октября (ибо ранѣе 1-го Сентября крестьяне заняты полевыми работами) 20 руб; при наймѣ для сплава судовъ по Оби и нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ, задатокъ бываетъ до 10 руб., а плата за лѣто отъ 25 до 35 руб; при наймѣ на пароходы, задатокъ доходитъ отъ 10 до 15 руб, а плата за лѣто отъ 40 до 50 руб. и т. д. Задатокъ и плата, обыкновенно, состоятъ въ деньгахъ, но иногда и въ различнаго рода вещахъ, какъ-то: бродняхъ, чаркахъ, рукавицахъ и т. п. Иногда хозяинъ, вмѣсто платы за извѣстный трудъ, обязуется вспахать для находящагося у него работника и засѣять своими сѣменами полдесятины или десятину земли.—Сроки платежей наемной суммы при личномъ наймѣ бываютъ, большею частію, мѣсячные и полугодовые. Вообще, сроки найма здѣсь бываютъ: поденные, мѣсячные, полугодовые, годовые и опредѣленные извѣстными праздниками: Егорьевымъ днемъ, Николою вешнимъ, Троицынымъ днемъ, Прокопьевымъ днемъ, Николою зимнимъ, Ильинымъ днемъ, Крещеніемъ, Рождествомъ и т. п. Иногда срокъ найма опредѣляется извѣстнымъ временемъ года или извѣстными работами: зимою, лѣтомъ, страдою, сѣнокосомъ и проч. Въ Генварѣ мѣсяцѣ 1870 г. крестьянинъ

[30]) Изъ дѣлъ упраздненнаго Кашино—Шиверскаго монастыря.

Спасской волости, Томскаго округа, Фома Большанинъ, взявъ у купеческой вдовы Валгусовой 370 руб. для найма рекрута, обязался, чтобы сынъ его Иванъ съ женою поступилъ къ ней въ работы срокомъ на 7 лѣтъ, съ платою по 50 р. въ годъ, съ тѣмъ притомъ, что, въ случаѣ болѣзни Ивана, его долженъ замѣнить другой братъ.— Если работникъ, забравъ у хозяина деньги, не захочетъ служить у него и перейдитъ къ другому хозяину, то послѣдній обязанъ уплатить сдѣланный имъ переборъ. Это называется *скупомъ*.

Изъ всѣхъ видовъ личнаго найма, особенно обращаютъ на себя вниманіе: нынѣ не существующій уже-*наемъ рекрутъ* и существующій до сихъ поръ *наемъ рабочихъ на золотые промысла*.

Предварительно заключенія договора о наймѣ въ рекруты, непремѣнно требовалось, чтобы нанимавшійся, имѣя уже на это согласіе своихъ родителей, если они были живы, или воспитателя, если былъ пріемышъ, подалъ въ волостное правленіе письменное объявленіе о желаніи своемъ нанятся въ рекруты за извѣстное семейство и представилъ при этомъ общественный приговоръ о непмѣнін къ тому препятствій; съ другой стороны, наниматель обязанъ былъ представить ручательную подписку нѣсколькихъ крестьянъ въ томъ, что будетъ исправно платить за наемника подати и другія повинности.— Форма договора была утверждена самимъ правительствомъ, а что касается до условій, то онѣ повторялись почти во всѣхъ договорахъ о наймѣ въ рекруты, различествуя между собою только въ размѣрѣ наемной платы и въ вещахъ, которыя наниматель обязанъ былъ выдать наемнику, кромѣ денегъ. Въ лежащемъ передъ нами договорѣ, заключенномъ 26 Декабря 1865 г. между крестьянами Тарсминской волости, Кузнецкаго округа, Василіемъ Фоминыхъ и Ермолаемъ Колмагоровымъ, о поступленіи Фоминыхъ въ рекруты за семейство Колмагорова, помѣщены слѣдующія условія: 1) Колмагоровъ обязанъ заплатить Фоминыхъ за поступленіе въ рекруты 204 р. 63 к., и изъ нихъ 171 р. 43 к. вручить ему деньгами, а на остальные купить вещи, какъ то: 5 паръ рубахъ, изъ коихъ 3 пары ланяныя, а 2 ситцевыя, въ 6 р; 2 шали, изъ коихъ одну сатиновую, а другую шелковую, въ 5 р; сапоги кунгурской работы въ 3 р; шапку выхуходевую въ 2 р.; лосинныя рукавицы съ исподниками 80 к; шаровары суконн е 2 р; жилетъ суконный 1 р.; поясъ шелковый въ 60 к; косынку шелковую въ 50 к; шубу бѣлую въ 5 р.; однорядку суконную въ 7 р. и опояску бумажную въ 30 к; 2) въ число рядной суммы, Колмагоровъ обязался выдать Фоминыхъ въ задатокъ 30 р. и, сверхъ того, уплатить долги его разнымъ лицамъ, въ количествѣ 40 р; и 3) до поступленія Фоминыхъ въ рекруты, онъ долженъ содержаться на счетъ Колмагорова, а по поступленіи его въ рекруты, Колмагоровъ обязанъ платить за него въ казну всѣ подати до новой ревизіи, или внести единовременно на обезпеченіе такого платежа въ общество 50 р.— Вообще, имущественныя обязанности хозяина къ наемнику, до сдачи послѣдняго въ рекруты, положительно опредѣлялись въ договорѣ, но нравственно и согласно обычаю,—хозяинъ дѣлался на это время самымъ покорнымъ слугою своего наемника: чтобы тотъ ни потребовалъ, хозяинъ долженъ былъ подавать, куда бы тотъ ни захотѣлъ ѣхать, хозяинъ долженъ былъ везти; чтобы тотъ ни истратилъ, хозяинъ долженъ былъ заплатить и принять все это на свой счетъ. Кто не видалъ, какъ этотъ безпутный людъ, съ крикомъ и гамомъ, обвязанный шалью, махая краснымъ платкомъ и обнявшись съ дешевыми красавицами, ѣздилъ по улицамъ, окруженный не родственниками и пріятелями, а караульными!—

Собственно плата за наемъ рекрута по Томской губерніи простиралась отъ 200 до 300 р; но съ расходомъ на угощеніе общества виномъ за увольнительный приговоръ, на засвидѣтельствованіе договора въ волостномъ правленіи, наконецъ на гулянку наемника, сдача его обходилась, во всякомъ случаѣ, не менѣе 500—700 р. Изъ наемной платы общество не получало ни чего, а шла она вся самому наемнику и семейству послѣдняго, если оно состояло изъ такихъ лицъ, которыя сами не въ силахъ были содержать себя, и если условіе объ этомъ было помѣщено въ договорѣ.— Между хозяиномъ и наемникомъ, по сдачѣ послѣдняго въ рекруты, могли установиться денежныя отношенія въ такомъ только случаѣ, если въ договорѣ было помѣщено, что хозяинъ обязанъ высылать наемнику какую либо сумму въ теченіи его службы. При томъ же условіи, могли устанавливаться денежныя отношенія и между семействами хозяина и наемника, по сдачѣ послѣдняго въ службу.— Поддержка нанимателемъ хозяйства наемника никогда не входила въ число условій договора о наймѣ въ рекруты.— Въ охотники нанимались, большею частію, люди не семейные, не имѣвшіе ни отца, ни матери, совершенно промотавшіеся. Но если, поступая въ рекруты, наемникъ оставлялъ семейство, то, обыкновенно, въ договорѣ помѣщалось условіе, что хозяинъ обязанъ выплачивать ему ежегодно, въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ, или до смерти отца, матери и другихъ лицъ, условленное количество съѣстныхъ припасовъ, а иногда и условленную сумму денегъ.— По выходѣ въ безсрочный отпускъ или въ отставку, наемники не играли никакой роли въ тѣхъ семействахъ, за которыя они исполнили рекрутскую повинность, и не принимали ни какого участія ни въ общемъ семейномъ капиталѣ этихъ семействъ, ни въ наслѣдствѣ послѣ нанимателей.

Въ договорахъ о наймѣ рабочихъ на золотые промысла помѣщаются, большею частію, слѣдующія условія: 1) рабочіе, въ назначенный срокъ, непремѣнно должны явиться въ сборный пунктъ и оттуда слѣдовать на промысла на своемъ содержаніи, находясь въ полномъ повиновеніи партіонному прикащику; 2) каждый нанявшійся на промысла долженъ работать тамъ круглый годъ, т. е. 365 дней, считая съ того дня, въ который вступитъ къ работу; 3) каждый рабочій долженъ выходить на работы, не исключая воскресныхъ и табельныхъ дней, не позднѣе 5 часовъ утра и сходить не ранѣе 8 часовъ по полудни, кромѣ обѣда; если же кто не кончитъ своего урока, то долженъ работать и позже или отработать его на другой день; 4) уроки заключаются въ слѣдующемъ: при вскрытіи торфовъ или добычѣ песковъ по американскому способу, каждый рабочій долженъ выработать и сбросать въ сплотки по $1^1/_4$ куб. саж. въ день; для выработки такого же количества торфовъ и песковъ, съ отвозкою ихъ на тачкахъ въ отвалъ или на машину не далѣе 20 саж., ставится по 4 человѣка, а если для этой работы даны будутъ хозяйскія лошади и таратайка, то, полагая на 4 человѣкъ по 2 лошади, они обязаны выработать и отвезть на указанныя мѣста зимою по $2^1/_2$ куб. саж. торфовъ и песковъ, а лѣтомъ по 3 саж. въ день; 5) мѣсячная плата за работы полагается лѣтомъ, съ 1 Апрѣля по 1 Октября, по 3 руб., а зимою, съ 1 Октября по 1 Апрѣля, 4 р; за старательскую работу зимою и лѣтомъ платится по 1 р. 50 к. за вскрышку кубической сажени торфовъ и добычу песковъ; если во время послѣднихъ работъ будетъ находится мелкое золото или самородки, то за золото платится особо по 96 коп. за золотникъ, а за самородки, смотря по вѣсу, отъ 50 до 70 к за золотникъ; 6) если кто изъ чернорабочихъ, по волѣ хозяина, будетъ поставленъ въ число, такъ называемыхъ, „разночинцевъ“ (нарядчики, кузнецы, молото-

бойцы, слесари, плотники, хлѣбники, кашевары и т. п.), то жалованья назначается въ мѣсяцъ отъ 5 до 10 р, а находящіеся въ поисковыхъ партіяхъ получаютъ отъ 7 до 12 р; 7) на продовольствіе каждаго рабочаго каждодневно отпускается: говядины свѣжей или соленой 1 фунтъ, крупы 1/4 ф, муки, вмѣстѣ съ квасомъ, 2 п. 10 ф. въ мѣсяцъ, а соли—сколько нужно; если кто въ посты хочетъ ѣсть постное, тому отпускается, вмѣсто говядины, по 1 ф. крупъ или гороху; 7) за прогульные дни вычитается по 50 коп въ день; но съ больныхъ вычета не полагается и они лѣчатся на счетъ хозяина въ лазаретахъ, гдѣ таковые есть; 9) помѣщеніе для рабочихъ устраивается на счетъ хозяина, а одежду и обувь они должны имѣть свою; впрочемъ, имъ предоставляется брать нужныя вещи изъ хозяйскихъ складовъ по утвержденной таксѣ и 10) во все время нахожденія на промыслахъ, рабочіе обязываются вести себя трезво, честно и во всемъ повиноваться хозяину или поставленному отъ него приказчику; въ случаѣ негодности кого либо къ работамъ, хозяинъ имѣетъ право сейчасъ же его разсчитать и взыскать съ него всѣ убытки, какіе понесъ отъ этого. Въ задатокъ при наймѣ рабочихъ на золотые промысла выдается отъ 20 до 40 рублей.

Изъ различныхъ видовъ *имущественнаго найма* (по мѣстному выраженію, „кортома“) здѣсь существуютъ: наймы домовъ, амбаровъ для ссыпки хлѣба, овиновъ, гуменъ и ригъ для обмолота, общественныхъ и частныхъ земель для построекъ, хлѣбопашества и сѣнокошенія и лошадей для работы. Всѣ условія о наймѣ подобнаго рода между крестьянами бываютъ иногда письменныя, но чаще словесныя.

Говоря о наймѣ домовъ, необходимо обратить вниманіе на наемъ квартиръ для помѣщенія земскихъ и другихъ чиновниковъ во время разъѣздовъ ихъ по дѣламъ службы. Эти квартиры нанимаются цѣлыми обществами, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, срокомъ на полгода и на годъ. Размѣръ наемной платы зависитъ отъ того, какъ часто извѣстное селеніе посѣщается чиновниками, находится ли оно на большомъ трактѣ или гдѣ либо въ сторонѣ и т. п. Вообще, она простирается отъ 20 до 150 р. въ годъ и производится хозяину квартиры, большею частію, помѣсячно. Условіе объ этомъ составляется письменное. Общественныя земли въ селеніяхъ весьма часто отдаются подъ устройство питейныхъ заведеній за единовременную цѣну 15 рублей, съ тѣмъ, чтобы содержатель каждогодно выставлялъ обществу по ведру вина, пока будетъ существовать заведеніе. Въ Нелюбинской волости, Томскаго округа, въ 1873 г. былъ составленъ приговоръ, которымъ крестьяне обязывались оказывать содержателю питейнаго заведенія „всевозможную помощь,“ если онъ будетъ нести ущербъ въ торговлѣ.

Дача на подержаніе земледѣльческихъ и другихъ орудій и домашняго скота для прилода производится почти всегда подъ тѣми условіями, чтобы тотъ, кому дается на подержаніе извѣстная вещь или скотъ, самъ оказалъ дающему, въ случаѣ надобности, подобную услугу, чтобы данное на подержаніе не передавалось никому постороннему и чтобы, по минованіи надобности, оно возвращено было хозяину въ совершенной цѣлости. Въ случаѣ порчи, данная на подержаніе вещь оставляется у испортившаго ее, а хозяину онъ долженъ уплатить за нее деньгами, по оцѣнкѣ общества. Въ случаѣ передачи отданной на подержаніе вещи постороннему лицу и порчи ее симъ послѣднимъ, передавшій самовольно, кромѣ уплаты хозяину денегъ, подвергается еще не рѣдко и тѣлесному наказанію.

Ссуда разными предметами,—напримѣръ, зерновымъ хлѣбомъ для посѣва,—производится также на томъ условіи, чтобы тотъ, кому дѣлается ссуда, самъ оказалъ ссуждающему, въ случаѣ надобности, подобную же услугу, —если, впрочемъ, ссуда дѣлается не на продолжительное время; въ случаѣ же продолжительности ссуды, за нее полагается нѣкоторое незначительное вознагражденіе почти всегда тѣми же предметами, какіе даются въ ссуду.

Займы бываютъ—или займы денегъ, или займы вещей. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, условія о займахъ бываютъ иногда словесныя, при двухъ—трехъ свидѣтеляхъ, а иногда письменныя, хотя и безъ формальностей, но однако же съ предъявленіемъ сельскому или волостному начальству. Заемъ денегъ для бѣднаго обходится весьма дорого и приноситъ неисчислимый вредъ его хозяйству. Объ этомъ можно судить уже потому одному, что, по мѣстному обычаю, заемъ денегъ производится, вмѣсто процентовъ, не иначе, какъ подъ залогъ труда въ рабочее время. Въ Кузнецкомъ округѣ, взявшій въ займы 5 р., обязывается, взамѣнъ процентовъ, накосить и поставить кредитору съ своего сѣнокоса 100 копенъ сѣна и выжать 1 десятину хлѣба, между тѣмъ, какъ если нанять сжать десятину хлѣба, то это обойдется не менѣе 3 р. Въ Бійскомъ округѣ, во время уплаты податей, спекуляторы даютъ въ займы деньги подъ масло, считая по 3 р. за пудъ, между тѣмъ, какъ сами продаютъ его гуртомъ по 7 р. за пудъ. Въ Барнаульскомъ округѣ, за каждые 3 р., занявшій обязывается сжать одну десятину хлѣба или поставить 100 копенъ сѣна. Если заемъ достигаетъ 15 рублей для годнаго работника, то занявшій долженъ работать большую часть лучшаго лѣтняго времени единственнаго для того, чтобы расплатиться съ своимъ долгомъ, а нужно еще употребить время для того, чтобы припасти кое что на зиму для семьи. Будущій годъ не обѣщаетъ для бѣднаго ничего лучшаго. Нужда застаетъ его дѣлать новые долги и, чтобы раздѣлаться какъ нибудь съ ними, онъ продастъ корову, лошадь. Разстраивая, такимъ образомъ, свое хозяйство, онъ не имѣетъ средствъ выдти изъ своего положенія и кончаетъ, какъ многіе, тѣмъ, что питейный домъ дѣлается постояннымъ его пріютомъ, а узнавъ всю прелесть гостепріимства этого дома, онъ пускается на легкій способъ пріобрѣтенія, посѣщаетъ чужіе пчельники, воруетъ сошники и т. п. Конечно, не все сходитъ съ рукъ, да онъ объ этомъ и не думаетъ: имя его уже записано въ обществѣ, онъ только крѣпнетъ въ порокѣ и за тѣмъ дѣлается кандидатомъ на уголовное преступленіе. Иные, болѣе честные, чтобы выбиться изъ долговъ, рѣшаются вступать даже въ такіе подряды, которые очевидно не выгодны для нихъ, какъ, напримѣръ, въ подрядъ по перевозкѣ спирта въ разныя мѣста или на перевозку товаровъ въ Ирбитъ. Поставка спирта, въ большей части случаевъ, служитъ для крестьянина разоренiемъ, потому что складчики спирта, безъ заключенія условій, часто насчитываютъ большую утрату въ градусахъ съ неграмотныхъ возчиковъ и за все это взыскивается съ хозяина, который не только не получаетъ провозной платы, но лишается даже своихъ лошадей, упряжи и телегъ.— Подряды по перевозкѣ товаровъ въ Ирбитъ не менѣе разорительны. Многіе возвращаются изъ дороги безъ лошадей, потому что, отправляясь въ путь, не соображаются съ дороговизной прокорма лошадей, а возвращаясь съ ярмарки, часто за самую ничтожную плату берутъ товары для того только, чтобы не идти обратно безъ нагрузки.—Вообще, условія и послѣдствія займа денегъ здѣсь тяжелы.—Тоже самое должно сказать о займѣ вещей,—какъ, напримѣръ, хлѣба. Иногда заемъ обезпечивается закладомъ какихъ либо рабочихъ принадлежностей—дуги хомута и т. п.—или рабочаго скота. Въ случаѣ неуплаты въ срокъ, все это остается въ пользу кредитора.

Къ мѣнѣ недвижимыхъ имуществъ должно отнести, рѣдкіе впрочемъ, случаи мѣны пашенными полями, сѣнокосами и домами. Иногда мѣна происходитъ безъ всякихъ формальныхъ договоровъ, по однимъ словеснымъ условіямъ, иногда же при этомъ имѣютъ мѣсто письменныя условія, засвидѣтельствованныя въ волостномъ правленіи. Мѣна движимыхъ имуществъ совершается всегда по одному словесному условію,—иногда съ придачею чего либо за вымѣниваемую вещь, иногда же безъ всякой придачи, „ухо на ухо," какъ говорится при мѣнѣ различныхъ домашнихъ животныхъ. При мѣнѣ лошадей, прилачиваютъ иногда деньги и вещи—хомутъ, вожжи, жизненные припасы и т. п.—Если кто обмѣнялъ завѣдомо больную лошадь, то она возвращается ему и, сверхъ того, за обманъ, онъ приговаривается крестьянскими судами къ наказанію розгами и къ вознагражденію за употребленіе въ работу той лошади, которая была ему обмѣнена. Лошадиныхъ барышниковъ здѣсь вообще мало и значеніе ихъ ничтожно. Особенныхъ предразсудковъ при мѣнѣ разныхъ вещей, здѣсь не существуетъ.

При этомъ не лишнимъ считаемъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о займахъ и мѣнѣ между русскимъ населеніемъ и инородцами, преимущественно алтайскими калмыками.

Первыя сношенія русскаго населенія съ калмыками начались въ первой половинѣ прошедшаго вѣка инородцемъ Иваномъ Хабаровымъ, урожденцемъ Иркутской губерніи, который поселился съ торговою цѣлію сперва въ Кузнецкѣ, потомъ переѣхалъ въ Барнаулъ, а наконецъ въ Бійскъ. На сколько выгодны были эти сношенія, можно судить и тому, что, по разсказамъ купцовъ Хабаровыхъ, прадуръ ихъ, Иванъ Хабаровъ, отправляясь въ Алтай, бралъ съ собою для мѣны товаровъ на 400 или 500 р. ас., въ томъ числѣ множество ничтожныхъ бездѣлушекъ, а доѣхавъ до урочища Чаганъ—Узунъ (въ 15 в. отъ урочища Кошь—агачъ, въ долинѣ р. Чу), вымѣнивалъ, кромѣ другихъ товаровъ, такое огромное количество соболей, что оно едва вмѣщалось въ вьючную суму. А какъ въ двѣ вьючныя сумы помѣщается до 5 пудовъ ржаныхъ сухарей, то, слѣдовательно, нужно нѣсколько сотъ соболей, чтобы нагрузить вьючную суму. Вообще, прибыль получалась втрое или вчетверо болѣе стоимости товара. Причины, благопріятствовавшія выгодамъ тогдашнихъ мѣстныхъ сношеній съ инородцами, заключались въ матеріальномъ благосостояніи калмыковъ. Стойбища ихъ въ то время были далеко обширнѣе настоящихъ и всѣ лучшія урочища, занимаемыя нынѣ нѣкоторыми селеніями ануйской, алтайской, смоленской и енисейской волостей, принадлежали калмыкамъ. Въ близи Алтая не было осѣдлыхъ поселеній, которыя неблагопріятно дѣйствуютъ на звѣропромышленность, составляющую исключительный предметъ занятій инородцевъ. При такихъ выгодныхъ условіяхъ кочевой жизни, калмыки имѣли безчисленныя стада и занимались звѣриными промыслами безъ затрудненій, встрѣчающихся въ настоящее время. Будучи по природѣ чрезвычайно лѣнивы, довѣрчивы и честны, калмыки вели совершенно патріархальную жизнь, перекочевывая съ юртами и стадами съ одного мѣста на другое. Изъ алтайскихъ горъ они никогда не выѣзжали и сами не входили ни въ какія сдѣлки съ русскими, а безпечно ожидали, пока торговцы пріѣдутъ къ нимъ сами и привезутъ что нужно. Пользуясь такимъ матеріальнымъ и нравственнымъ состояніемъ инородцевъ, первые торговцы, пріѣхавъ въ стойбища инородцевъ съ своими товарами, ставили товаръ въ самую дорогую цѣну. Его обмѣнивали на звѣриныя шкуры и мелкій рогатый скотъ, который, до возраста, оставляли на Алтаѣ у

тѣхъ же калмыковъ, отъ которыхъ скотъ пріобрѣтенъ, въ полной увѣренности, что онъ будетъ сохраненъ лучше, чѣмъ у нихъ самихъ, такъ какъ калмыки того времени, по честности своей, считали святою обязанностію заботиться о чужой собственности болѣе, чѣмъ о своей. Такимъ образомъ, пріобрѣтали за ничтожную цѣну теленка, а черезъ два года получался быкъ, продовольствіе котораго ничего не стоило. Въ непродолжительномъ времени подобный порядокъ дѣлъ повелъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Отдавъ товаръ въ долгъ съ огромными процентами и не получивъ уплаты въ назначенный срокъ, торговцы, безъ всякаго суда, забирали у калмыковъ скотъ и при томъ не столько, сколько слѣдовало, а сколько попадалось подъ руку. Подобныя злоупотребленія не могли не обратить на себя вниманія главнаго мѣстнаго начальства, и сибирскій генералъ-губернаторъ Сперанскій въ 1819 г. издалъ особыя правила о мѣнѣ и займахъ между сибирскими обывателями и инородцами. Впослѣдствіи времени, эти правила вошли въ Уставъ объ инородцахъ. Но, къ сожалѣнію, онѣ не принесли никакой существенной пользы, потому что никогда въ точности не исполнялись.

Между алтайскими инородцами, какъ и вездѣ, есть богатые и бѣдные. Послѣдніе, будучи постоянно одолжаемы первыми, находятся у нихъ въ качествѣ прикащиковъ. Все, что добудетъ бѣдный инородецъ, онъ сбываетъ своему богатому собрату, за весьма умѣренную цѣну, а этотъ доставляетъ уже своему „таныпу“—пріятелю изъ купцовъ, также съ небольшою пользою Обороты эти въ настоящее время происходятъ слѣдующимъ образомъ: осенью таныши являются къ своимъ купцамъ съ бочонкомъ вина и, послѣ благожеланій съ обѣихъ сторонъ, распиваютъ его, безъ чего никакихъ торговыхъ операцій здѣсь не бываетъ и быть не можетъ. По угощеніи, купецъ ведетъ таныпей своихъ съ ихъ женами и дѣтьми въ свою лавку. Таныши набираютъ товаръ, какой „поглянется“, каждый отъ 100 до 300 р. с., укладываютъ во вьюки, заходятъ опять въ домъ къ торговцу, справляются съ бочонкомъ и, на прощаніи, кромѣ товара, получаютъ еще денегъ рублей по 50 и болѣе, смотря по состоянію, для собственныхъ оборотовъ. Чѣмъ проще держитъ себя торговецъ въ обращеніи съ инородцами, тѣмъ болѣе у него таныпей, а чѣмъ болѣе послѣднихъ, тѣмъ успѣшнѣе идутъ его дѣла.—Таныши, возвратясь въ свои кочевья съ деньгами и товарами, раздаютъ и то и другое своимъ прикащикамъ въ долгъ же. Между тѣмъ, время идетъ, выпадаетъ снѣгъ и звѣропромышленники—должники (а всѣ они постоянно въ долгу) берутъ винтовки, ловушки, запасъ и отправляются звѣровать. Настрѣлявъ и наловивъ разныхъ звѣрей, они небольшую часть лучшихъ шкурокъ оставляютъ для сдачи въ ясакъ, а остальныя, около крещенія, сдаютъ своимъ таныпамъ—заимодавцамъ. Кромѣ звѣроловства, алтайскіе инородцы занимаются еще добываніемъ кедровыхъ орѣховъ, которые мѣняютъ на мѣстѣ пріѣзжающимъ къ нимъ крестьянамъ. Часто пудовка орѣховъ идетъ за пудовку ячменя [31].

Переходя *къ складчинамъ, товариществамъ и артелямъ*, нужно прежде всего упомянуть о братчинахъ. „Братчиною, говоритъ Снѣгиревъ, называется въ нѣкоторыхъ губерніяхъ пиршество, устроенное въ складчину; къ сему относится поговорка: братчина складчина [32].„ Въ Сибири братчина состав-

---

[31]) Вербицкій Алтайцы, 24, 25, 32, 33
[32]) Русскіе въ своихъ пословицахъ 11, 74.

ляла въ старину явленіе, весьма обыкновенное: нѣсколько человѣкъ собирали между собою хлѣбъ, хмѣль, съѣстные припасы, варили пиво, покупали вино, готовили обѣдъ и ужинъ и праздновали нерѣдко по нѣсколько дней. Всѣмъ хозяйствомъ братчины распоряжался одинъ, выбранный другими, расторопный и опытный въ дѣлахъ подобнаго рода человѣкъ. Сильный разгулъ, которымъ обыкновенно, сопровождались братчины, вызывалъ не разъ преслѣдованія противъ нихъ со стороны мѣстной администраціи. Такъ въ циркулярномъ указѣ нисейской Воеводской Канцеляріи 14 Марта 1771 года говорится: „Неоднократно посылаемыми изъ здѣшней Канцеляріи во всѣ присуды указами было подтверждаемо и запрещаемо, чтобы каковъ и братчинъ отнюдь не было; но и за тѣмъ оказалось – въ анцыферовскомъ присудѣ была варима братчина и послѣдовало отъ оной посадскому Локасову отъ ясашнаго Вѣшнякова смертное убивство, за что тотъ ясашный Вѣшняковъ, въ страхъ другимъ, и наказанъ кнутомъ, а зачинщикъ того варенья братчины—плетьми; а чтобъ и паки таковыхъ братчинъ варимо не было и во всемъ оныя пресѣкались, опредѣлено: послать паки указы и велѣть оныя братчины, страшась вышеписаннаго, а паче и жесточайшаго наказанія, нигдѣ не варить [33])“—Теперь въ Томской губерніи братчины вывелись совершенно изъ употребленія.

Товарищества составляются, главнымъ образомъ, для устройства мельницъ и насѣкъ, для извоза, для рубки и сплава лѣса и дровъ, для предохраненія отъ истребленія небольшихъ рощъ, дубравъ и засѣкъ около селеній и займокъ и пр.

При устройствѣ мельницы, товарищи (2, 3 и болѣе) вносятъ капиталъ по равной части, предоставляя строить ее, а равно завѣдывать ею кому нибудь одному. За труды ему полагается отъ 50 до 60 р. въ годъ. Доходы дѣлятся помѣсячно по поламъ. Расходы производятся не иначе, какъ съ общаго согласія. Если кто не внесетъ суммы, нужной на содержаніе мельницы, тотъ лишается своей части доходовъ, равной той, какая употреблена на ея содержаніе. Въ случаѣ недачи управляющимъ мельницей мѣсячнаго отчета, онъ устраняется отъ управленія, ему производится учетъ и если денегъ, вырученныхъ отъ помола, не оказывается, то, въ пополненіе ихъ, удерживается та часть, которая слѣдуетъ ему. Въ случаѣ продажи кѣмъ либо своего пая, право покупки его принадлежитъ прежде всего товарищамъ. Иногда товарищи управляютъ мельницей сообща и мелятъ хлѣбъ по очереди въ теченіи извѣстнаго времени, а перемоловъ свой, начинаютъ молоть чужой, или мелятъ чужой хлѣбъ, когда нѣтъ своего. Товарищество въ мельницахъ идетъ иногда изъ рода въ родъ.

На такихъ же правилахъ образуются товарищества для устройства насѣкъ. Одинъ изъ товарищей принимаетъ имущество по описи и дѣлается насѣчникомъ, получая за труды отъ 30 до 40 р. и все содержаніе.— Выставка пчелъ изъ зимника происходитъ при всѣхъ товарищахъ, чтобы всѣмъ было извѣстно, сколько ульевъ погибло, сколько осталось въ цѣлости. Всѣ расходы на содержаніе насѣки и всѣ доходы отъ нея дѣлятся по поламъ. Въ случаѣ дѣлежа насѣки, товарищи получаютъ по ровной части.

---

[33]) Изъ дѣлъ упраздненнаго Кашино—Шиверскаго монастыря.

Въ Томской губерніи, особенно по Барабѣ, между ямщиками съ издавна существуетъ особаго рода товарищество, по правиламъ котораго каждый ямщикъ, везущій проѣзжающаго или какую нибудь кладь по извѣстной цѣнѣ, передаетъ свой подрядъ *дружку*, т. е. товарищу, пріятелю, знакомому, на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ рядился самъ, и тотъ принимаетъ этотъ подрядъ, со всѣми выгодами и невыгодами его, въ томъ убѣжденіи, что, въ случаѣ надобности, точно также будетъ поступлено и относительно его самого. Такого рода товарищество существуетъ на проселочномъ трактѣ, который сокращаетъ на 150 верстъ почтовый, минуя города Ишимъ, Ялуторовскъ и Омскъ. Выбирая этотъ трактъ, проѣзжающіе, обыкновенно, расчитываютъ на выигрышъ времени и устраненіе докучливой формальности почтовыхъ станцій. Первый дружокъ, принимая проѣзжаго съ почтовой тройки, обыкновенно, торгуется о количествѣ прогоновъ и непремѣнно на тройку; на парѣ дружки ѣздить не любятъ. Торговля о цѣнѣ происходитъ не долго: перекинешься двумя тремя словами и дѣло кончено. Дружокъ даже спѣшитъ кончить съ вами сдѣлку, зная и какъ бы боясь, что—вотъ тотчасъ же изъ за угла выскочитъ его сосѣдъ, да и не одинъ и не два, а цѣлый десятокъ, которые тотъ часъ же пойдутъ съ нимъ на перебой, возьмутъ дешевле и онъ не повезетъ. Кончивши дѣло такимъ образомъ съ однимъ, вы уже кончили въ то же время дѣло съ своей Барабой до Томска. [34])—Въ нарушеніе такого стариннаго порядка, жители разныхъ деревень въ прежнее время не разъ покушались учреждать очереди, кому именно везти; при чемъ случались драки и насилія. Но Сперанскій, по пріѣздѣ въ Сибирь, установилъ на этотъ случай слѣдующее «правило,» присланное имъ для исполненія къ Томскому Губернатору при предписаніи отъ 30 Сентября 1820 г. за № 706. «Порядокъ наймовъ въ извозѣ остается на прежнемъ положеніи; но при семъ строго запрещается въ провозъ купеческихъ кладей и вообще въ проѣздъ разнаго званія людей вольнымъ наймомъ дѣлать малѣйшее затрудненіе. И, вслѣдствіе того, земская полиція имѣетъ прекращать остановки, кои до селѣ не рѣдко чинимы были подъ предлогомъ очереднаго извозу, каковой въ нѣкоторыхъ селеніяхъ безо всякаго права, по одному своевольству крестьянъ, былъ заведенъ, такъ что не токмо проѣзжающій, но и цѣлый обозъ съ дракою былъ останавливаемъ и принуждаемъ перемѣнять лошадей и нанимать ихъ не у тѣхъ, кого приказчикъ или главный извощикъ пожелаетъ и къ кому онъ имѣетъ довѣріе, но у тѣхъ, кои стоятъ на очереди. Сіи злоупотребительныя очереди ни подъ какимъ видомъ не должны быть допускаемы и проѣзжающій или обозный всегда долженъ имѣть полную свободу нанять того, кого онъ пожелаетъ, или совсѣмъ не нанимать и миновать деревни на прежнихъ лошадяхъ по условію, которое имъ сдѣлано и которое ни кѣмъ не можетъ быть по произволу нарушено.» [35]) Однако же, такое распоряженіе не всегда исполнялось и исполняется. Въ Февралѣ м 1868 г., крестьяне с. Болотинскаго Михаилъ Киселевъ и его товарищи принесли Кайлинскому волостному суду жалобу на то, что крестьяне д. Долговой Гордей и Анатолій Плотниковы и Лукьянъ Елгинъ, въ Декабрѣ м. 1867 г., остановили транспортъ винныхъ бочекъ, слѣдовавшій изъ Томска въ Барнаулъ, не дозволяя имъ везти его до станціи Гутовой и понижая провозную цѣну на 9 р. По удостовѣренію, все это подтвердилось; а потому волостной судъ рѣшилъ оз-

[34]) Максимовъ, на Востокѣ 121, 122.

[35]) Изъ дѣлъ Томскаго губернскаго архива.

наченныя деньги 9 р. взыскать съ плотниковыхъ и Елгина, въ пользу Киселева съ товарищами.

Товарищества для рубки и сплава лѣса и дровъ, а равно для предохраненія отъ истребленія небольшихъ рощъ, дубравъ и засѣкъ—не представляютъ ни какихъ особенностей; а потому мы о нихъ и не распространяемся.

Слово «артель» употребляется здѣсь довольно безразлично. Артелью народъ называетъ и простыхъ рабочихъ поденщиковъ, нанятыхъ порознь однимъ хозяиномъ и связанныхъ между собою только совмѣстностью труда, и лицъ, соединившихся въ общество для самостоятельнаго преслѣдованія одной общей экономической цѣли и выработавшихъ ясную и опредѣленную организацію совмѣстнаго сотрудничества и раціональной совмѣстной жизни. Здѣсь мы будемъ говорить объ артеляхъ послѣдняго рода.

Изъ числа этихъ артелей, звѣроловныя артели, конечно, были древнѣйшими въ Сибири.

Когда звѣря было еще много, артели звѣровщиковъ составлялись ежегодно въ значительномъ числѣ. Каждая артель состояла изъ трехъ, четырехъ и болѣе человѣкъ, которые на все время звѣроловства выбирали изъ среды себя старшимъ «передовщика,» человѣка опытнаго, хорошо знакомаго какъ съ мѣстами для звѣроловства, такъ и съ порядкомъ, изстари наблюдавшимся въ подобныхъ случаяхъ. На Алтаѣ въ прежнее время добыча звѣря, въ особенности самаго цѣннаго—соболя, производилась на всѣхъ тѣхъ горахъ, которыя носятъ названія «бѣлковъ» На промыселъ соболей отправлялись осенью, по голу, съ Воздвиженья (14 Сентября), на такъ называемый *путикъ*, и ловили соболей кулемнинкомъ; зимой же ходили на *гоны* и промышляли капканами, разставляя ихъ по дорожкамъ соболей. Необходимый для себя запасъ звѣроловы на нѣкоторое разстояніе отъ своихъ селеній завозили на лошадяхъ, для чего зимою высѣкали въ снѣгу ступеньки, а далѣе тащили на себѣ, сложивши его на маралью шкуру, положенную шерстью внизъ. Прійдя на удобныя для промысла мѣста, по распоряженію передовщика, устраивали станъ.—Станъ былъ ни что иное, какъ избушка съ однимъ потолкомъ, безъ крыши. Входъ въ избушку запирался дверью, вертѣвшеюся на пятѣ; внутри ея у стѣны была битая печь безъ чувала, потому что такая печь нагрѣваетъ избу и скорѣе сушитъ одежду, вымоченную на промыслѣ; для выхода дыма дѣлалась въ стѣнѣ отдушина и затыкалась травой; кромѣ того, въ стѣнѣ прорубалось окно или два, смотря по числу артельщиковъ, чтобъ въ ненастье, когда скучно, каждый или по двое могли сидѣть у своего окна и смотрѣть, по крайней мѣрѣ, на лѣсъ; для спанья около стѣнъ дѣлали нары; одинъ уголъ избы рубили надъ ключемъ, чтобы можно было брать воду, не выходя изъ избы. Отдѣльно отъ избы рубили баню по черному, въ которую ходили каждую недѣлю. Съѣстные припасы хранились въ сайвѣ, которая устраивалась слѣдующимъ образомъ. На четыре близко стоящія другъ къ другу дерева клали двѣ слеги и на нихъ настилали палати, сверху палати закрывались двускатной крышей съ забранными досками и лбами; чтобъ достать что нибудь изъ сайвы, приставляли къ ней лѣстницу, выдвигали одну доску и просовывали голову и руки въ образовавшееся отверстіе; сайва устраивалась на высотѣ семи аршинъ надъ землей, чтобъ не взобрался медвѣдь или рассомаха. Здѣсь дѣлали закромокъ для муки, а также хранили

мясо моралье или убитую птицу, масло, лукъ и пр. Когда станъ былъ уже готовъ, звѣроловы въ продолженіи нѣкотораго времени занимались приготовительными работами,—дѣлали кулемникъ, ловили для животи кошечекъ сѣноставокъ, разставляли капканы и другія ловушки. Чтобъ не потерять дорогу къ своему стану, звѣровщики, разставляя кулемы въ дремучемъ лѣсу, иногда на пространствѣ 50 верстъ, дѣлали «тесп» или «затеси» на деревьяхъ, на каждыхъ десяти саженяхъ. Остальное время промысла проходило только въ осмотрѣ кулемъ. Иногда звѣролову двѣ ночи приходилось ночевать въ лѣсу прежде, чѣмъ онъ воротится съ осмотра на станъ; потому они брали съ собой запасу на нѣсколько дней, таща его сзади на моральей шкурѣ за веревку. Когда въ одной избушкѣ жила артель изъ трехъ или болѣе человѣкъ, то одинъ оставался для протапливанія ея и для приготовленія пищи товарищамъ, пока они находились на осмотрѣ ближайшихъ кулемокъ. Не рѣдко промышленникамъ на «бѣлкахъ» угрожала голодная смерть, когда запасъ выходилъ, а продолжительные бураны не позволяли своевременно спуститься въ долину. Случалось иногда, что одинъ изъ артельщиковъ дѣлался больнымъ; тогда артель оставляла ему припасы и спускалась въ долину, чтобы дать знать его роднымъ о его болѣзни, и больной оставался одинъ въ черни, дожидаясь, когда за нимъ придутъ съ носилками. [36])—Подобнаго рода артели основывались на принципѣ полнаго, абсолютнаго равенства; члены ихъ по ровну вносили въ предпріятіе трудъ и капиталъ и дѣлили прибыли на ровныя части. Въ другихъ мѣстахъ губерніи звѣроловныя артели составлялись точно также, какъ на Алтаѣ, и на тѣхъ же основаніяхъ.—Въ настоящее время подобныя артели почти не существуютъ; звѣроловы ходятъ на промыселъ хотя и по нѣскольку человѣкъ, но каждый промышляетъ звѣря для себя.—Впрочемъ, въ Нарымскомъ краѣ, крестьяне вступаютъ иногда въ артели съ инородцами для ловли звѣря, и главное условіе договора при этомъ заключается въ принимаемой на себя крестьянами обязанности снабдить инородцевъ для начала промысла нужнымъ запасомъ, т. е. съѣстными припасами, иногда порохомъ и свинцемъ, за что инородцы обязуются отдать имъ извѣстную часть своей добычи. На такихъ же основаніяхъ между крестьянами и инородцами составляются артели для собиранія кедровыхъ орѣховъ.

Въ одно время съ звѣроловными артелями, получили здѣсь начало существующія и теперь—рыболовныя. Рыболовство производится, большею частію, не въ далекѣ отъ жилыхъ мѣстъ; но это занятіе требуетъ нѣсколькихъ рукъ и одному человѣку, безъ соединенія съ другими, оно не подъ силу. Артели, образуемыя для этого промысла, иногда бываютъ основаны на полномъ началѣ равенства, иногда же капиталъ вносится однимъ или нѣсколькими лицами, а трудъ другими и, при раздѣленіи прибылей, принимается въ расчетъ,—съ одной стороны, большій или меньшій взносъ капитала, а съ другой—большая или меньшая усиленность труда, сила, знаніе, ловкость и т. п. качества артельщиковъ.

На *поклажу* отдаются разныя домашнія вещи и деньги. Договоръ о поклажѣ совершается почти всегда словесно, безъ всякаго обезпеченія и безъ всякихъ условій относительно вознагражденія. Однако же считается необходимымъ, чтобы принявшій поклажу берегъ ее, какъ свою собственность; въ

---

[36]) Потанинъ. Полгода на Алтаѣ. Русское Слово.

случаѣ утраты вещи, онъ уплачиваетъ за нее хозяину цѣнность ея, а въ случаѣ порчи—хозяинъ имѣетъ право «прикинуть» вещь сохранявшему ее, а отъ него потребовать ея цѣнность. Если поклажа сдѣлана кѣмъ либо безъ дозволенія или безъ вѣдома хозяина дома и потомъ утратится, то хозяинъ дома за это не отвѣчаетъ. Весьма часто крестьяне, находясь въ кабакахъ, отдаютъ при свидѣтеляхъ на сохраненіе деньги такимъ находящимся тутъ же лицамъ, которыя не много употребляютъ вина. За утайку поклажи, кромѣ взысканія цѣнности ея, виновный подвергается еще тѣлесному наказанію. Но въ одномъ случаѣ, когда отданныя въ кабакѣ на сохраненіе деньги были утаены, Верхотомскій волостной судъ, не смотря на ясныя доказательства утайки, приговорилъ виновнаго отдать хозяину только половину денегъ, потому что «онъ съ деньгами въ чужомъ мѣстѣ (городѣ Томскѣ) не пьянствуй, а будь остороженъ.»

Б) УГОЛОВНОЕ ПРАВО.

«Русская народная пословица,—замѣчаетъ извѣстный нашъ этнографъ Максимовъ, русская народная пословица говоритъ: «отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся.» Въ этой пословицѣ вѣковая народная практическая наблюдательность съумѣла отыскать въ своей жизни двухъ сильныхъ враговъ. Оба признаны ею неодолимыми, оба въ народномъ представленіи являются тѣми могучими волями, борьба съ которыми внѣ человѣческой возможности и всегда неизбѣжно кончается побѣдою на противоположной сторонѣ. Одинъ врагъ, и именно тотъ, который умѣетъ надѣвать на людскія плечи суму и зовется *голомъ*, успѣлъ достаточно ясно заявить себя не только въ предшествовавшіе вѣка народной жизни, но и въ наши времена съ тѣми же самыми подробностями, какія занесены въ древнія лѣтописи. Другаго врага, также наталкивающаго на несчастіе и также запирающаго въ тюрьмы, народъ неуспѣлъ распознать въ лицо и дать ему опредѣленное характерное имя: видитъ онъ въ немъ какого-то злобнаго духа, который называетъ и судьбою и несчастіемъ: судьбою, отъ которой не уйдешъ и неотчураешься.несчастіемъ,—котораго не обойдешъ и не объѣдешъ (даже на кривыхъ оглобляхъ,—по меткому выраженію одной изъ пословицъ.) Эта безнадежность, это отчаяніе неувѣренности въ собственныя силы, какъ существа разумнаго и независимаго, до такой степени окрѣпло въ народномъ сознаніи, что самая форма уклоненія испорченной воли въ преступленіи—признается и зовется «несчастіемъ,» приписывается вліянію злобной силы судьбы. Вездѣ они, оба вида всеувлекающихъ и губительныхъ силъ, являются впереди и прежде всѣхъ другихъ причинъ, порождающихъ тотъ или другой видъ преступленія.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, исканіе иныхъ причинъ преступленія увело народъ въ противорѣчія и увлекло въ среду понятій еще болѣе неопредѣленныхъ, какова, между прочимъ, сила вліянія на волю человѣка наслѣдственности («благословляетъ отецъ дѣтокъ до чужихъ клѣтокъ» и проч.). Въ другихъ случаяхъ, это исканіе причинъ, по видимому, останавливается вблизи настоящихъ основъ, каково, между прочимъ, вліяніе посторонней порчи, участіе соблазна («не родится воръ, а умираетъ» и проч.) Иногда отыскивается новое противорѣчіе, но несомнѣнно выясняется болѣе вѣрная и близкая причина («нужда лиха и голодъ не тетка, а голодный и архіерей украдетъ.») Въ общемъ же итогѣ, преступленіе—несчастіе, преступникъ—несчастный: вотъ конечный выводъ, какой сдѣлалъ народъ нашъ при личной практикѣ изъ собственныхъ наблюденій.» [37])

Нашъ крестьянинъ—старожилъ точно также каждое преступленіе считаетъ—*несчастіемъ*, каждаго преступника—*несчастнымъ*, а каждый проступокъ—*бѣдою*, *грѣхомъ*, принимая однако же слово «грѣхъ» не въ смыслѣ нарушенія нравственно—религіозныхъ постановленій, но въ смыслѣ простой случайности, происшедшей отъ неосторожности, которую легко можно бы было предотвратить.

Разсматривая длинный списокъ преступленій и проступковъ, перечисляемыхъ обыкновенно въ уголовныхъ кодексахъ, приходится назвать весьма не много такихъ, которые не совершались бы въ Томской губерніи;

---

[37]) Народныя преступленія и несчастія, 1, 2.

за тѣмъ всѣ остальные составляютъ явленіе весьма обыкновенное и повторяющееся повсемѣстно. Въ 1870 г., число всѣхъ преступленій, входившихъ на разсмотрѣніе окружныхъ и губернскаго судовъ, простиралось до 639, въ 1871 г.—893, въ 1872 г.—766, въ 1873 г.—826. Самыя крупныя цифры изъ нихъ относятся: къ убійству (въ 1873 г 100 случаевъ), кражѣ (206 случаевъ), нанесенію увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровью (82), нарушенію уставовъ о службѣ государственной и общественной (64), нарушенію уставовъ монетныхъ (93), бродяжеству и укрывательству бѣглыхъ (51), нарушенію общественной нравственности (22) и т. д.—А сколько преступленій осталось еще не обнаружено, сколько не дошло до разсмотрѣнія судебныхъ мѣстъ!

Постоянно значительное число преступленій въ Томской губерніи обусловливается—географическими особенностями ея территоріи, низкимъ уровнемъ нравственно-религіознаго состоянія большей части ея населенія, сильнымъ распространеніемъ пьянства и присутствіемъ значительнаго числа ссыльныхъ въ средѣ коренныхъ жителей.

Площадь Томской губерніи составляетъ приблизительно 760 т. квадр. верстъ, т. е. она превосходитъ отдѣльно взятыя площади первостепенныхъ европейскихъ государствъ, какова Великобританія, Пруссія и Франція. Самый меньшій изъ округовъ губерніи—Маріинскій—равняется 65,805 квадр. верстамъ, а самый большой—Томскій 260,533 кв. верстамъ. Это—пространства цѣлыхъ губерній внутри Имперіи. Населеніе здѣсь рѣдко, разбросано и разъединено то непроходимыми лѣсами, то непреступными горами. Понятно, что, при такихъ мѣстныхъ условіяхъ, администраціи не представляется никакой возможности имѣть по всюду бдительный надзоръ за населеніемъ и своевременнымъ вмѣшательствомъ отклонять совершеніе въ средѣ его преступленій.

Что касается до нравственно-религіознаго состоянія большей части населенія губерніи, то въ этомъ отношеніи, безъ преувеличенія можно сказать, оно оставлено совершенно на произволъ самому себѣ.—Грамотность развита въ народѣ весьма слабо, и это отнимаетъ отъ него всѣ средства къ дальнѣйшему умственному развитію.—Отсюда—ограниченность его понятій въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, вялость и безучастность какъ къ своимъ собственнымъ, такъ и общественнымъ нуждамъ, готовность довольствоваться крайнимъ предѣломъ житейскихъ условій и отсутствіе всякихъ высшихъ потребностей, кромѣ потребностей животной жизни.—Казалось бы, что мѣстное духовенство, въ особенности сельское, можетъ имѣть благотворное вліяніе на улучшеніе народной нравственности. Но въ настоящее время положеніе сельскаго духовенства таково, что достойно полнаго сожалѣнія и должно справедливо обратить на себя вниманіе Правительства. Теперь, каждый сельскій священникъ можетъ считать себя матеріально обезпеченнымъ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ расположеніе прихода, хотя такое расположеніе, въ большей части случаевъ, пріобрѣтается не иначе, какъ пожертвованіемъ самыхъ священныхъ обязанностей духовнаго служенія.—Правда, у сельскаго священника есть для жительства общественный домъ, на содержаніе свое онъ получаетъ отъ прихожанъ въ извѣстномъ размѣрѣ хлѣбную ругу, наконецъ—онъ пользуется отъ нихъ вознагражденіемъ за исполненіе духовныхъ требъ. Но для того, чтобы домъ находился въ такомъ состояніи, чтобы можно было въ немъ жить, священнику приходится иногда кланяться обществу, угождать ему, смотрѣть сквозь пальцы на его духовные

проступки; чтобы собрать ругу,—ѣздить по деревнямъ, составляющимъ приходъ, снова кланяться и, такимъ образомъ, унижать себя и терять время, которое, при другомъ порядкѣ вещей, могло бы быть съ пользою употреблено на распространеніе нравственно-религіознаго развитія пасты: чтобы получить вознагражденіе за исполненіе духовныхъ требъ, священнику приходится иногда, вслѣдствіе необезпеченія его матеріальныхъ нуждъ, торговаться, какъ какому либо мелкому промышленнику, уступая изъ выпрошенной имъ цѣны за совершеніе извѣстной требы копѣйка за копѣйкой, рубль за рубль. Понятно, что все это нисколько не ведетъ къ укрѣпленію тѣхъ узъ взаимнаго довѣрія, уваженія и любви, которыя должны существовать между пастыремъ и его духовнымъ стадомъ Отъ этого происходитъ то, что рѣдкій изъ здѣшнихъ сельскихъ священниковъ не смотритъ на своихъ прихожанъ равнодушно, не имѣя ни охоты, ни времени заняться нравственно-религіознымъ ихъ образованіемъ; прихожане же, съ своей стороны, содержаніе всякаго причта считаютъ для себя излишнею тягостію, неоправдываемою никакою разумною необходимостью, не приносящею ни какой пользы.—Но матеріальное обезпеченіе сельскаго духовенства, постановленіе его внѣ всякой зависимости отъ прихожанъ—составляетъ только одно изъ средствъ распространенія въ народѣ болѣе твердыхъ нравственныхъ убѣжденій, болѣе широкихъ умственныхъ интересовъ. Для успѣшнаго исхода борьбы просвѣщенія съ невѣжествомъ, необходимо еще, чтобы сельское духовенство само было умственно и нравственно развито выше остальной массы народа, чтобы оно глубоко и искренно проникнулось высокою цѣлью своего призванія, чтобы всецѣло предалось стремленію для достиженія этой цѣли.—Къ сожалѣнію должно сказать, что наше сельское духовенство ни прежде, ни теперь далеко не удовлетворяло и не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Выше мы уже видѣли, что пьянство, драки, притязательныя дѣйствія къ своимъ прихожанамъ, противу-законныя и насильственныя связи съ ихъ женами и дочерьми —были явленіемъ весьма нерѣдкимъ въ средѣ духовенства прежняго времени. Конечно, духовное начальство подвергало виновныхъ не только домашнимъ исправительнымъ наказаніямъ, допускавшимся тогдашними правами и обычаями, какъ то содержанію въ оковахъ. тяжелымъ и унизительнымъ работамъ, но даже предавало ихъ въ руки гражданскихъ властей для наложенія уголовной кары,—однако же все это, безспорно, не могло повести къ тому, чтобы народъ сколько нибудь уважалъ санъ духовный и имѣлъ къ нему какое нибудь довѣріе. Въ настоящее время, разумѣется, болѣе крупныя изъ подобныхъ явленій уже не встрѣчаются; но и теперь въ числѣ сельскихъ священниковъ есть лица, далеко не отличающіяся нравственностію жизни, служащія соблазномъ для своихъ прихожанъ; и теперь, есть столь невѣжественные, что ихъ загоняетъ послѣдній раскольничій начетчикъ; и теперь есть столь притязательные, что возбуждаютъ открытый ропотъ со стороны прихожанъ.

Годъ отъ году увеличивающееся пьянство убиваетъ въ народѣ всякую нравственность, благочестіе, трудолюбіе, совѣсть, правду и плодитъ всякіе пороки, праздность, нищенство, воровство, развратъ, грабежи. Кабакъ—единственное развлеченіе, единственное наслажденіе и увлеченіе нашего простаго человѣка въ его досугѣ. Это его элементарная школа и вмѣстѣ высшее образовательное учрежденіе. Онъ бываетъ въ немъ также часто, какъ дома, и тратитъ на него значительную часть своихъ средствъ. О томъ, сколько въ губерніи расходится вина. можно приблизительно судить по поступленію питейныхъ сборовъ: въ 1871 г. они простирались до 1,293,627 р; въ 1872 г. до 1,407,554 р, а въ 1873 г. возрасли до 1,501,860 р. Число совершающихъ

ся въ извѣстномъ мѣстѣ преступленій находится въ тѣсной связи съ числомъ существующихъ въ этомъ мѣстѣ питейныхъ заведеній. Всякій лишній кабакъ представляетъ собой не только лишній соблазнъ для пьянства, но и лишній очагъ всякой деморализаціи, лишній растовщичій складъ, лишній притонъ всякаго разврата и заразы, а нерѣдко лишній сбытъ краденыхъ вещей и пріютъ мошенничества.

Сибирь, какъ окраина Имперіи, сдѣлалась постояннымъ мѣстомъ ссылки для всякаго рода лицъ, совершившихъ преступленія и проступки во внутреннихъ губерніяхъ, нѣсколько ранѣе начала прошлаго вѣка. Въ 1822 г. число этихъ лицъ въ Томской губерніи простиралось до 9,500 д. о. п. Нынѣ оно возросло до 50 т Конечно, сравнительно съ пространствомъ губерніи, такое число незначительно; но при этомъ должно принять во вниманіе, что еще въ 1808 году состоялось Высочайшее повелѣніе, по которому весь Алтайскій горный округъ, занимающій большую часть губерніи, изъятъ отъ водворенія ссыльныхъ, въ видахъ отвращенія дурнаго вліянія ихъ на мѣстныхъ жителей и для спокойствія въ краѣ. Вслѣдствіе этого, для жительства ссыльныхъ, въ Томской губерніи остаются только три, перерѣзываемые большимъ сибирскимъ трактомъ, округа—Каинскій, Томскій и Маріинскій, которые и наполнены ими до того, что здѣсь ссыльные составляютъ $^1/_6$ всего населенія. Вслѣдствіе различныхъ условій ссылки, вся масса ссыльныхъ дѣлится на двѣ группы—ссыльно поселенцевъ и сосланныхъ на житье.—Въ настоящее время, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 15 Іюня 1859 г, въ Томскую губернію не ссылаются уже на поселеніе разныя лица за совершенныя ими преступленія, но ихъ весьма много сослано было до воспослѣдованія означеннаго закона. Всѣ они, по прибытіи на мѣсто, причислялись къ деревнямъ старожиловъ и почти всѣ вновь причисленные, за исключеніемъ очень немногихъ, не имѣли въ своемъ распоряженіи никакихъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для обзаведенія собственнымъ хозяйствомъ, а потому принуждены были, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, скитаться изъ дома въ домъ, нанимаясь въ работники.—Но это удавалось только пользовавшимся здоровьемъ и крѣпкими силами, не ослабѣвшими отъ продолжительнаго содержанія въ острогахъ до рѣшенія объ ихъ дѣлѣ и слѣдованія въ Сибирь, и притомъ знакомымъ съ сельскими работами. Часто случалось, что къ сельскому обществу, по необходимости, причислялся человѣкъ, знающій какое нибудь мастерство, не имѣющее примѣненія къ быту сельскихъ обывателей: причислялось къ деревнямъ много такихъ, которые, не имѣя понятія о сельскихъ работахъ и не зная никакихъ ремеслъ, годны были только въ городскіе слуги. Причисленнымъ къ деревнямъ поселенцамъ предоставлено было право воспользоваться пособіемъ, если они женятся Но денежныя пособія, выдаваемыя имъ съ этимъ условіемъ, не могли побудить поселенцевъ ко вступленію въ бракъ, потому что—какъ рѣшиться жениться человѣку, у котораго нѣтъ ни осѣдлости, ни какой бы то ни было собственности и который самъ проживаетъ въ работникахъ, или не рѣдко принужденъ пропитываться однимъ подаяніемъ? Какой отецъ мирнаго и честнаго семейства старожила рѣшился бы выдать дочь свою и какая честная, сознающая свое достоинство, женщина рѣшилась бы итти въ замужество за человѣка, преступленіе котораго еще не заглажено и не забыто? Кромѣ того, и самыя денежныя пособія, выдаваемыя имъ послѣ вступленія въ бракъ, были такъ незначительны, (15 р. безъ возврата и 15 р. въ ссуду), что на нихъ невозможно было обзавестись хозяйствомъ, т. е пріобрѣсти домъ, скотъ, инструменты, сѣмена для посѣва, домашнюю посуду и т. п. Вслѣдствіе всего этого, рѣдкому изъ ссыльныхъ, поселенныхъ въ деревняхъ государственныхъ кре-

стьянъ, представлялась возможность выбиться изъ нищеты и имѣть впереди надежду на безбѣдное существованіе, на обзаведеніе семьей, домомъ и хозяйствомъ. Теперь большая часть изъ нихъ—пролетаріи въ полномъ значеніи этого слова и, какъ люди, нравственно испорченные, легко увлекаются въ преступленія и проступки, а потомъ, чтобы избѣжать заслуженнаго наказанія, обыкновенно, идутъ бродяжничать.—Но кромѣ поселенцевъ, по большей части, изъ низшихъ сословій, и ичисленныхъ къ деревнямъ старожиловъ, въ Томской губерніи есть еще значительное число лицъ изъ привилегированныхъ сословій, ссылаемыхъ сюда на житье и водворяемыхъ, большею частію, въ городахъ, съ воспрещеніемъ выѣзда съ мѣста водворенія въ теченіи извѣстнаго времени. Будучи неспособны, по прежней жизни, къ какому либо физическому труду, лица эти своею грамотностію и неверхностнымъ, всегда дурно направленнымъ, образованіемъ едвали не вреднѣе самихъ поселенцевъ Очень не многіе изъ нихъ находятъ себѣ занятіе письмоводствомъ у частныхъ лицъ или по найму въ присутственныхъ мѣстахъ; затѣмъ остальные живутъ безъ всякаго занятія и поддерживаютъ свое существованіе различными плутовскими изворотами, сочиненіемъ ябедническихъ прошеній и т. п. Фальшивые паспорты и другіе виды на жительство, находимые у большей части бродягъ, обязаны своимъ происхожденіемъ преимущественно ссыльнымъ изъ привиллегированныхъ сословій. Вообще же должно сказать, что ссыльные обнаруживаютъ на нравственность народа самое неблагопріятное вліяніе и это вліяніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе отношеніе ссыльныхъ къ коренному населенію.

Таковы причины, обусловливающія значительное число преступленій, совершаемыхъ каждогодно въ губерніи.—Онѣ такъ глубоко сокрыты вообще въ недостаточномъ развитіи духовной и экономической жизни народа, что устранить ихъ—пока не предвидится никакой возможности. А между тѣмъ, подъ вліяніемъ этихъ—то причинъ, образовался тотъ непривлекательный характеръ сибиряка-старожила, за который его справедливо укоряютъ.—„Ловко перехитрить недовѣрчиваго или осмотрительнаго и умнаго человѣка, говоритъ г. Щаповъ,—обмануть человѣка довѣрчиваго или простодушнаго, украсть что обронено, забыто или плохо положено, солгать безъ зазрѣнія совѣсти, сочинить ловкую, хитрую и совершено ложную отговорку для оправданія своей очевидной и непростительной несправедливости и безчестности, отнестись къ вопіющему несчастію и страданію ближняго безъ всякаго сострадания и жалости, взять или, по сибирскому выраженію, „выжилить, скоробить,“ свою копѣйку безъ милосердія и пощады съ человѣка бѣднаго и голоднаго, безпощадно эксплуатировать и обременять работой работника или работницу, когда они здоровы, и потомъ безжалостно, безъ копѣйки денегъ, спровадить ихъ съ рукъ въ больницу или на произволъ судьбы, когда они захвораютъ и т. д.,—вотъ такіе нравственные поступки въ большей части сибирскаго общества считаются дѣйствіями нетолько не предосудительными, а даже умными и должными. Сплошь и рядомъ они совершаются нетолько безъ стыда, безъ зазрѣнія совѣсти, но еще съ самохвальствомъ и циничесской усмѣшкой. . . Дураковъ надо учить,—говорятъ сибиряки,—то есть, надо обирать, кто добръ, милосердъ и благотворителенъ; у того надо красть, кто плохо кладетъ деньги или что нибудь цѣнное; того надо обманывать и осмѣивать, кто справедливъ и честенъ и т. п Такую нравственную философію мы часто слышали въ разговорахъ съ сибирскимъ простонародьемъ, и еще чаще наблюдали проявленіе ея въ нравахъ народныхъ. Раздобыться деньгами, нажиться во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами,—вотъ лозунгъ жизни каждаго не только не развитаго, но и часто такъ или иначе образованнаго

сибиряка. И какъ часто, безъ всякаго осужденія, сибиряки разсказываютъ, какъ фактъ самый обыкновенный, что тотъ или другой нажился не добромъ, а кражей или даже убійствомъ, что вотъ такой то въ прошломъ году ходилъ бѣднякомъ, въ лохмотьяхъ, а нынѣ купилъ домъ въ 300 руб., завелъ лошадей и т. п., или вотъ тотъ то назадъ тому нѣсколько лѣтъ продавалъ метлы зимой или разбивалъ обозы съ чаями, а нынѣ купецъ первой гильдіи, имѣетъ большія торговыя дѣла и участвуетъ въ компаніи какого нибудь сибирскаго пароходства, закабаляетъ себѣ по 100 и болѣе рабочихъ и проч. Къ такимъ наживаламъ отьосятся даже большею частію съ уваженіемъ, какъ къ „хорошимъ людямъ.“ Жадность къ деньгамъ не рѣдко затмѣваетъ разсудокъ сибиряковъ до непростительныхъ ошибокъ во вредъ ближнимъ, а иногда и самимъ себѣ... Жадность къ деньгамъ ослѣпляетъ, или подавляетъ и нравственное чувство, и притупляетъ чувствительность совѣсти. Постигло кого нибудь несчастіе, случилась болѣзнь жестокая, чужна помощь посторонняя, нанимаются люди для помощи,—по морали сибиряковъ, надо пользоваться счастливымъ случаемъ, брать деньги съ больнаго безбожно и безчеловѣчно за малѣйшую услугу, вообще, извлечь какъ можно больше корысти изъ крайности ближняго, и, наконецъ, если можно, обобрать, обокрасть у него все, что можно... Понятія о нравственности не опредѣляются у этого лица культомъ, законодательствомъ или какими бы то нибыло отвлеченными принципами; у него создался для нравственности своеобразный масштабъ, основывающійся на ощущеніяхъ удовольствія и страданія, и затѣмъ на экономическихъ потребностяхъ. Не рѣдки случаи, что сибирякъ, встрѣтивъ бродягу въ какой либо лѣсной трущобѣ, не задумывается подстрѣлить его изъ винтовки и обобрать его скудный нажитокъ. „Бродягу все же выгоднѣе убить, чѣмъ бѣлку,“—гласитъ народная поговорка: „съ него всегда возьмешь неменьше рубля, а за бѣличью шкурку даютъ только 15 копѣекъ“... При замѣчательномъ увеличеніи въ Сибири такихъ преступленій, какъ воровство, грабежъ, убійство, проституція, обусловливаемомъ частыми голодами, возрастающей дороговизной и проч,—сибиряки не приходятъ въ негодованіе; напротивъ, они извиняютъ или оправдываютъ ихъ. „Какъ ему не воровать,—говоритъ сибирскій мужикъ: вѣдь онъ, смотри, дохнетъ съ голоду,“ или „откуда ей взять,“—говорятъ о какой нибудь проституткѣ: „вѣдь она сирота, бѣдная.“ [38])

Общій результатъ всего этого тотъ, что „въ Сибири, какъ замѣчаетъ одинъ путешественникъ, [39]) удивляются только тѣмъ преступленіямъ, которыя сдѣланы безъ цѣли;“ что въ нашемъ уголовномъ кодексѣ нѣтъ такихъ преступленій, на которыя здѣшніе крестьяне смотрѣли бы строже, нежели законы, и что, на оборотъ, нѣкоторыя преступленія, какъ, напримѣръ, противуестественныя, наказываемыя по закону весьма строго, здѣсь считаются не болѣе, какъ шалостью, сдѣланною по глупости и не разумію.

При рѣшеніяхъ крестьянскихъ судовъ, между одними и тѣми же преступленіями, совершенными при различныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ времени и мѣста, не полагается ни какого различія. Совершено ли преступленіе днемъ или ночью, со взломомъ или безъ взлома, изъ подъ караула или съ открытаго поля,—за него полагается всегда одно и тоже наказаніе, не принимая въ разсчетъ ни увеличивающихъ, ни уменьшающихъ вину обстоятельствъ.

---

[38]) Отеч. Зап. 1872 г. № 10, 477, 470, 481.
[39]) Мевесъ. Отеч. Зап. т. CXXVIII, 256.

Взглянемъ теперь на нѣкоторыя отдѣльныя преступленія и проступки

1) Убійство, разбой и грабежъ. Въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ, число убійствъ въ Томской губерніи простиралось до 496, разбоевъ до 18 и грабежей до 121. Слѣдовательно, въ годъ приходится по 99 убійствъ, около 3 разбоевъ и 24 грабежей. Изъ числа крестьянъ въ убійствѣ было обвинено 187 человѣкъ и изъ нихъ 29 женщинъ; въ разбоѣ—3 человѣка и въ грабежѣ 24 человѣка. Остальные преступники принадлежали къ лицамъ другихъ сословій.

Главныя причины убійствъ суть: желаніе воспользоваться чужимъ добромъ, месть, азартъ, пьянство и драки Причины разбоевъ и грабежей, само собою разумѣется, всегда желаніе воспользоваться чужимъ добромъ.

2) Самоубійство. Въ теченіи того же времени, число посягнувшихъ на свою жизнь было 104 человѣка, изъ которыхъ 82 м. п. и 22 ж. На каждый годъ приходится по 20 съ небольшимъ самоубійствъ. Самоубійство совершается здѣсь преимущественно посредствомъ повѣшенія; за тѣмъ слѣдуетъ утопленіе; менѣе всего приходится жертвъ зарѣзанія и отравленія. Самоубійствъ отъ огнестрѣльнаго оружія также не много.

Самоубійства происходятъ: отъ чрезмѣрнаго пьянства, крайней бѣдности, несчастной семейной обстановки, мотовства имущества и страха наказанія за какое нибудь преступленіе.

Что касается до самоубійства по религіознымъ убѣжденіямъ, то послѣдній, сколько извѣстно, случай подобнаго рода въ Томской губерніи, именно самосожженіе 172 человѣкъ раскольниковъ близъ Чаусскаго острога, относится къ 1756 году.—Выше мы уже упомянули объ этомъ случаѣ. Здѣсь считается не лишнимъ привести вполнѣ послѣдовавшій объ этомъ указъ Правительствующаго Сената Сибирской Губернской Канцеляріи отъ 13 Ноября 1756 года.

„По Указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, по рапорту Сибирской Губернской Канцеляріи, коимъ та Канцелярія, по рапортамъ же Томской Воеводской Канцеляріи и города Томска воеводы поручика Бушнева, объявляла о собравшихся Чаусскаго острога разныхъ деревень въ деревню Мальцеву къ сожженію обывателяхъ, и что для увѣщанія ихъ отъ того сгорѣнія, по посланнымъ изъ Сибирской Губернской Канцеляріи указамъ, въ ту деревню посланы были города Томска воевода поручикъ Бушневъ и Чаусскаго острогу управитель Копьевъ съ командою, и по прибытіи ихъ, въ томъ сборищѣ найдено девять избъ и вокругъ оныхъ саженъ въ три полисадникъ съ немалымъ укрѣпленіемъ, и хотя де оныя ими отъ того сожженія увѣщеваемы были, только не послушали и говорили, любы они за вѣру Христову и крестъ двоеперстнаго сложенія страдать собрались, и оттого ни для чего обратиться не желаютъ, и потомъ въ томъ строеніи зажглись и сгорѣли всѣ мужеска и женска полу 172 человѣка, да сверхъ того извѣстные злоучители Семенъ Шадринъ, тарскаго бывшаго казачьяго головы сынъ Федоръ Нѣмчиновъ и съ ними еще не знаемъ откуда злоучитель же—сгорѣли, а только изъ нихъ одинъ крестьянинъ Иванъ Кубышевъ вылѣзъ чрезъ заборъ, коего живаго едва снять могли, ибо во многихъ мѣстахъ обгорѣлъ и нынѣ, весьма распухнувши, находится болѣнъ, зачѣмъ еще не допрашиванъ, а какъ скоро хотя мало имѣть будетъ свободу, то какъ имъ,

такъ и другимъ, кто къ сему касаться будетъ въ Чаусскомъ острогѣ, не забирая оныхъ въ Томскъ, въ разсужденіи не близкаго разстоянія и дабы въ тогдашнюю рабочую пору потребныхъ къ тому людей отъ домовъ ихъ не отлучать и не подать причины какъ безразсуднымъ и простымъ людямъ, къ таковомужъ заблужденію, изслѣдовать непродолжительно онъ, Бушневъ, долженъ, и понеже де оная деревня Мальцева, въ которой тѣ собравшіеся раскольники сгорѣли, лежитъ на одномъ чистомъ со всѣхъ сторонъ мѣстѣ, между великими топьми и болотами и озерами, которое мѣсто къ таковому ихъ злому сборищу весьма способно, и дабы на ономъ мѣстѣ впредь къ житью ни какого строенія не осталось, того ради приказалъ онъ, Бушневъ, все, тамъ оставлено, строеніе разломать и въ другія деревни перевезть; и по опредѣленію де оной канцеляріи, посланнымъ къ Томскому воеводѣ поручику Бушневу указомъ, велѣно объ опомъ душепагубномъ сборищѣ и о наставникахъ ихъ изслѣдовать безъ всякаго упущенія, послѣ тѣхъ сгорѣвшихъ пожитки и скотъ, оцѣня, съ публичнаго торга продать, а хлѣбъ отправить на довольствіе военныхъ командъ на линіи, а деньги вычесть изъ провіантской суммы и съ прочими содержать для отсылки въ раскольническую контору подъ храненіе Приказали: въ Сибирскую Губернскую Канцелярію пославъ указъ, велѣть о вышеозначенныхъ сгорѣвшихъ людяхъ оставшимъ отъ того сгорѣнія крестьянином Иваномъ Кубышевымъ, ежели отъ болѣзни освободился, кѣмъ тѣ сгорѣвшіе жители и кто именно и откуда и сколько всѣхъ ихъ къ тому суевѣрному сожженію прельщено и сожглось и неосталось ли изъ нихъ бывшихъ въ томъ же прельщеніи живыхъ, то и тѣмъ, а особливо пущимъ къ тому предводителями и злоучителями, какъ возможно сыскать всѣхъ, такожъ и тѣми, чьимъ несмотрѣніемъ и послабленіемъ оные раскольники до такого сборища и до строенія избъ со укрѣпленіемъ и въ самомъ способномъ къ тому предпріятому или злому намѣренію мѣстѣ были допущены, то и ими на крѣпко изслѣдовать и ежели по слѣдствію въ томъ кто виновны окажутся, съ тѣми учинить по указамъ, безъ всякаго упущенія, и что по слѣдствію явится и учинено будетъ, для вѣдома въ Сенатѣ репортовать, ежели изъ тѣхъ людей, кои къ тому злому дѣлу были первые зачинщики по слѣдствію подлежать будутъ натуральной или политической смерти, о такихъ учинить какъ посланные о томъ изъ Сената указы повелѣваютъ, а впредь той Сибирской канцеляріи какъ самой смотрѣть, такъ и на крѣпко той губерніи въ городы и остроги и дистрикты воеводамъ и прочимъ управителямъ подтвердить, чтобъ они изъ жителей тѣхъ мѣстъ до такихъ душепагубнаго сожженія и раскольническихъ строеній дѣлать отнюдь ни кого не допускали, подъ опасеніемъ немалаго штрафа, и буде нынѣ гдѣ вновь такія же раскольническія строенія сдѣланы, оныя всѣ разорить.»

3) *Дѣтоубійство и изгнаніе плода.* Въ старинной Сибири эти преступленія были весьма часты, и причину ихъ Тобольскій Митрополитъ Филофей приписываетъ сильному разврату ссыльныхъ женщинъ. Епископъ Иркутскій Иннокентій Неруновичъ говоритъ, что убитыхъ и вытравленныхъ младенцевъ матери хоронили, обыкновенно, въ ямахъ отхожихъ мѣстъ. Въ теченіи двадцати пяти лѣтняго періода времени (съ 1836 по 1862 г.,) судебными мѣстами Томской губерніи было разсмотрено 79 случаевъ дѣтоубійства, а въ послѣднее пятилѣтіе 20 случаевъ; слѣдовательно, по 30 лѣтней сложности, приходится по 3 дѣтоубійства въ годъ. Должно замѣтить, что дѣтоубійство бываетъ не всегда изъ желанія матери скрыть стыдъ незаконнаго сожитія съ мужчиной; напротивъ, къ нему прибѣгаютъ иногда, съ горя и отчаянія, матери дѣтей, прижитыхъ законно, чтобы ихъ сослали на каторгу отъ жестокихъ и нелюбимыхъ мужей. Намъ извѣстенъ одинъ случай, что мать, по-

ссорясь съ мужемъ, ударила его бывшимъ у нея на рукахъ полугодовымъ ребенкомъ и убила послѣдняго.—При незаконномъ сожительствѣ, дѣтоубійство совершается, большею частію, посредствомъ удушенія. Были случаи, что новорожденныхъ бросали на съѣденіе свиньямъ, собакамъ, въ пруды и т. д. Такъ, въ 1854 г. дочь осѣдлаго инородца, Кузнецкаго округа, Степана Табакаева, Марфа, «выдавивъ у себя ребенка,» какъ сказано въ дѣлѣ, стравила его въ стайкѣ собаками.—Не смотря на то, что здѣсь дѣвушкѣ не ставится въ особенную вину, если она родитъ одного или двухъ дѣтей и что многіе даже охотно женятся на такихъ, какъ показавшихъ на дѣлѣ способныхъ къ дѣторожденію,—случаи изгнанія плода, однакожъ, весьма не рѣдки. Въ 1836—1861 годахъ судебными мѣстами было разсмотрѣно 103 такихъ случая; слѣдовательно, въ годъ причитается по 4 случая; но къ этому необходимо прибавить еще 386 случаевъ мертворожденія младенцевъ дѣвками и вдовами,—случаевъ, въ которыхъ онѣ были оподозрѣны въ томъ, что смерть младенцевъ послѣдовала отъ принятія какихъ либо сильно дѣйствующихъ средствъ. Средства эти довольно хорошо извѣстны многимъ деревенскимъ знахаркамъ и суть или суевѣрныя или дѣйствительныя. Въ числѣ первыхъ главнѣйшую роль играетъ такъ называемая, несуществующая въ природѣ, *разрывъ трава*. Знахарки утверждаютъ, что найти эту траву чрезвычайно трудно Корень ея, въ отдѣльныхъ его побѣгахъ, представляетъ, будтобы, вполнѣ человѣческій образъ, то есть, если собрать всѣ отрывки корня и сложить, то составится подобіе человѣческаго тѣла въ маленькомъ видѣ. Если беременная женщина будетъ пить настой разрывъ—травы, то плодъ въ утробѣ ея разорвется на части и изойдетъ посредствомъ кровей. Но такъ какъ разрывъ травы не существуетъ, то, подъ названіемъ, ея знахарки даютъ, въ потребныхъ случаяхъ, земляничный корень, луковыя перья, цвѣточки ржи, крутой щелокъ, сѣру и порохъ, которые дѣйствуютъ, говорятъ, съ постояннымъ успѣхомъ, открывая весьма сильные регулы. Народъ неодабриваетъ изгнанія плода, однакожъ и не считаетъ его тяжкимъ преступленіемъ.

Въ 1811 г. кто то представилъ Сибирскому Генералъ-Губернатору Пестелю слѣдующій «проэкъ о предохраненіи въ селахъ блудно-прижитыхъ младенцевъ отъ истребленія матерями.»

«Покойная Государыня Императрица Екатерина Великая, уваживъ причины, изъясненныя въ представленіи Генералъ-Поручика Бецкаго, о гибельной участи подкидышей и о безчеловѣчномъ умертвленіи матерьми незаконнорожденныхъ дѣтей, въ 1763 г. Высочайше утвердила въ Москвѣ воспитательный домъ, снабдя его такими правилами, дабы всѣ таковые несчастнорожденные младенцы приносимы были для воспитанія въ оный, не опасаясь открытія или розысканія, кѣмъ оные рождены или принесены. Время показало, сколь сіе заведеніе для рода человѣческаго спасительно и какъ много полезно.

«По изданіи Высочайшихъ о управленіи губерній учрежденій, Приказы Общественаго Призрѣнія, руководствуясь начертанными для нихъ правилами, устроили во всѣхъ губернскихъ городахъ, на таковомъ же основаніи, особые домы, гдѣ также несчастно—рожденные младенцы принимаются и воспитываются до немалаго количества. Въ одинхъ селахъ и деревняхъ сіи воспитательныя средства еще не существуютъ, и блудно прижитыя дѣти гибнутъ по прежнему.

«А что сіе справедливо, то стоитъ только посмотрѣть въ Сибири на

уголовныя дѣла. Й вотъ тому доказательство: Томская губернія открыта назадъ тому не болѣе шести лѣтъ (въ 1804 г.), но уже около полусотни было въ уголовномъ судѣ на ревизіи дѣлъ о незаконнорожденныхъ дѣвками младенцахъ, изъ коихъ нѣкоторые умышленно, по рожденію, умертвлены матерьми, а другіе показаны мертворождившимися отъ нечаянныхъ будто въ утробѣ поврежденій; однако, судя потому, что рожденіе оныхъ всегда бываетъ скрытымъ, даже и отъ домашнихъ, образомъ и схороненія тайкомъ не на кладбищѣ,—едвали и сіи не получили насильственную смерть. Если же таковое число въ толь короткое время было гласныхъ, то сколько должно ихъ погибнуть или истребиться въ беременности. Да и не мудрено, когда въ Сибири, а особенно по заводскому вѣдомству, многія дѣвки отдаются за мужъ 25 и 30 лѣтъ, а въ блудодѣяніи обличаются и ниже 16-ти лѣтняго возраста.

«Таковое ощутительное истребленіе блудно-прижитыхъ дѣвками и вдовами младенцевъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ вниманіе правительства. А какъ понудительною къ тому причиною бываетъ не одинъ ихъ стыдъ, но и боязнь волоченія по судамъ и наказаніе, сопряженное съ церковнымъ покаяніемъ, продолжающимся не малое время, къ тому же воспитаніе оныхъ при себѣ подвергаетъ ихъ всегдашнему семейному упреку и укоризнѣ, то и необходимо, къ отвращенію таковаго зла, распространить нѣкоторымъ образомъ правила воспитательнаго дома и на самыя селенія, въ коихъ хотя построить воспитательныхъ домовъ, по многимъ причинамъ, и не можно, да и суммы на оное и содержаніе потребовалось бы много, но замѣнить сіе, кажется, будетъ достаточно такимъ образомъ:

« 1) Въ большихъ селахъ и деревняхъ избрать и назначить къ тому вдовьи домы или кельи, въ коихъ обыкновенно живутъ одни пожилыя женщины, только бы были онѣ не зазорнаго поведенія.

« 2) Во оныхъ домахъ принимались бы всѣ незаконно-рожденные младенцы, на основаніи генеральнаго плана о воспитательномъ домѣ 2-й главы 1-го пункта, безъ распросовъ—кѣмъ оные рождены или принесены, ежели у приносителя лицо будетъ закрыто.

« 3) Буде изъ беременныхъ дѣвокъ которая придетъ и родитъ въ таковой домъ, то не только бы ей въ томъ не возбранять, но чтобы хозяйка дому, подъ страхомъ на тѣлѣ наказанія, ни кому объ ономъ не сказывала и подавала бы ей нужное пособіе; а потомъ о рожденномъ или во время ночи подкинутомъ младенцѣ по утру въ селѣ давали бы тѣ вдовы знать священнику, а въ деревнѣ сельскому старшинѣ, не объявляя, кѣмъ оный рожденъ или подкинутъ; а сіи отдавали бы таковыхъ младенцевъ на воспитаніе желающимъ съ запискою; до того же поручали бы попеченіе объ нихъ имѣть тѣмъ вдовамъ, доставляя имъ съ своей стороны къ пропитанію ихъ все возможное пособіе чрезъ доброхотныя подаянія жителей тѣхъ селеній.

« 4) Священники должны крестить таковыхъ младенцевъ по полученіи объ нихъ свѣдѣнія, не требуя ни съ кого и ни сколько платы.

« 5) Послѣ хотя и открылось бы почему либо кѣмъ принесенный младенецъ былъ рожденъ, но родившая онаго и доставившая въ таковой домъ младенца живаго, не отсылалась бы уже къ суду, а подвергалась бы тому одной рождающія мертвыхъ младенцевъ и въ особенности тайкомъ.

« 6) Чтобы всѣ таковые домы отъ постоевъ и тому подобныхъ сельскихъ повинностей были освобождены и отъ наглостей предохранены.

« 7) Всѣ оные незаконно-рожденные причислялись бы къ тѣмъ семействамъ, въ коихъ будутъ воспитываться, и поступали въ то же званіе, въ коемъ ихъ воспитатели состоятъ, исключая разночинцевъ, у которыхъ находящіеся на воспитаніи, по достиженіи совершеннаго возраста, считались бы государственными крестьянами.

«Таковое или сему подобное учрежденіе ежели со всѣмъ не прекратитъ дѣтоубійства, то, навѣрно, многихъ уже младенцевъ спасетъ отъ смерти, чему неоспоримымъ служитъ доказательствомъ число таковыхъ по городамъ въ воспитательныхъ домахъ.»

Генералъ Губернаторъ, при предложеніи отъ 26 Декабря 1811 г. за № 2315, препроводилъ этотъ проэктъ къ Томскому Губернатору Марченку, прося его сообщить по немъ свои соображенія. Губернаторъ, отъ 21 Марта 1812 г. № 1217, донесъ слѣдующее:

«Кто не согласится въ пользѣ отъ сбереженія жизни сихъ несчастныхъ (т. е. незаконнорожденныхъ)? Но кто и не можетъ предвидѣть всѣхъ трудностей въ исполненіи таковаго намѣренія? Не Сибирь одна, а цѣлая Имперія требуетъ особаго на сей предметъ установленія, которое безъ издержекъ казны ни какъ существовать не можетъ. Какого подаянія ожидать въ деревняхъ, когда и въ самомъ губернскомъ городѣ оно во все незначуще? Кусокъ хлѣба не достаточенъ для младенца грудного; ему надобна другая пища, одежда какая бы ни была и присмотръ, котораго даромъ ни кто на себя не приметъ.

«Пятый пунктъ проэкта есть, по моему мнѣнію, важнѣйшій. Ежели онъ можетъ быть допущенъ, то и не нужно ни какое заведеніе домовъ, ибо тогда, не опасаясь закона, ни кто не станетъ скрывать незаконнорожденнаго младенца.

«Говоря о законѣ и нравственности, конечно, согласиться должно, что стыдъ женщины, родившей блудноприжитаго младенца, есть всегдашній ея укоръ. Но церковное покаяніе едвали есть мѣра исправленія. Человѣкъ, преданный на нѣсколько лѣтъ покаянію сельскаго священника, въ разлукѣ отъ семьи и отъ дому, болѣе можетъ ожесточаться на судьбу свою, нежели разсуждать о прощеніи грѣха, послику, по минованіи срока покаянія, онъ съ тѣмъ же стыдомъ долженъ возвратиться въ свое общество и стыдъ сей усугубится наказаніемъ, ему учиненнымъ. Мнѣ кажется, что собственно въ трехъ сибирскихъ губерніяхъ (Тобольской, Томской и Иркутской) полезнѣе бы было замѣнить судъ и церковное покаяніе выдачею таковыхъ женщинъ въ замужество за посельщиковъ. Безспорно, что средство сіе, будучи отнесено къ наказанію же, не умалитъ укрывательства незаконнорожденныхъ, но принесетъ болѣе пользы, нежели покаяніе: меньше будетъ дѣлъ въ судахъ и посельщики, бывъ обженены, улучшатъ свое хозяйство, чего, при всемъ стараніи мѣстнаго начальства, сдѣлать нынѣ нельзя, по малой присылкѣ въ Сибирь преступницъ и по нерасположенію старожиловъ отдавать дочерей своихъ за посельщиковъ. [40])

[40]) Дѣло Том. губ. архива № 2007.

Генералъ-Губернаторъ не отвѣчалъ ни чего, и тѣмъ это дѣло окончилось.

4) *Преступленія противъ общественной нравственности.* Сюда относятся: изнасилованіе, растлѣніе, снохачество, пороки противоестественные, сводничество, развратъ, какъ ремесло, и пьянство.

Въ теченіи двадцати пяти лѣтія (1836—1861), судебными мѣстами было разсмотрѣно 50 случаевъ изнасилованія, но это были, большею частію, такіе случаи, въ которыхъ насилованіе женщинъ совершено мужчинами съ помощію своихъ товарищей. Подобный случай былъ въ Мартѣ м. 1851 г. въ дер Елунпной, Барнаульскаго округа. Крестьянская жена Авдотья Кузнецова пошла вечеромъ къ сосѣдкѣ за шерстью, какъ вдругъ изъ за угла одной нежилой избы выскочили два брата Данила и Емельянъ Пятковы и съ словами: «тебя-то намъ и надо,» сбили ее съ ногъ, послѣ чего Емельянъ сдѣлалъ надъ ней насильство, а Данило держалъ Авдотью, угрожая, если она закричитъ, замазать ей каломъ ротъ. На другой день на мірской сходкѣ, обидчики были наказаны розгами и обиженная была уже готова простить ихъ за 25 р. ас., какъ насмѣшка съ ихъ стороны, что „этакъ она скоро разбогатѣетъ,"—испортила все дѣло и повлекла за собою формальное слѣдствіе.—Въ Іюнѣ м. 1868 г. въ с. Карасевѣ, Барнаульскаго округа, крестьяне Ефимъ Бороздинъ и Григорій Юргановъ, во время крестнаго хода съ иконами по полями и деревнямъ, схватили крестьянку Феклу Мартюшеву,шедшую домой въ числѣ нѣсколькихъ подругъ, утащили въ лѣсъ, избили, изорвали на ней платье, и здѣсь Бороздинъ, съ помощью Юрганова, изнасиловалъ ее. Хотя Фекла, защищаясь, укусила Бороздину плечо и, такимъ образомъ, оставила довольно сильное доказательство сдѣланнаго надъ ней насилія, однако же волостной судъ нашелъ, что преступленіе Бороздина и Юрганова недоказано; но какъ они давно уже извѣстны буйствомъ, то приговорилъ ихъ къ наказанію розгами.—Вообще насилованіе замужнихъ женщинъ, вдовъ и взрослыхъ дѣвокъ здѣсь довольно часто и преслѣдуется слабо. Если подобнаго рода дѣла доходятъ до крестьянскаго суда, то, по неимѣнію доказательствъ, виновные почти всегда остаются безъ наказанія.—Часто обиженная и обидчикъ мирятся, и послѣдній платитъ за безчестіе обиженной отъ 3 до 5 рублей.—Въ Іюнѣ 1842 г. крестьянки д. Омутской, Барнаульскаго округа, Дарья (старуха) и сноха ея Авдотья Шелеповы ѣхали въ гости въ сосѣднюю деревню. Вдругъ изъ лѣсу выскочилъ незнакомый имъ человѣкъ, остановилъ лошадей, отвелъ обѣихъ женщинъ въ лѣсъ и, напугавъ ихъ, что убьетъ, если онѣ не согласятся исполнить его желаніе, изнасиловалъ ихъ одну за другою. Послѣ оказалось, что этотъ неизвѣстный человѣкъ былъ крестьянинъ д. Кислухи Сергѣй Шибкихъ, который сознался во всемъ и объяснилъ, что онъ былъ въ это время пьянъ и хотѣлъ только напугать бабъ; но какъ онѣ исполнили его приказаніе безъ дальнѣйшихъ отговоровъ, то онъ почти и не считаетъ себя виновнымъ. На общественной сходкѣ дѣло шло уже о мировой, какъ одно обстоятельство воспрепятствовало этому и повлекло за собою для крестьянина Шибкихъ уголовное наказаніе.—Въ Декабрѣ м. 1863 г., крестьянинъ д. Верхъ-Тулинской, Томскаго округа, Тимофѣй Плотниковъ принесъ жалобу волостному суду на изнасилованіе дочери своей Василисы крестьяниномъ Сухаревымъ. Но когда обвиняемый вытребованъ былъ къ отвѣту, то Плотниковъ и дочь его простили Сухарева, а потому судъ рѣшилъ дѣло это кончить.—Въ Сентябрѣ м. 1868 г., крестьянинъ д. Тяжинскихъ—Вершинъ, Маріинскаго округа, Парахинъ и жена его Татьяна принесли волостной расправѣ жалобу на изнаси

лованіе дочери ихъ Александры польскимъ переселенцемъ Лясковскимъ и незаконное сожительство съ нею; но въ Декабрѣ м. того же года они заявили, что претензію свою по этому дѣлу прекращаютъ и возникшую объ этомъ переписку просятъ прекратить и предать забвенію.—Намѣреніе изнасиловать, хотя бы оно не было приведено въ исполненіе по причинамъ, независѣвшимъ отъ мужчины, влечетъ за собою почти всегда только плату за безчестіе.—Въ 1871 г. за намѣреніе изнасиловать крестьянку Борковскую крестьяниномъ Прокудинымъ въ полѣ, гдѣ она брала ленъ, Ильинскій волостной судъ, Кузнецкаго округа, не смотря на сознаніе виновнаго, присудилъ его только къ уплатѣ Борковской за безчестье 3-х рублей.—Въ Августѣ м. 1867 г. въ Алейскій волостной судъ, Бійскаго округа, представленъ былъ крестьянинъ д. Оловянниковой Мартюшевъ, обвинявшійся въ покушеніи изнасиловать крестьянскую дѣвку Устинью Отрепову, отъ чего удержанъ былъ крестьяниномъ Вольныхъ, пришедшимъ на ея крикъ. Кромѣ этого свидѣтеля, изорваная на Устиньѣ рубашка также свидѣтельствовала о происходившей борьбѣ. Впрочемъ, виновный и самъ сознался въ своемъ покушеніи. По этому волостной судъ приговорилъ: съ Мартюшева взыскать въ пользу Отреповой за изорванную рубашку 2 р. и, кромѣ того, „за допущеніе себя къ насилію дѣвицы Отреповой,“ подвергнуть его аресту на 4 сутокъ.—Въ Мартѣ м. 1869 г. крестьянская дочь д. Верхне-Убинской, Бійскаго округа, Ирина Архипова, „бывъ въ подгулкѣ,“ т. е. выпивши, зашла въ домъ крестьянина Гуслякова, гдѣ сынъ его Григорій, съ помощью своихъ двоюродныхъ братьевъ, затащилъ ее въ другую комнату, завязалъ дверь и хотѣлъ было изнасиловать Ирину, но она какъ-то вырвалась и убѣжала. Вытребованные на Владимірской волостной судъ, виновные сдѣлали сознаніе, по чему и были приговорены къ уплатѣ за безчестьѣ Архиповой по 10 р. и, кромѣ того, къ штрафу по 3 рубля.

Въ теченіи того же двадцати пяти лѣтняго періода времени, число случаевъ насильственнаго растлѣнія, разсмотрѣнныхъ судебными мѣстами, простиралось до 155, такъ что на каждый годъ приходится по 5 случаевъ. Изъ 155 случаевъ—одинъ относится къ растлѣнію дѣдомъ внучки, семь къ растлѣнію отцами несовершенно-лѣтнихъ дочерей (одинъ отецъ растлилъ 14 лѣтнюю дочь, а три 9 лѣтнихъ),—три вотчимами падчерицъ, три дядями племянницъ, два—двоюродными братьями сестеръ (одинъ братъ растлилъ 6-ти лѣтнюю сестру) и три малолѣтними малолѣтнихъ (14 лѣтній мальчикъ 3 и 4 лѣтнихъ дѣвочекъ и 11 лѣтній 4 лѣтнюю). Въ Мартѣ м. 1845 г. 70-ти лѣтній крестьянинъ д. Верхне-Манцкой, Канскаго округа, Антонъ Пономаревъ, напившись пьянъ, растрилъ 9-ти лѣтнюю внучку свою, дѣвочку Авдотью Пономареву.—Въ Январѣ м. 1863 г. отставной мастеровой Пономаревъ же растлилъ въ Барнаулѣ солдатскую дочь Аграфену Жаркову, недостигшую еще 2-х лѣтъ.—Замѣчательно, что между нѣкоторыми инородцами растлѣніе взрослой дѣвушки влечетъ иногда за собою самоубійство оскорбленной. Такъ въ 1853 г. инородческая дочь Кузнецкаго округа Настасья Тохтамакова удавилась отъ стыда, что ее насильно растлилъ инородецъ Анчикъ Ичѣевъ. Вообще должно сказать, что хотя въ большинствѣ случаевъ растлѣніе влечетъ за собою уголовное наказаніе по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, но множество фактовъ, относящихся къ этому преступленію, не доходятъ до суда или вслѣдствіе мировой съ обиженною и ея родственниками, или вслѣдствіе обѣщанія обидѣвшаго жениться,—что очень часто не исполняется.

Снохачествомъ, какъ извѣстно, называется незаконное сожительство стараго отца семейства съ молодыми женами своихъ сыновей. Во многихъ мѣ

стахъ внутреннихъ губерній порокъ этотъ весьма распространенъ и названіе кого либо „снохачемъ“ равносильно тамъ самой тяжкой обидѣ. Въ Томской губерніи, снохачество, сравнительно съ другими преступленіями противъ общественной нравственности, довольно рѣдко или, можетъ быть, скрывается такъ искусно, что о немъ мало слышно. Въ теченіи времени съ 1836 по 1861 годъ, судебныя мѣста разсматривали только 7 случаевъ снохачества, соединеннаго, впрочемъ, съ насиліемъ. Вотъ одинъ изъ этихъ случаевъ; онъ можетъ служить образчикомъ всѣхъ остальныхъ.—Лѣтомъ 1841 г. крестьянинъ д. Бѣлокурихи, Бійскаго округа, Абрамъ Шипуновъ отправился довольно далеко отъ дома для отправленія дорожной повинности. Когда онъ возвратился, то жена его Агафья, остававшаяся въ домѣ отца и матери Абрама, объявила мужу, что, въ его отсутствіе, отецъ его Игнатій Шипуновъ, находясь съ ней на полевой работѣ, изнасиловалъ ее и послѣ того нѣсколько разъ заставлялъ ее исполнять его желанія.—Полагая, что Агафья клевещетъ на отца по злобѣ за какое нибудь взысканіе съ его стороны, Абрамъ на первый разъ не повѣрилъ женѣ, но сталъ замѣчать за нею. Въ Декабрѣ м., когда она была одна въ домѣ, Абрамъ давалъ во дворѣ лошадямъ овесъ и замѣтилъ, что въ избу вошелъ отецъ. Вскорѣ за тѣмъ, въ избѣ послышался крупный разговоръ. Абрамъ подкрался къ окошку и увидѣлъ, что отецъ его старается овладѣть Агафьей. Онъ хотѣлъ уже броситься къ ней на помощь, какъ вышедшая изъ бани мать его Мавра оттолкнула сына отъ дверей, запретила ему входить въ избу и сама вошла въ нее. Чрезъ нѣсколько минутъ, вошелъ туда Абрамъ и „съ досады три раза ударилъ жену,“ а потомъ пошелъ и объявилъ обовсемъ сельскому старшинѣ, прося его сдѣлать распоряженіе объ отдѣлѣ его отъ отца, чтобы не произошло чего нибудь худаго. Собралось общество, которому Абрамъ и жена его показали тоже самое, что сказано выше. Сельскій староста донесъ обо всемъ по начальству и началось формальное слѣдствіе. Игнатій Шипуновъ, конечно, отперся отъ всего и объяснилъ, что сынъ и сноха взвели на него подобную клевету потому, что имъ хочется отдѣлиться отъ него и жить особымъ домомъ. Мать Абрама Мавра показала, что дѣйствительно, въ Декабрѣ м., когда однажды она шла изъ бани, сынъ говорилъ ей, что отецъ его Игнатій хотѣлъ изнасиловать его жену; но она, Мавра, войдя въ избу, подозрительнаго ни чего незамѣтила, да и ни когда не замѣчала за мужемъ ни чего подобнаго. Спрошенные на повальномъ обыскѣ 20 человѣкъ крестьянъ д. Бѣлокурихи одобрили поведеніе какъ Игнатія и Мавры, такъ Абрама и Агафьи Шипуновыхъ, но имѣлъ ли Игнатій какую либо связь съ Агафьей—отозвались незнаніемъ. Окружный и Губернскій Суды рѣшили это дѣло тѣмъ, что крестьянина Игнатья Шипунова освободили отъ всякой отвѣтственности, а Абрама и жену его Агафью за ложный извѣтъ, который они доказать ни чѣмъ не могли, присудили наказать при волостномъ правленіи розгами перваго 60, а вторую 40 ударами и, выдержавъ ихъ подъ карауломъ при волости на хлѣбѣ и водѣ, „внушить имъ строжайше, чтобы они на будущее время подобныхъ извѣтовъ дѣлать не отваживались, подъ опасеніемъ вящаго по законамъ наказанія.“—Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ и расправъ намъ удалось встрѣтить только два случая, относящихся къ снохачеству.—Въ Августѣ м. 1864 г. крестьянинъ Медынинъ и сноха его Степанида, порядочно выпивши въ гостяхъ въ с. Подонинскомъ, возвращались домой въ д. Глубокову. Не далеко отъ дороги, они увидѣли довольно удобное мѣсто и прилегли отдохнуть. Случилось, что, вслѣдъ за тѣмъ, по дорогѣ проходилъ братъ Степаниды, крестьянинъ Москалевъ. Будучи вполнѣ убѣжденъ, что засталъ Медынина и сестру свою въ снохачествѣ, Москалевъ отколотилъ ихъ какъ нельзя лучше. Когда Медынинъ принесъ на это жалобу Верхо-Томскому волостному суду, то судъ нашелъ ихъ

„всѣхъ троихъ виновными въ равной степени;“ а потому положилъ: „всѣмъ проститься и болѣе иску неимѣть въ нанесеніи побоевъ.“ Другой случай былъ въ Мартѣ м. 1873 г. въ селѣ Нелюбинскомъ. Крестьянинъ Шумиловъ принесъ волостной расправѣ жалобу на то, что одно-деревенецъ его крестьянинъ Рогозинъ сдѣлалъ ему оскорбленіе „несносными словами“ (назвалъ снохачомъ) и угрожалъ избить его и выбить окна въ домѣ, принадлежащемъ Шумилову,“ въ которомъ проживаетъ сноха его, вдова Наталья Романова.“ По удостовѣренію оказалось, что жалоба Шипунова справедлива, а потому Нелюбинская волостная расправа присудила: крестьянина Рогозина за обиды и угрозы Шумилову наказать розгами 10-ю ударами, съ предупрежденіемъ, чтобы онъ впередъ подобныхъ поступковъ себѣ недозволялъ.—Очевидно, что расправа присудила Рогозина къ довольно значительному наказанію потому, что слово „снохачъ,“ которымъ онъ обругалъ Шумилова, относится къ числу самыхъ оскорбительныхъ, «несносныхъ.»—Впрочемъ, вотъ еще случай подобнаго рода. Въ Іюлѣ м. 1868 г. крестьянинъ Алтайской волости, Бійскаго округа, Гераскимовъ, принесъ Губернатору жалобу на то, что жена его, крестьянка Уксупайской волости, Кузнецкаго округа, Дарья, по первому мужу Полусухина, находится въ прелюбодѣйной связи съ отцомъ перваго своего мужа и имѣла намѣреніе отравить Гераскимова какою то травой, настой которой давала ему пить, отчего онъ чуствуетъ болѣзнь. По удостовѣренію, просьба эта оказалась несправедливою.

Пороки противоестественные не рѣдки. Случаевъ скотоложства, доходившихъ до разсмотрѣнія суда, въ теченіи 25 лѣтъ, было 111; слѣдовательно, приходится въ годъ по 4 слишкомъ. Судя потому, что названіе «кобылятникъ» считается здѣсь одною изъ самыхъ оскорбительныхъ браней, можно бы было полагать, что въ скотоложствѣ лошадь играетъ самую главную роль; однакожъ, въ дѣлахъ почти постоянно идетъ рѣчь о коровѣ. Такъ какъ скотоложство, обыкновенно, совершается людьми глуповатыми или изъ суевѣрія, какъ единственное средство противъ сильной и продолжительной лихорадки, то оно возбуждаетъ чаще всего насмѣшки или сожалѣніе, а не преслѣдованіе, если животное принадлежитъ тому, кто имѣлъ съ нимъ совокупленіе; въ противномъ случаѣ, хозяинъ подобнаго животнаго начинаетъ роптать, требуетъ деньги съ воспользовавшагося чужою собственностью, и, такимъ образомъ, обыкновенно, возникаетъ уголовное дѣло.—Случаевъ мужеложства въ 25 лѣтъ было только 4; изъ нихъ въ 3-хъ замѣшаны были малолѣтніе. Вообще послѣдній порокъ здѣсь почти неизвѣстенъ. Назвать кого нибудь «мужеложникомъ,» значитъ жестоко обидѣть. Въ Февралѣ м. 1869 г. крестьянинъ Боровлянской волости, Барнаульскаго округа, Михей Щукинъ назвалъ такъ крестьянина Матвея Усольцева и хотя объяснялъ, что это была съ его стороны шутка, но волостной судъ присудилъ взыскать съ него за безчестье въ пользу обиженнаго 3 р. и, сверхъ того, наказать его розгами 15 ударами.

Сводничество и допущеніе непотребства въ своихъ домахъ распространены въ значительной степени и практикуются, обыкновенно, лицами почтенныхъ лѣтъ. Въ Маѣ м 1868 г. въ Кривощековскій волостной судъ, Томскаго округа, представленъ былъ однимъ сельскимъ старостою, для наложенія должной мѣры взысканія, крестьянинъ Бердышевъ, 65 лѣтъ, и проживавшая у него дѣвка Зырянова, 56 лѣтъ, за то, что у нихъ въ домѣ постоянно бываетъ притонъ разврата, пьянство и драки. Справедливость такого отзыва старосты подтвердило все сельское общество; а потому судъ опредѣлилъ: Бердышева подвергнуть аресту на 6 сутокъ, а Зырянову оштрафовать 3 руб. Чаще всего, виновные въ сводничествѣ и допущеніи непотреб-

ства въ своихъ домахъ присуждаются къ общественнымъ работамъ. Не рѣдко въ сводничествѣ принимаютъ участіе самые близкіе родственники. Въ Мартѣ м. 1868 г. Кривощековской волостной старшина передалъ въ волостной судъ отставнаго мастероваго Шмакова, жену его Христину, сына Зиновья и зятя крестьянина Ощепкова, первыхъ двухъ за «дозволеніе женатому сыну своему, Зиновью, имѣть прелюбодѣйную связь съ солдаткой Шмаковой, а послѣдняго за допущеніе въ своемъ домѣ любовныхъ свиданій между Зиновіемъ и солдаткою Шмаковой. Принимая во вниманіе, что, вслѣдствіе подобной незаконной связи, жена Зиновія терпитъ постоянныя притѣсненія отъ мужа, а свекоръ и свекровь не только не защищаютъ ее, но и сами еще помогаютъ ему притѣснять ее,—волостной судъ приговорилъ: отца и мать Шмаковыхъ выдержать подъ арестомъ 7 сутокъ, сына Зиновья наказать розгами 20 ударами, солдатку Шмакову арестовать также на 7 сутокъ, а Ощепкова оштрафовать 1 рублемъ.—Мать, которая сводничаетъ свою дочь, (а это случается здѣсь не рѣдко) подвергается за это наказанію общественнымъ работамъ; за сводничество жены мужемъ, послѣдній, большею частію, приговаривается къ наказанію розгами, при чемъ ему запрещается быть знакомымъ и ходить въ домъ къ любовнику жены.

Развратъ, какъ мы замѣтили уже выше, распространенъ здѣсь весьма сильно и не сдерживается ни лѣтами, ни степенями родства, ни мѣстомъ.—Въ Январѣ м. 1870 г., Кривощековскій волостной судъ разбиралъ дѣло о непотребной связи крестьянина Медвѣдева съ крестьянкой Плотниковой, изъ которыхъ первому было 55 лѣтъ, а второй 43 года.—Въ 1871 г. сельскій староста Язылинскаго общества представилъ въ Кайлинскій волостной судъ за распутное поведеніе жену мастероваго Авдотью Гутову, которой оказалось 57 лѣтъ отъ роду. Но ниже мы приведемъ факты, доказывающіе, что подобныя связи и подобная жизнь весьма нерѣдки между крестьянами на десять лѣтъ старѣе означеннаго возраста. Разсматривая дѣла Томскаго Губернскаго Суда 1836—1861 г., мы нашли нѣсколько случаевъ незаконнаго сожительства между самыми близкими родственниками, а именно: 1 случай сожитія дѣда со внукою, 1 отца съ дочерью, 1 мачихи съ пасынкомъ, 1 отчима съ падчерицею, 1 тещи съ зятемъ. 6 деверя съ невѣсткою, 2 брата съ сестрою, 3 дяди съ племянницею.—Въ Октябрѣ м. 1854 г. крестьянинъ д. Саушки, Бійскаго округа Алексѣй Сѣдѣльниковъ, 71 года, нойманъ былъ нѣсколькими человѣками своихъ односоственниковъ на мѣстѣ въ преступной связи съ женою роднаго своего внука Акулиной Антоновой, 25 лѣтъ. Приведенный на мірскую сходку, онъ откровенно объяснилъ, что кровосмѣсительную связь со внукою своею имѣетъ уже давно, но не насильно, а съ ея согласія, и за это она получала отъ него частовременно награжденія и подарки. Объясненіе Акулины Антоновой по этому дѣлу—верхъ цинизма.—Осенью 1863 г. общество крестьянъ д. Новоплатовской, Барнаульскаго округа, объявило своему сельскому старшинѣ, что крестьянка Марина и пасынокъ ея Семенъ Нечунаевы, оба 40 лѣтъ, живутъ какъ мужъ съ женою,—дома спятъ на одной постелѣ, лѣтомъ на покосѣ въ одномъ пологу, ходятъ вмѣстѣ въ баню и т. п.,—каковое поведеніе ихъ производитъ соблазнъ въ цѣломъ обществѣ. Когда старшина призвалъ обвиняемыхъ на мірскую сходку и сталъ ихъ стыдить, приказывая оставить прелюбодѣйство, то Марина съ дерзостью отвѣчала, что этого имъ (ей и пасынку) ни кто не запретитъ и до того ни кому нѣтъ дѣла.—Въ Іюнѣ м. 1855 г., нѣсколько человѣкъ общественниковъ с. Шипицына, Канскаго округа, поймали на мѣстѣ крестьянина Ивана Махнина, 70 лѣтъ, въ прелюбодѣйной связи съ падчерицей своей Акулиной, 14 лѣтъ; при формальномъ слѣдствіи, открыто, что Махнинъ растлилъ Акулину еще въ

1853 г. и съ того времени постоянно жилъ съ нею и что, кромѣ того, въ 1855 г. онъ растлилъ и другую падчерицу свою Марью, 9 лѣтъ, и также жилъ съ нею въ теченіи двухъ недѣль, пока не былъ арестованъ.—О сноxачествѣ мы уже говорили.—Маіоръ Андреевъ, о которомъ мы не разъ упоминали, проживая въ 1797 г. въ Семипалатинскѣ, подъ 1 Февраля того года дѣлаетъ слѣдующую замѣтку въ своей домовой лѣтописи: «Сего числа освященъ придѣлъ святаго Великомученика Георгія, кой былъ оскверненъ блудодѣяніемъ въ храмѣ отъ солдата Клокова съ женою солдата Зимарина.»—Въ Мартѣ м. 1858 г. нѣсколько крестьянъ с. Смоленскаго, Бійскаго округа, при сходѣ съ колокольни мѣстной церкви, въ темномъ мѣстѣ, надъ папертью, застали крестьянина Алексѣя Михайлова и крестьянку Прасковью Ячменеву лежащими вмѣстѣ, что дало имъ полное право заключить, что они блудодѣйствуютъ. Судъ оставилъ ихъ также въ подозрѣніи по этому предмету.—Всѣ эти факты мы привели изъ числа тѣхъ, которые только случайно попались намъ подъ руку; а сколько подобныхъ вещей осталось въ тайнѣ и не дошло до разсмотрѣнія суда!—На развратное поведеніе какъ женатыхъ, такъ вдовыхъ и холостыхъ крестьяне вообще смотрятъ не строго. За прелюбодѣяніе, даже извѣстное всѣмъ, но недоказанное очевидно, полагается для мужчины, обыкновенно, штрафъ, а для женщины общественныя работы, и то, какъ кажется, не столько за самый фактъ, сколько за то, что, разбирая подобнаго рода «глупости,» крестьянскій судъ отвлекается отъ болѣе важныхъ дѣлъ.—За прелюбодѣяніе, доказанное очевидно, мужчина подвергается наказанію розгами, а женщина также общественной работѣ; впрочемъ, въ Бѣлоярской волости, Барнаульскаго округа, общественная работа и для женщинъ никогда замѣняется въ подобныхъ случаяхъ наказаніемъ розгами.—Въ Іюлѣ м. 1866 г. сельскій староста Найвинскаго общества представилъ въ Кривощековскій волостной судъ крестьянина Максима Харлова и крестьянку Ефросинью Чернозанову, для наложенія на нихъ взысканія за прелюбодѣйную связь. Харловъ отозвался на судѣ, что прежде онъ дѣйствительно жилъ съ Чернозановой, но теперь оставилъ эту глупость; Чернозанова же откровенно созналась, что любовная связь продолжается между ними и теперь. Волостной судъ приговорилъ: Харлова «за распутство и неблаговидные поступки, отъ которыхъ могутъ произойти непріятности,» наказать розгами 20 ударами; крестьянку же Чернозанову, за сознаніе, отъ всякаго взысканія освободить.—Въ Ноябрѣ м. 1873 г., крестьянка д. Мало—Убинской, Бійскаго округа, Елена Троеглазова, принесла Владимірскому волостному суду жалобу на то, что мужъ ея дѣлаетъ ей притѣсненія и угрожаетъ зарѣзать ее ножемъ. По произведенному дознанію, открылось, что мужъ ея живетъ съ двумя своими снохами, а притѣснялъ ли онъ жену и угрожалъ ли ей ножомъ, осталось недоказаннымъ Но общество д. Мало-Убинской объяснило, что Елена Троеглазова въ то время, когда по ея славамъ, приxодила угроза мужа, была больна и сходила съ ума: а потому волостной судъ рѣшилъ оставить все это дѣло безъ заключенія. Иногда, впрочемъ, волостные судьи стараются положить предѣлы безнравственности крестьянъ.—Въ Іюнѣ м. 1870 г. сельскій староста д. Изревинской, Томскаго округа, представилъ въ Кривощековскій волостной судъ, для наложенія мѣры взысканія, крестьянскую дѣвку д. Медвѣдниковой Черепанову за то, что она, бывъ прежде «знакома» съ крестьяниномъ Воробьевымъ, проживавшимъ въ д. Изревинской безъ жены, снова пріѣхала къ нему, «на вѣрное, для разстройства семейнаго быта,» такъ какъ къ Воробьеву прибыла уже законная его жена. Волостной судъ, находя, съ своей стороны, что, «она, Черепанова, точно пріѣхала не для хорошаго дѣла,» приговорилъ выдержать ее подъ арестомъ 7 сутокъ, а скрывавшаго ее у себя въ подполье крестьянина Половникова наказать

розгами 20-ю ударами.—Слѣдующій случай даже довольно характеристиченъ. Въ Іюлѣ м. 1871 г. Алейскій волостной судъ приговорилъ крестьянскую дѣвку Мавру Глазунову за распутную жизнь и за то, что она помогала сестрѣ своей Настасьѣ бить жену крестьянина Загурскаго, поймавшую эту Настасью въ прелюбодѣйствѣ съ мужемъ своимъ, провести по улицѣ д. Оловянишниковой въ колпакѣ.—Что касается до сожительства неженатыхъ мужчинъ съ незамужними женщинами и дѣвками, то здѣсь смотрятъ на это весьма снисходительно. Однакожъ, существующій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай требуетъ, чтобы подобныя шалости ограничивались только своей деревней; въ противномъ случаѣ, т. е. если кто заведетъ интригу въ чужой деревнѣ,—мѣстная молодежъ можетъ поймать его и переодѣть въ женское платье, а возлюбленную его въ мужское и въ такомъ видѣ провести ихъ по улицѣ. Откупиться отъ этого страма можно только водкою. Такой случай былъ въ Кайлинской волости въ 1866 г.—Точно также снисходительно относятся здѣсь и къ разврату, какъ ремеслу, лишь бы онъ не соединялся съ выходящимъ изъ всякихъ границъ пьянствомъ, буйствомъ и безчинъемъ; въ противномъ случаѣ, женщина подвергается, обыкновенно, общественной работѣ, а если ея родные живутъ въ другомъ селеніи, то ее высылаютъ въ мѣсто ихъ жительства. Мужчина, изобличаемый въ постоянно распутной жизни, пьянствѣ и буйствѣ, подвергается наказанію розгами.

Наконецъ, относительно пьянства должно замѣтить, что этотъ порокъ распространенъ здѣсь до того, что не пьютъ вина развѣ только дѣти лѣтъ до 10 или 12; все остальное населеніе,—мужчины и женщины, парни и дѣвки, старики и старухи,—пьетъ во всякое время, когда случится, но особенно на приходскихъ праздникахъ, святкахъ, маслянцѣ, святой недѣлѣ, помочахъ, сватьбахъ и т. п., и ни кто не ставитъ другому въ вину, что онъ былъ пьянъ и даже валялся по улицѣ. Иногда мальчикъ лѣтъ 10 уже разыгрываетъ на улицѣ роль пьянаго и другіе ребятишки съ завистью смотрятъ на него, считая его дѣйствительно пьянымъ. Пьянство доходитъ до высшей степени безобразія въ заводскихъ и рудничныхъ селеніяхъ. Въ Іюнѣ 1864 г. обыватель Зыряновскаго рудника Фотей Ялковъ, напившись пьянъ, раздѣлся до нага и въ такомъ видѣ сталъ прогуливаться по улицамъ; когда изъ волости посланъ былъ десятникъ, чтобы взять его, то онъ избилъ этаго десятника, а когда, наконецъ, его взяли и посадили въ чижовку, то онъ выломалъ окно и ушелъ снова пьянствовать. Въ Сентябрѣ того же года, обыватель той же волости Василій Вольхинъ, напившись до безчувствія, также ходилъ совершенно нагой по улицамъ и искусалъ палецъ десятнику, который хотѣлъ его взять.—Пьянство наказывается только тогда, когда оно сопряжено съ убійствомъ, дракою, мотовствомъ имущества и т. п. Въ послѣднемъ отношеніи, приводимъ слѣдующіе случаи. Въ Декабрѣ м. 1868 г. крестьянинъ Бѣлоярской волости Иванъ Казанцевъ былъ наказанъ розгами, по рѣшенію волостнаго суда, за постоянное пьянство и буйство; но онъ не только не исправился вслѣдствіе этого, а сталъ еще болѣе пьянствовать и, отправясь въ Барнаулъ, дошелъ до того, что остался босой и безъ шубы. Между тѣмъ, во время этого пьянства, съ Казанцевымъ встрѣтился крестьянинъ Константинъ Антипинъ и, пользуясь его слабостью, купилъ у него лошадь, а вмѣсто денегъ—поилъ виномъ. Волостной судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, присудилъ: проданную за вино Антипину лошадь возвратить Казанцеву, причемъ наказать его за пьянство розгами 20 ударами, а Антипина за связь съ пьянымъ человѣкомъ оштрафовать 1 рублемъ.—Въ Сентябрѣ м. 1872 г. крестьянинъ д. Мало Почитанской, Барнаульскаго округа, Иванъ Дементьевъ, пріѣхавъ въ с. Почитанское, напился пьянъ и сталъ подлѣ кабака за ничто продавать

своихъ лошадей, съ тѣмъ, чтобы въ придачу его поили виномъ. Одну лошадь онъ успѣлъ уже продать, какъ одинъ изъ волостныхъ начальниковъ, проходя мимо, увидѣлъ это и велѣлъ его арестовать. На другой день, вытрезвившись, Дементьевъ объяснилъ, что онъ ничего не помнитъ, но знаетъ, что непмѣлъ ни какой надобности продавать лошадей. «Принимая во вниманіе, что отъ развившагося пьянства, крестьяне въ пьяномъ видѣ продаютъ лошадей и прочее имущество, отчего приходятъ въ бѣдное состояніе, лишаются домохозяйства и въ послѣдствіи не имѣютъ возможности уплачивать казенныхъ повинностей,» Почитанская волостная расправа нашла необходимымъ наказать Дементьева, въ примѣръ прочимъ, 20 ударами розогъ, а проданную имъ лошадь отобрать у покупателя и ему возвратить, съ тѣмъ, чтобы Дементьевъ, съ своей стороны, возвратилъ покупателю полученныя отъ него деньги.

Въ послѣднее пятилѣтіе, въ судебныхъ мѣстахъ Томской губерніи разсматривалость 121 дѣло о преступленіяхъ противъ общественной нравственности, а именно: въ 1869 г. 7 дѣлъ, 1870 г. 31, 1871 г. 39, 1872 г. 22 и 1873 г. 22. По нимъ приговорено къ наказанію 64 человѣка; въ томъ числѣ 55 мужчинъ и 9 женщинъ.

5) *Преступленія противъ личности и чести*, какъ словомъ, такъ и дѣйствіями, крайне многочисленны и разнообразны.—Разсматривая рѣшенія нашихъ волостныхъ судовъ и расправъ, можно подумать, что все населеніе Томской губерніи только и дѣлаетъ, что бранится и дерется, что брань и драка составляютъ самую насущную его потребность. Бранятся и дерутся между собою мужчины, женщины, дѣвушки, старики, взрослые, дѣти, знакомые и незнакомые, чужіе и родные, трезвые и пьяные, въ праздники и будни, иногда вслѣдствіе какого нибудь уважительнаго повода, иногда безъ всякаго повода. Однакожъ, должно замѣтить, что подобныя сцены повторяются чаще всего во время съѣзжихъ праздниковъ и помочей, подъ вліяніемъ вина. Иногда брань и драка начинаются въ кабакѣ, продолжаются на улицѣ и оканчиваются въ домѣ, куда спѣшитъ укрыться побѣжденный.—Крестьяне Нелюбинъ и Бѣлыхъ дружелюбно сидятъ въ кабакѣ и распиваютъ вино; слово за слово, они начинаютъ ссориться, а потомъ и драться, причемъ Бѣлыхъ укоряетъ Нелюбина, что жена его постоянно принимаетъ къ себѣ постороннихъ мужчинъ, когда его нѣтъ дома; услышавъ это Нелюбинъ бросается изъ кабака и бѣжитъ домой, но на дорогѣ встрѣчаетъ жену и наноситъ ей «жестокіе побои.»—Крестьянинъ Петръ Губинъ идетъ съ своею матерью мимо дома Гаврила Губина и зятя его Дормидонта Губина, какъ вдругъ изъ дома выскакиваютъ на улицу жена Дормидонта Дарья и братъ ея Ефимъ и начинаютъ ругать мать и жену Петра Губина «разными позорными словами;» Петръ заступается за нихъ, но Ефимъ называетъ и его «воромъ и варнакомъ;» обиженный схватываетъ обидчика за волосы и начинаетъ таскать; на крикъ выбѣгаетъ Гаврило Губинъ, жена его и зять, отбиваютъ Ефима, вооружаются палками и начинаютъ бить Петра Губина и его мать; тѣ кричатъ о помощи, и она появляется въ лицѣ брата Петра—Герасима; видя неравенство силъ, Герасимъ хочетъ только рознять воюющихъ, но самъ получаетъ такой сильный ударъ палкою по головѣ, что безъ чувствъ падаетъ на землю; наконецъ, сбѣгается цѣлое селеніе—и семейство Гаврила Губина, побросавъ палки, уходитъ съ мѣста драки.—Отдѣльно живущій отъ отца крестьянинъ Понадейкинъ, взявъ къ себѣ въ товарищи другаго крестьянина Понадейкина, отправляется ночью въ домъ отца и наноситъ ему ругательство, безъ всякой видимой причины.—Крестьянинъ Матусевичъ, встрѣтясь на улицѣ съ солдаткой Казанцевой, ни за что, ни про что ругаетъ ее

«самыми похабными словами.»—Семейство крестьянина Петрова, состоящее изъ сына его, дочери и снохи, возвращается изъ лѣса съ ягодами; вдругъ, подлѣ самой деревни, на встрѣчу имъ три парня, которые останавливаютъ ихъ, ругаютъ, отнимаютъ ягоды и, разсыпавъ ихъ по дорогѣ, уходятъ преспокойно домой.—Крестьянинъ Кононовъ возвращается съ своимъ работникомъ домой изъ ближайшей деревни, гдѣ былъ на мірской сходкѣ; около самой паскотины, нагоняетъ его верхомъ крестьянинъ Быковъ—и ни съ того, не съ сего хвать его обухомъ топора по шеѣ; Кононовъ свалился; но Быковъ не довольствуется этимъ, слѣзаетъ съ лошади, наноситъ побои работнику и потомъ уѣзжаетъ.—Во время дракъ, противники стараются ухватить другъ друга зубами за пальцы или за уши,—оттого въ волостныхъ судахъ и расправахъ безчисленныя просьбы объ изувѣченіи «укушеніемъ пальца,» «укушеніемъ» или «оторваніемъ уха» и т. п. Къ числу личныхъ обидъ словами относится названіе крещенаго инородца «татариномъ» и упрекъ въ какомъ нибудь прошломъ, уже обсужденномъ, проступкѣ, ибо, какъ сказано въ рѣшеніи одного волостнаго суда, «дѣло это уже рѣшено, и объ немъ говорить не слѣдуетъ.» Названіе кого нибудь «бездушнымъ,» «бабой,» «кощеемъ безсмертнымъ» вызываетъ непремѣнно жалобу о личномъ оскорбленіи.—Къ числу личныхъ обидъ дѣйствіемъ должно отнести многочисленные случаи разбитія стеколъ въ окнахъ, выбитія рамъ разломки крылецъ, вымазки дегтемъ (смолою) или каломъ оконъ, воротъ и стѣнъ дома, или повѣшенія на воротахъ выпачканой въ деготь дохлой курицы, изорванія или сожженія женскаго платья посредствомъ крѣпкой водки, сорванія у дѣвушки или женщины съ шеи или головы платка, обрѣзанія у коровъ хвостовъ, а у лошадей гривъ и хвостовъ и т. п. Всѣ подобнаго рода дѣйствія называются въ народѣ «насмѣшкой» и «накостью.» Въ Маѣ м. 1871 г. Зыряновскій волостной старшина передалъ на обсужденіе волостнаго суда обывателей Зыряновскаго рудника Степана Софронова, Илью Чернова и Прокопья Прокудина за то, что они, «бывъ на игрищѣ съ дѣвицами, составили записку о 41 дѣвицѣ, съ нанесеніемъ обидъ въ отношеніи чести.» Волостной судъ опредѣлилъ наказать каждаго изъ нихъ розгами по 15 ударовъ, подтвердивъ, «чтобы они не осмѣливались дѣлать ни какихъ оскорбленій дѣвицамъ.»—Нѣкоторыя личныя оскорбленія такъ оригинальны, что объ нихъ невозможно не упомянуть здѣсь. Въ Маѣ м. 1869 г. крестьянинъ Тереховъ прославившійся въ околодкѣ живописцемъ, находясь въ церкви села Усть-Колбинскаго, Маріинскаго округа, съ другимъ живописцемъ крестьяниномъ Карповымъ, который писалъ въ этой церкви образа, вымазалъ Карпову лицо черной масляной краской за то, что онъ не знаетъ, будтобы, своего дѣла, и когда Карповъ, съ досады на это, схватилъ кисть и замаралъ подвергшійся критикѣ образъ, то находившееся тутъ сельское начальство сочло это оскорбленіемъ святыни, схватило его и съ вымазаннымъ краской лицомъ провело по улицамъ селенія, для заключенія подъ арестъ.—Крестьянинъ д. Березовки, Томскаго округа, Шешуковъ, зная, что сосѣдъ его, крестьянинъ Быковъ, когда собралось у него много гостей, по невмѣнію самовара, грѣетъ воду для чая въ чугункѣ, взлѣзъ на крышу его дома и смелъ въ чугунку часть сажи, накопившейся въ трубѣ.—Въ Февралѣ м. 1868 г. Колыванскій мѣщанинъ Загогулинъ, находясь въ д. Верхъ-Тулинской, Томскаго округа, вымазалъ крестьянину Быкову лицо человѣческимъ каломъ.

Личныхъ оскорбленій словами не избѣгаетъ ни сельское, ни волостное начальство, ни духовенство. Это явно указываетъ на отсутствіе въ народѣ

всякаго понятія объ ихъ неприкосновенности, что объясняется во многихъ случаяхъ совершеннымъ равнодушіемъ сельскаго и волостнаго начальства, а равно и духовенства къ поддержанію своего достоинства приличными ему поступками, хотя за каждую малѣйшую обиду и то и другое, обыкновенно, вступается очень горячо. Одинъ сельскій староста принесъ жалобу въ волостной судъ на то, что какой-то крестьянинъ назвалъ его въ шутку «губернаторомъ;» одинъ священникъ жаловался на то, что какой-то пьяный крестьянинъ сказалъ, при свидѣтеляхъ, что онъ самъ знаетъ на половину столько же молитвъ, сколько и священникъ.

Между лицами, потерпѣвшими личныя обиды словами и дѣйствіемъ, замѣчается здѣсь такое сильное и явное поползновеніе къ гражданскому, денежному вознагражденію, ослабляющему чувство чести и человѣческаго достоинства, что совершенное исключеніе изъ нашего законодательства всякой возможности торговать полученными обидами и оскорбленіями было бы не только желательно, но даже необходимо. Чтобы показать, до какой степени развито подобное поползновеніе, приводимъ три слѣдующихъ случая. Въ Январѣ м. 1874 г. въ семействѣ крестьянина д. Черкасовой, Кузнецкаго округа, Федота Черкасова, произошла драка, при чемъ жена Федота—Аксинья ударила сноху свою Татьяну палкою, а мужъ Татьяны, сынъ Аксиньи Черкасовой, заступаясь за жену, нанесъ ударъ матери и сбилъ съ головы ея платокъ. Заявляя объ этомъ Ильинскому волостному суду, Аксинья простила сына за нанесенный ей ударъ и просила только о взысканіи съ него въ пользу ея безчестія 10 руб.—Судъ рѣшилъ—взыскать. Въ Сентябрѣ м. 1865 г. крестьянинъ Покровской волости, Каинскаго округа, Алексѣй Шихачевъ отрѣзалъ косу у крестьянской дочери Матрены Прощалыгиной; отецъ обиженной подалъ было жалобу въ волостную расправу, но потомъ помирился съ обидчикомъ за деньги. Въ 1871 г. крестьянинъ с. Старо-тырышкинскаго, Бійскаго округа, Тырышкинъ нанесъ побои женѣ крестьянина Старикова и отрѣзалъ ей косу.—Мужъ, принеся на это жалобу въ волостной судъ, помирился съ оскорбителемъ тѣмъ, что взялъ съ него за безчестіе 7 р.—Отъ принятія за безчестіе не отказываются и священники. Одинъ священникъ, въ Бійскомъ округѣ, взялъ съ обидчика присужденные въ его пользу 3 р.; другой, въ Томскомъ округѣ, взялъ 30 р. Въ Маріинскомъ округѣ одинъ священникъ принесъ Димитріевской волостной расправѣ жалобу, что какой то крестьянинъ обругалъ его. По удостовѣренію оказалось, что брань была обоюдная; но крестьянинъ все таки нашелъ себя виновнымъ противъ своего духовнаго отца и приходилъ просить у него прощеніе, однако же тотъ не только не простилъ его, но не захотѣлъ даже съ нимъ говорить. Волостная расправа, отклонивъ денежное вознагражденіе за безчестіе, присудила виновнаго только на трех-дневный арестъ при волостномъ правленіи.

При наложеніи мѣры наказанія за личныя обиды словомъ и дѣйствіемъ, волостные суды и расправы принимаютъ во вниманіе не только поведеніе обидѣвшаго, но и различное положеніе обиженнаго, какъ то: его прежнюю жизнь, извѣстный почетъ, соединенный съ относимою имъ общественною обязанностью и т. п. Вообще же должно сказать, что за личныя обиды, въ большинствѣ случаевъ, полагается денежное взысканіе въ пользу обиженнаго и тѣлесное наказаніе розгами, замѣняемое для лицъ женскаго пола арестомъ или общественными работами. Чѣмъ большаго уваженія заслуживаетъ оскорбленное лицо или чѣмъ выше стоитъ оно по своей должности, тѣмъ больше полагается въ пользу его денежное взысканіе.—За клевету и обнесеніе чести дѣвушки или женщины, извѣстной въ обществѣ своимъ отличнымъ поведе-

ніемъ, взыскивается въ пользу ея 5 и 10 р.; въ пользу церковнаго старосты—6 и 12 р.; въ пользу священника, какъ выше замѣчено, до 30 р.; сельскіе и волостные начальники денежнаго взысканія за свои обиды не берутъ, но судъ не пропускаетъ ни одной изъ нихъ безъ наказанія розгами, замѣняя ихъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ общественными работами или арестомъ.—Въ Сентябрѣ м. 1866 г., Алейскій волостной судъ приговорилъ крестьянку Казакову за распространеніе клеветы и нанесеніе ругательствъ таковой же Маршалкиной къ мятенію улицы подъ надзоромъ десятниковъ, причемъ на нее долженъ быть надѣтъ колпакъ. Женщина или дѣвушка, уличенная въ вымазаніи у кого нибудь дегтемъ воротъ, стѣнъ и т. п., кромѣ общественной работы, обязывается еще на чисто выскоблить и вымыть замазанное ею.—За оскорбленіе малолѣтняго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заставляютъ испрашивать прощеніе у его отца или другаго старшаго родственника.—Хозяина собаки, которая укусила кого нибудь, заставляютъ испрашивать прощенію у укушеннаго, приписывая случившуюся съ нимъ бѣду также личному оскорбленію.—Въ случаѣ увѣчья кого нибудь во время драки, нанесшему увѣчье поставляютъ иногда въ обязанность исправлять за изувѣченнаго всѣ работы, необходимыя въ домашнемъ быту, до тѣхъ поръ, пока онъ получитъ выздоровленіе.

6) *Преступленія противъ общественной и частной собственности.* Изъ числа первыхъ въ Томской губерніи не рѣдки похищеніе и утрата различныхъ общественныхъ сборовъ и хлѣба изъ экономическихъ магазиновъ; изъ числа вторыхъ—повсемѣстно и въ значительной степени распространена кража, съ различными ея видами.

Наши сельскіе и волостные начальники, большею частію, люди неграмотные; по этому нѣтъ ничего удивительнаго, что у нихъ очень часто случаются недочеты и растраты въ суммахъ, собранныхъ на какія либо общественныя надобности.—Позабылъ сельскій или волостной начальникъ приказать писарю записать какой нибудь сдѣланный имъ расходъ,—и недочетъ у него уже на шеѣ; передалъ онъ писарю для отправки куда нибудь какую нибудь сумму, а тотъ положилъ ее себѣ въ карманъ,—и онъ завиненъ уже въ растратѣ, потому что писарь, какъ человѣкъ грамотный и опытный, всегда найдетъ возможность увернуться отъ отвѣтственности. Случается, что и сами сельскіе и волостные начальники бываютъ виновны въ похищеніи общественныхъ денегъ, употребляя ихъ на свои нужды, въ надеждѣ изворотиться какъ нибудь, между тѣмъ, какъ какой нибудь ничтожный случай разрушаетъ эту надежду и выводитъ виновнаго на чистую воду. Утрата и похищеніе хлѣба изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ объясняются отчасти самовольнымъ разборомъ крестьянами хлѣба, который они считаютъ вполнѣ имъ принадлежащимъ, отчасти плохимъ карауломъ за магазинами.

Кража частной собственности, какъ уже замѣчено, распространена повсемѣстно и въ значительной степени: крадутъ чаи и другіе товары, провозимые изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку; крадутъ необмолоченный хлѣбъ съ поля и сѣно съ луговъ; крадутъ лошадей со степи; крадутъ шлеи, хомуты и т. п. со двора. Здѣсь считается правиломъ, что безъ присмотра лежитъ, то и можетъ быть украдено, что «на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ.» Крадутъ незнакомые у незнакомыхъ, знакомые у знакомыхъ, родные у родныхъ. Въ рѣшеніяхъ Кайлинскаго волостнаго суда намъ встрѣчалось множество случаевъ, что отдѣленный сынъ крадетъ что ни-

будь у отца, напримѣръ, масло и, будучи пойманъ или уличенъ, даетъ подписку, что обязывается заплатить за это деньги; когда же въ назначенный срокъ не платитъ, то отецъ жалуется въ волостной судъ. Съ своей стороны, отцы часто крадутъ у отдѣленныхъ сыновей разныя вещи,—хлѣбъ съ поля, сѣно и т. п., о возвращеніи которыхъ сыновья жалуются суду.—Въ Февралѣ м. 1872 г. крестьянка Бѣлоярской волости Наталья Пономарева (62 лѣтъ) объявила въ волостномъ судѣ, что мужъ ея Прокопій (60 лѣтъ) укралъ у нея 3 р. собственно принадлежащихъ ей денегъ. Такъ какъ доказательствъ этому она не представила, то судъ оставилъ Пономарева свободнымъ; но какъ общество заявило, что просительница сварливаго характера и безпрестанно жалуется на мужа, безъ всякой вины съ его стороны, и выводитъ даже кражу денегъ, которыя прячетъ сама,—то онъ присудилъ ее къ аресту на 3 дня.—Въ Февралѣ м. 1873 г. крестьянка Боровлянской волости Авдотья Березовская украла у мужа своего Михаила 11 р. и отдала ихъ спрятать крестьянкѣ Настасьѣ Волковой за знамо краденые, а та употребила ихъ въ свою пользу. Михайло Березовскій пожаловался суду; а какъ виновныя сознались, то судъ рѣшилъ: украденныя деньги взыскать съ Волковой и удовлетворить ими Березовскаго, а жену его за кражу и Волкову за принятіе краденаго выдержать подъ арестомъ въ теченіи 5 сутокъ.—Поселяне смотрятъ на кражу вообще, какъ на такого рода преступное дѣйствіе, за которое виновный, кромѣ возвращенія покраденнаго, какъ бы малоцѣнно оно нибыло, обязанъ расплатиться еще и спиною. Если онъ попался на мѣстѣ преступленія, то такая расплата тутъ же и совершается, да притомъ такъ, какъ никогда не распорядилось бы правосудіе; если же ему удалось избѣгнуть подобной расплаты на мѣстѣ, то пусть покараетъ его судъ, хотя извѣстно, что такая кара—въ большинствѣ случаевъ—сущіе пустяки. Вслѣдствіе такого взгляда, здѣсь равнымъ образомъ наказывается домашняя кража и кража на сторонѣ, цѣнная кража хорошей лошади и ничтожная кража домашней птицы или огородныхъ овощей.—Въ Іюнѣ м. 1871 г. Бухтарминской волостной судъ, разбирая дѣло о покражѣ и уничтоженіи обывателемъ Зыряновской волости Гавріломъ Варфоломѣевымъ огородныхъ овощей у крестьянина Тараса Екимова, присудилъ его: за покраденный и уничтоженный огородный овощъ, составляющій необходимую зимнюю потребность, къ уплатѣ Екимову 5 р.; за употребленное послѣднимъ время на ходатайство по сему дѣлу—къ уплатѣ 3 р., а за учиненный поступокъ и несправедливый оговоръ другихъ въ участіи—къ наказанію розгами 20 ударами.—Вообще за каждую кражу полагается непремѣнно возвращеніе покраденнаго или стоимости его и тѣлесное наказаніе, замѣняемое для лицъ женскаго пола общественными работами, арестомъ или штрафомъ. Точно такой же взглядъ существуетъ у поселянъ и относительно всякаго завладѣнія чужимъ имуществомъ, а также за убійство домашняго скота, причемъ не отдается предпочтенія ни одному изъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири за убійство свиньи требуется большая плата, нежели за убійство другаго мелкаго животнаго; но здѣсь этаго нѣтъ и свинья идетъ наравнѣ съ другимъ скотомъ, а иногда, хотя очень рѣдко, за убійство ея и ничего неплатится. Въ Мартѣ м. 1869 г. крестьянинъ Бѣлоярской волости, Аристархъ Зайсановъ, увидѣвъ въ полѣ своемъ свинью, принадлежавшую крестьянину Бызову, застрѣлилъ ее, а Бызовъ отобралъ за это у Зайсанова ружье; но когда Зайсановъ принесъ просьбу волостному суду, то судъ рѣшилъ: такъ какъ Бызову и всѣмъ другимъ лицамъ не разъ приказано было свиней запирать, то онъ и неимѣетъ никакого права на вознагражденіе за убитую у него свинью, ибо она найдена была въ полѣ, въ хлѣбномъ остожьѣ: а потому ружье отъ Бызова отобрать и отдать Зайсанову.—Ловля звѣрей, птицъ и рыбы здѣсь совершенно свободна; но

завладѣніе звѣремъ и птицею изъ чужой ловушки, а равно ловля рыбы изъ чужихъ *копанцевъ* (сажалка) и *запзокъ* (перегородокъ на заводяхъ и рѣчкахъ) наказывается, какъ обыкновенная кража.

Изъ всѣхъ видовъ кражи, существующихъ въ средѣ сельскаго населенія, *конокрадство*, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Необходимо пожить гдѣ нибудь въ глуши нашихъ деревень и поближе присмотрѣться къ быту и хозяйству крестьянина, чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ, какую важную роль играетъ тутъ рабочая лошадь; тогда только поймешь, что въ ней, въ этой неказистой на видъ, мохнатой, со врозь разставленными ушами и иногда разбитыми ногами, рабочей лошади, соединяются для крестьянина земледѣльца неизмѣнный товарищъ, правая рука, благосостояніе и только что не жизнь всей семьи; поймешь, что, лишая крестьянина лошади, конокрадъ въ тоже время переворачиваетъ вверхъ дномъ весь бытъ его, всѣ хозяйственныя соображенія, такъ что бѣднякъ, при всей выносливости русской натуры, теряетъ голову, опускаетъ руки, боится открыть глаза, заглянуть въ будущее, гдѣ уже ждутъ его и грозятъ недоимки, нужда и наконецъ голодъ.

Въ Томской губерніи существованіе въ значительной степени конокрадства объясняется отчасти довольно хорошимъ состояніемъ коноводства, особенно въ Барнаульскомъ, Кузнецкомъ, Бійскомъ и Каинскомъ округахъ, и, вслѣдствіе того, довольно большимъ числомъ крестьянскихъ лошадей, отчасти тѣмъ, что здѣсь скотъ и лѣто и зиму ходитъ преимущественно на подножномъ корму, почти безъ всякаго надзора,—слѣдовательно, похищеніе его не представляетъ ни какихъ особенныхъ затрудненій. Съ другой стороны, и укрывательство краденыхъ лошадей, по множеству годныхъ для того, пустынныхъ мѣстъ, весьма удобно. Кромѣ того, многія мѣстности губерніи населены инородцами, татарами и киргизами, которые употребляютъ лошадиное мясо въ пищу и, убивъ краденую лошадь, всегда съ-умѣютъ схоронить концы въ воду. Вблизи Томска, селенія Семилуженское и Керевскій заводъ извѣстны какъ пріютъ самыхъ отъявленныхъ конокрадовъ. Этою, разорительною въ сельскомъ быту, промышленностію занимаются не только поселенцы, но и многіе крестьяне, татары и киргизы. Въ Барнаульскомъ и Бійскомъ округахъ, между русскими крестьянами и киргизами, конокрадство принимаетъ иногда видъ баранты: съ той и другой стороны похищаются табуны въ 15, 20 и болѣе головъ и, для возвращенія ихъ, хозяева прибѣгаютъ къ насилію, причемъ не рѣдки столь тяжкіе побои, что они влекутъ за собой смертные случаи. Въ селеніяхъ конокрады пользуются своего рода почетомъ, потому что всякій боится, чтобы они не сдѣлали «какой нибудь пакости.» Въ случаѣ пропажи лошадей, къ нимъ, обыкновенно, обращаются съ просьбою розыскать пропажу и предлагаютъ за это денежное вознагражденіе. Получивъ условную уплату и, сверхъ того, угостясь виномъ на счетъ просителя, конокрадъ ведетъ его въ лѣсъ и указываетъ лошадь, которую самъ же укралъ и привязалъ въ извѣстномъ мѣстѣ, или отправляется съ нимъ въ то селеніе, куда она передана и гдѣ онъ найдетъ ее непременно, обстановивъ каждую подобную находку такими невинными фактами, что не представляется ни какой возможности прямо завинить кого нибудь въ конокрадствѣ. Въ Крутоберезовской волости (Бійскаго округа) былъ случай даже судебнаго разбирательства между конокрадами, которые нанимались розыскивать краденыхъ лошадей между киргизами по ту сторону Иртыша и потомъ не сошлись въ дѣлежѣ полученной за это отъ хозяина платы. Въ случаѣ перехода краденой

лошади чрезъ нѣсколько рукъ и отысканія ея наконецъ хозяиномъ по *погонной* (такъ называется удостовѣреніе сельскаго начальства о дѣйствительной покражѣ лошадей, съ описаніемъ ея примѣтъ), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи принято за правило, что послѣдній владѣлецъ ея, если нехочетъ быть признанъ самъ конокрадомъ, долженъ непремѣнно указать то лицо, у котораго имъ пріобрѣтена лошадь: тогда краденая лошадь возвращается настоящему хозяину ея, а въ пользу послѣдняго ея владѣльца отбирается такая же лошадь отъ того, кто продалъ или промѣнялъ ему оказавшуюся краденою, но съ тѣмъ, чтобы онъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ ни кому не продавалъ и не промѣнивалъ этой лошади, дабы тотъ, кто пріобрѣлъ краденую лошадь, могъ съ своей стороны найти того, у кого она пріобрѣтена.

Во многихъ внутреннихъ губерніяхъ, наравнѣ съ конокрадствомъ, распространены и имѣютъ весьма важное значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ—*лѣсныя порубки* въ частныхъ владѣльческихъ и общественныхъ дачахъ. Но въ Томской губерніи, гдѣ лѣса занимаютъ громадныя пространства земли, это преступленіе не имѣетъ особеннаго значенія. Правда, и здѣсь сплошь и рядомъ случаются порубки лѣса въ казенныхъ и горнозаводскихъ дачахъ, но эти порубки такъ ограниченны, сравнительно съ количествомъ лѣсовъ, что ощутительнаго вреда отъ этого, собственно говоря, никому нѣтъ. Крестьяне смотрятъ на такія порубки, какъ на дѣло, ни сколько не противузаконное, на основаніи того соображенія, что лѣсъ ни кто не садилъ и ни кто за нимъ не ходилъ, а возрастилъ его Богъ на потребу человѣка, слѣдовательно всякій и можетъ пользоваться имъ, въ случаѣ этой потребы. Обыкновенно, порубки производятся такъ: крестьянинъ беретъ себѣ отъ подлежащаго начальства билетъ на вырубку извѣстнаго числа лѣсинъ, а вырубаетъ вдвое больше. По незначительности лѣсной стражи, равно какъ по обширности лѣсныхъ дачъ, трудно услѣдить за всякою самовольною порубкою, а потому подобныя вещи, въ большинствѣ случаевъ, сходятъ съ рукъ. По всѣмъ дѣламъ о лѣсныхъ порубкахъ, производившимся въ послѣднее пятилѣтіе (1869—1874 г.) въ судебныхъ мѣстахъ, признаны виновными только три человѣка. Въ общественныхъ лѣсахъ, т. е. въ лѣсахъ, растущихъ на земляхъ, отведенныхъ въ надѣлъ крестьянамъ, каждый крестьянинъ, принадлежащій къ извѣстному обществу, рубить лѣсъ съ дозволенія своего начальства, и здѣсь самовольныя порубки встрѣчаются уже рѣже. О порубкахъ въ рощахъ и дубравахъ, огораживаемыхъ частными лицами при пасѣкахъ и заимкахъ, мы уже упомянули, говоря о завладѣніи, какъ способѣ пріобрѣтенія собственности.—Лѣсъ, растущій внутри паскотины, (т. е изгороди, окружающей на извѣстномъ пространствѣ каждое селеніе), считается общественнымъ, такъ какъ его оналпваютъ и охраняютъ всѣ общественники. По этому, здѣсь дозволяется рубить лѣсъ только для своихъ надобностей; рубка же для продажи въ чужія руки вызываетъ преслѣдованіе общества все равно, какъ и самовольная порубка въ общественныхъ лѣсныхъ дачахъ.

7) *Преступленія и проступки противъ народнаго здоровья.* Сюда относятся: продажа зараженнаго скота, прогонъ его, зарытіе павшаго въ близкихъ отъ селеній мѣстахъ, провозъ и продажа зараженнаго мяса и кожъ, примѣсь въ муку, соль и вино разныхъ посторонніхъ веществъ и проч.

«Одна весьма зажиточная Иркутская домохозяйка, разсказываетъ г. Ща-

носъ, [41]) безъ зазрѣнія совѣсти говорила намъ: «во время скотскаго падежа занемогла у меня корова; всѣ люди и говорятъ: надо скорѣе продать мясникамъ на убойну, а то пропадетъ даромъ. Ну, я и сама думала своимъ умомъ: надо поскорѣе продать, выручить заплаченныя деньги.» Да какъ же продавать? возразили мы ей: вѣдь не честно, не человѣчно продавать на убой, на пищу людямъ больную скотину: люди могутъ захворать и умереть.» Ну, я и сама подумала,—отвѣчала буржуазная баба: коровка то ужь, слава Богу, и окупила себя молочкомъ, съ лихвой дала тѣ денежки, что заплачены были за нее; много я продала отъ нея молочка, сметанки, творожку; ужъ какъ захворала то она, такъ рубля на три отъ нея было продано молочка: ну, и я думаю, по этому можно не продавать, потому что она ужь и безъ того окупила себя.» Но Иркутская зажиточная домохозяйка все таки поступила добросовѣстно—не продала зараженную скотину; у насъ въ деревняхъ, напротивъ, почти всякій крестьянинъ, лишь только увидитъ, что скотина его хвораетъ, старается сбыть ее въ другія руки. Часто кто нибудь, купивъ по ошибкѣ зараженную, напримѣръ, паршами лошадь, старается продать ее поскорѣе другому, тотъ третьему и т. д.—Такимъ образомъ, лошадь въ короткое время переходитъ чрезъ нѣсколько рукъ, распространяя по всюду заразу. Наконецъ, дѣло доходитъ до волостнаго суда. Судъ старается открыть перваго продавца зараженной скотины; но это удается весьма рѣдко, потому что каждый оправдывается тѣмъ, что онъ продавалъ скотину здоровую.—Точно также недобросовѣстно поступаютъ и скотопромышленники, не отдѣляя, во время прогона, больной скотины отъ здоровой и не убивая, какъ бы слѣдовало, зараженной, въ той надеждѣ, что она, можетъ быть, еще поправится. Оттого падежи скота здѣсь почти не прекращаются. По оффиціальнымъ свѣденіямъ, въ 1871 г. въ Томской губерніи пало до 6 т. лошадей и рогатаго скота, въ 1872 г. до 11 т., а въ 1873 г. до 42 т. Иногда эти падежи дѣйствуютъ столь опустошительно, что во многихъ мѣстахъ не остается ни одной головы рогатаго скота и ни одной лошади, такъ что жители принуждены таскать на себѣ трупы павшаго скота, для зарытія его въ землю.—Продажа зараженнаго мяса встрѣчается сплошь и рядомъ. Въ 1864 г въ с. Спиринскомъ, (Барнаульскаго округа) переболѣла половина населенія отъ того, что случайно купила и употребила въ пищу мяса зараженнаго скота Въ Январѣ 1869 г. общество д. Хайрюзовки (Бійскаго округа) принесло жалобу волостному суду, что одинъ крестьянинъ убилъ больную скотину и продастъ ея мясо.—Снятіе съ зараженной скотины кожъ и вымачиваніе ихъ въ ручьяхъ, откуда пользуются водою всѣ,—не рѣдко, хотя волостные суды и подвергаютъ за это виновныхъ тѣлесному наказанію.—Павшій отъ заразы скотъ иногда не зарывается по нѣсколько дней, а если и зарывается, то кое какъ и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ постоянно бродитъ скотъ. Въ 1871 г. въ с. Тяжинскомъ (Маріинскаго округа) дурное зарытіе безсрочно-отпускнымъ Зиминымъ павшаго у него отъ заразы теленка, котораго отрыли потомъ собаки, было причиною заразы и валежа скота въ цѣломъ селеніи. За дурное зарытіе въ землю павшаго скота, и притомъ вблизи селеній, виновные подвергаются штрафу. Подмѣси въ муку и соль, для вѣса, дресвы, галки, снѣгу и льду, особенно при значительныхъ поставкахъ, весьма часты. Волостные суды и расправы подвергаютъ за это виновныхъ наказанію розгами, обязывая ихъ испорченное подмѣсью количество хлѣба и соли замѣнить хорошимъ.—Въ Кривощековской волости былъ случай, что двѣ женщины напоили свою знакомую виномъ,

[41]) Отеч. Зап. 1872 г. 482.

смѣшаннымъ съ дурманомъ, для того, «чтобы посмотрѣть, какъ она будетъ отъ этого дурачиться.» Волостной судъ приговорилъ ихъ къ штрафу въ пользу опоенной и къ общественнымъ работамъ.

и 8) *Пристанодержательство.* Выше уже замѣчено, что весьма многіе ссыльные, не имѣя ни какой надежды на самостоятельное существованіе и находясь въ безвыходной бѣдности, легко увлекаются въ преступленія и проступки, а потомъ, изъ страха наказанія, отправляются бродяжничать. Такимъ образомъ, бродяжество есть такое явленіе, которое находится въ тѣсной, непосредственной связи съ экономическимъ бытомъ ссыльныхъ. А какъ этотъ бытъ всегда былъ таковъ, что вызываетъ одно и тоже явленіе, то и бродяжество, отъ постояннаго и долговременнаго своего существованія, сдѣлалось, наконецъ, такимъ явленіемъ, которое, не представляя собою ни чего исключительнаго, кажется большинству населенія Сибири дѣломъ простымъ и обыкновеннымъ, вызывающимъ не негодованіе къ бродягамъ, а, напротивъ нѣкотораго рода сочувствіе къ нимъ. Такое сочувствіе выражается, между прочимъ, тѣмъ, что лѣтомъ, когда деревни крестьянъ, во время полевыхъ работъ, остаются на попеченіи однихъ престарѣлыхъ людей, въ незапертыхъ избахъ оставляются на видномъ мѣстѣ съѣстные припасы для проходящихъ чрезъ деревни бродягъ.—Сытый, бродяга идетъ дальше, не дѣлая ни какихъ шалостей. Бѣдственное, безпомощное состояніе бродяги, въ особенности въ зимнее время, заставляетъ его искать убѣжища у кого либо изъ жителей деревень; это убѣжище дается людьми дурной нравственности не безкорыстно; тайно проживающій у крестьянина бродяга обязывается совершать, для пользы хозяина, и дѣла тайныя,—напримѣръ, дѣлать фальшивыя деньги и т. п. Лѣтомъ, по недостатку рабочихъ рукъ, крестьяне имѣютъ въ бродягахъ даровыхъ работниковъ. Съ другой стороны, крестьяне хорошо знаютъ, что, въ случаѣ непріязненнаго отношенія къ бродягамъ, послѣдніе не замедлятъ отозваться за это жестокимъ отмщеніемъ. Въ рабочую пору, когда селенія остаются почти безъ надзора, имъ ни чего не стоитъ обратить ихъ въ пепелъ и, такимъ образомъ, лишить крестьянина всего его имущества. При такомъ положеніи настоящаго дѣла, преслѣдованіе и поимка бѣглыхъ и бродяхъ сопряжена здѣсь съ неодолимыми препятствіями. Расчитывать при этомъ на особенную дѣятельность городскихъ и Окружныхъ Полицій не только нѣтъ ни какой возможности, но даже было бы и не справедливо, потому что они, при настоящемъ ихъ составѣ, не имѣютъ достаточно времени исполнить какъ должно самыхъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей, какъ, напримѣръ, производить слѣдствія по дѣламъ арестантскимъ, нетолько что ловить бѣглыхъ и бродягъ, при чемъ, кромѣ времени, требуется еще во многихъ случаяхъ присутствіе вооруженной силы, какою не располагаютъ наши полиціи. Послѣднія и сами весьма хорошо сознаютъ полное безсиліе свое въ этомъ отношеніи, отчего происходитъ иногда то, что, чиновникъ Окружной полиціи, напримѣръ, переѣзжая, по дѣламъ службы, съ одного мѣста на другое и встрѣтивъ нѣсколькихъ человѣкъ бродягъ, не имѣетъ ни какихъ средствъ задержать ихъ, даже удостовѣряясь отъ нихъ самихъ, что они бродяги; съ другой стороны, и они, зная, что имѣютъ дѣло съ полицейскимъ чиновникомъ, ни сколько однако же не затрудняются объявить ему, кто они сами, въ полной увѣренности, что онъ ничего не можетъ съ ними сдѣлать. Еще менѣе, нежели Городская и Окружная полиція, могутъ принять участіе въ преслѣдованіи и поимкѣ бѣглыхъ и бродягъ волостныя и сельскія начальства: какъ тѣ, такъ и другія не имѣютъ къ этому ни какихъ средствъ, если не предоставить, съ этою цѣлію, въ ихъ полное распоряженіе всего населенія извѣстной мѣстности.

Но большинство населенія, какъ объяснено выше, имѣетъ причины не только сочувствовать бродягамъ, но даже весьма основательно бояться ихъ. По этому, волостные суды и расправы относятся весьма снисходительно къ лицамъ, изобличеннымъ въ пристанодержательствѣ бѣглыхъ и бродягъ, если только такое пристанодержательство не было соединено съ какимъ нибудь другимъ преступленіемъ: ихъ, обыкновенно, приговариваютъ къ аресту на 3 сутокъ, иногда къ употребленію въ общественныя работы и рѣдко къ тѣлесному наказанію въ самой низшей степени, отъ 5 до 10 ударовъ.—Въ 1870 г. въ Томской губерніи было поймано бѣглыхъ и бродягъ 1600 человѣкъ, въ 1871 г.—904; въ 1872 г.—662; въ 1873 г.—703 челов. Но еслибы Городскія и Окружныя Полиціи, а равно волостныя и сельскія начальства употребили энергическія мѣры для преслѣдованія и поимки бѣглыхъ и бродягъ, то мѣстное управленіе въ самомъ непродолжительномъ времени было бы поставлено въ крайнее затрудненіе, куда помѣщать пойманныхъ, тѣмъ болѣе, что въ Томской губерніи, какъ центральной полосѣ Сибири, скопляются всѣ бродяги, бѣгущіе съ заводовъ, рудниковъ и поселеній Восточной Сибири, и что существующіе въ Томской губерніи остроги, за исключеніемъ Томскаго и Кузнецкаго, по ветхости и малопомѣстительности, не представляютъ къ этому ни какой возможности. Въ судебныхъ мѣстахъ, въ 1870 г. разсматривалось 38 дѣлъ о бродяжествѣ и укрывательствѣ бѣглыхъ; по нимъ признано виновными 50 человѣкъ; въ 1871 г.—39 дѣлъ, виновныхъ 22 ч.; въ 1872 г.—35 дѣлъ, виновныхъ 21 ч.; въ 1873 г.—51 дѣло, виновныхъ 51 челов.

Въ довольно близкомъ родствѣ съ бродяжествомъ находится—нищенство. Нищіе тѣ же бродяги, равно какъ бродяги—тѣ же нищіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ старой Сибири нищихъ было довольно много. Постоянные походы первыхъ нашихъ колонистовъ съ цѣлію покорить туземныя инородческія племена, постоянныя битвы съ ними, частые пожары, частые неурожаи, наконецъ упорная борьба съ дѣвственной и суровой природою страны,—всѣ эти обстоятельства необходимо должны были обусловить существованіе значительнаго числа калѣкъ, неизлѣчимо больныхъ, вдовъ и сиротъ, которымъ, для пропитанія себя, оставалось одно средство просить милостыню. Въ послѣдствіи времени, именно въ концѣ XVII в., когда въ Россіи, вслѣдствіи различныхъ злоупотребленій со стороны нищенства, возникали гоненія противъ него, число нищихъ въ Сибири должно было значительно увеличиться, по случаю ссылки ихъ сюда на поселеніе.—30 Ноября 1691 г. былъ изданъ указъ слѣдующаго содержанія: «извѣстно Великимъ Государямъ (Петру и Іоанну Алексѣевичамъ), что на Москвѣ гуляющіе люди, подвязавъ руки, также и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни, а по осмотру они всѣ здоровы; и тѣхъ людей имать и распрашивать и по распроснымъ рѣчамъ ссылать посадскихъ людей въ тѣжь посады, изъ коихъ они пришли, а дворцовыхъ крестьянъ въ дворцовыя волости, а помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ, а буде тѣ люди съ сего Великихъ Государей указу впредь объявятся въ Москвѣ въ томъ же нищенскомъ образѣ и въ притворномъ лукавствѣ, и тѣмъ учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку *въ дальніе сибирскіе городы.*» Извѣстно, что Петръ I, врагъ всякой праздности, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ заклятымъ врагомъ нищенства, и въ теченіи всей

своей жизни велъ съ нимъ непримиримую войну. 20 Іюня 1718 г. изданъ былъ имъ общій законъ, по которому «престарѣлые и увѣчные должны быть отсылаемы въ богадѣльни, а прочихъ гулящихъ, который впервые пойманъ, такихъ бить нещадно кнутомъ,» и отдавать или отсылать въ прежнія мѣста жительства, гдѣ ихъ должно заставлять работать, «чтобъ не даромъ хлѣбъ ѣли;» тѣхъ же изъ нихъ, кого поймаютъ въ другой или третій разъ въ нищенствѣ, «бивъ на площади кнутомъ, посылать въ каторжную работу, а бабъ въ шпингаузъ, а рабочихъ на суконный дворъ и къ прочимъ мануфактурамъ.» 16 Ноября 1720 г. изданъ былъ другой законъ, которымъ повелѣвалось, чтобы «нищимъ милостыни, по улицамъ и при церквахъ, не просить, и никому не давать подъ страхомъ штрафа съ подающаго милостыню— въ 5 руб.» за каждый разъ, за каждую подачу. Любопытно свидѣтельство знаменитаго русскаго крестьянина Посошкова о мнѣніи общества, относительно этого закона, которымъ Петръ I заключилъ рядъ своихъ мѣръ противъ нищихъ. «А и нынѣшній указъ о нищихъ, говоритъ онъ, учиненъ не вельми здраво, потому: велѣно штрафовать тѣхъ, кто милостыню подаетъ. И тѣмъ ни когда не унять, и то положеніе и Богу не безъ противно есть: Богъ положилъ предѣлъ, т. е. законъ, что давать милостыни, а судьи наши за то штрафуютъ.» [42]) И тутъ же, во исполненія намѣренія закона, Посошковъ предлагаетъ мѣры, еще жившія въ быту народа и единственно сильныя противодѣйствовать общественному злу, а именно: 1) общинное призрѣніе и заведеніе богадѣленъ по приходамъ, при церквахъ, въ городахъ, селахъ и погостахъ для истинно нуждающихся; 2) предписаніе владѣльцамъ кормить своихъ крестьянъ и не пускать по міру, для пріобрѣтенія за нихъ пожилаго, по указамъ о бѣглыхъ, и только послѣ того 3) строгія наказанія, налагаемыя на нищенствующихъ, завѣдомо гулящихъ, доказаннымъ образомъ преступныхъ. Къ этимъ то мѣрамъ отчасти и стало прибѣгать наше правительство съ начала XVIII вѣка. 23 Января 1801 г. послѣдовалъ именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату повсемѣстно предписать, «чтобы нищіе горожане отъ города, изъ казенныхъ селеній на счетъ сихъ селеній, а помѣщичьи на счетъ помѣщиковъ содержимы были и отнюдь не шатались.» Но особенно заслуживаетъ вниманія въ этомъ отношеніи, послѣдовавшее по Высочайшему повелѣнію, циркулярное предписаніе Губернаторамъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 20 Іюля 1809 г. № 757. «Между различными предметами благоустройства государственнаго вообще, говоритъ Министръ, хотя правительство не однократно обращало вниманіе на пресѣченіе хожденія и бродяжничества нищихъ, сколько съ одной стороны порядку противнаго, столько съ другой въ послѣдствіяхъ его вреднаго; не смотря на то, по всюду почти крестьяне и другихъ состояній люди, по тѣлеснымъ или естественнымъ недостаткамъ и неспособности къ труду, а нерѣдко по собственному нерадѣнію и порокомъ въ нищету впавшіе и способовъ пропитанія неимѣющіе, скитаются по городамъ, селамъ и дорогамъ для испрошенія подаянія.» Въ устраненіе такого безпорядка, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ предписалъ Губернаторамъ исполнить въ этомъ отношеніи въ точности слѣдующія, удостоенныя Высочайшаго одобрѣнія, правила: 1) «чтобы всѣ нищіе, по дорогамъ, городамъ и селеніямъ шатающіеся и просящіе милостыни, были собраны, безъ всякаго имъ впрочемъ притѣсненія или огорченія, и переписаны—какимъ помѣщикамъ или казеннымъ волостямъ или инымъ вѣдомствамъ принадлежатъ они; 2) чтобъ, по учиненіи сей переписи, пре-

[42]) Сочин. Посошкова, стр. 103.

провождены они были къ помѣщикамъ, въ волостныя правленія или въ общества, къ которому кто принадлежитъ, наблюдая, чтобы и въ семъ случаѣ люди сіи, подаяніемъ пропитаніе снискивавшіе, не потерпѣли стѣсненія или огорченія; 3) въ продолженіи переписи и времени препровожденія ихъ, должны они быть содержимы на счетъ Приказа Общественнаго Призрѣнія; 4) помѣщикамъ, волостнымъ правленіямъ и другимъ вѣдомствамъ должны при семъ подтверждены быть всѣ тѣ указоненія, по коимъ обязаны они пещись о содержаніи и призрѣніи людей, пришедшихъ въ невозможность кормиться работою и трудами, на счетъ ихъ обществъ, и по коимъ, въ случаѣ прилученія кого либо изъ нихъ въ бродяжничествѣ для прошенія милостыни, обязаны отвѣтомъ сами помѣщики или ихъ управители, волостныя правленія и градскія общества: 5) возложить на городскія и земскія полиціи строгое наблюденіе, чтобы нищіе, препровожденные въ свои селенія или въ городахъ къ ихъ обществамъ, имѣли въ оныхъ и пропитаніе; 6) на случай, если бы со стороны кого либо изъ помѣщиковъ или волостныхъ правленій, равно какъ и другихъ обществъ Высочайшая воля о призрѣніи неимущихъ людей, къ нимъ принадлежащихъ, оставлена была безъ должнаго въ строгомъ смыслѣ уваженія, и если бы еще кто вторично уличенъ былъ въ бродяжествѣ, то, по забраніи людей сихъ съ тою же осторожностію и человѣколюбіемъ, о коихъ выше примѣчено, и по вторичномъ приличеніи ихъ въ бродяжествѣ для прошенія милостыни, содержать ихъ на счетъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, взыскивая съ виновныхъ въ несмотрѣніи за ними и непризрѣніи ихъ все то, что содержаніе ихъ Приказу стоить будетъ, до самаго возвращенія ихъ въ волости, селенія и общества, къ какимъ они приписаны, и 7) сверхъ возвращенія съ виновныхъ издержки отъ казны, должны они подвергаемы быть и взысканію, какое на ослушниковъ закона постановлено.» Въ дополненіи къ этому, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отъ 20 Августа того же года за № 1032 далъ знать Губернаторамъ, что «Государь Императоръ, принимая во вниманіе, что судьба людей, по дряхлости лѣтъ, немощамъ и тѣлеснымъ недостаткамъ снискивать пропитаніе не могущихъ, можетъ стѣснена быть при недостаткѣ вообще способовъ къ ихъ содержанію, Высочайше повелѣть изволилъ, чтобъ повсемѣстно изысканы были средства къ доставленію пропитанія престарѣлымъ, слѣпымъ, нѣмымъ и вообще людямъ, столько изувѣченнымъ или отъ рожденія ихъ такимъ недостаткамъ подверженнымъ, кои всякій трудъ и работы дѣлаютъ для нихъ невозможными.» Послѣдствія такого распоряженія по Томской губерніи были слѣдующія: 1) Томскій Губернаторъ отъ 6 Октября 1809 г. за № 2636 донесъ Министру, что онъ «къ успокоенію такого состоянія людей, кои, не имѣя ни родственниковъ, ни имѣнія, по по поврежденіямъ и увѣчностямъ не могутъ себя пропитывать безъ помощи, за удобное признаетъ, чтобъ во всякомъ селѣ, а въ городахъ при всякой церкви были попеченіемъ прихожанъ и жителей заведены двѣ избы, подъ названіемъ «богадѣленъ,»—одна для мужскаго, а другая для женскаго пола, гдѣ и снабдѣвать ихъ теплотою, прокормленіемъ и нужною для прикрытія наготы одеждою; для лучшаго во всемъ семъ наблюденія предоставить учрежденнымъ выбираемымъ отъ обществъ церковнымъ старостамъ, подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ;» 2) по исчисленіямъ городскихъ и земскихъ полицій, всѣхъ нищихъ въ губерніи оказалось только 119 человѣкъ и для помѣщенія ихъ въ нѣкоторыхъ селахъ устроены богадѣльни; но къ устройству подобныхъ богадѣленъ въ городахъ встрѣтилось затрудненіе въ томъ, что при церквахъ для этихъ зданій нѣтъ ни гдѣ мѣста, такъ какъ, по именному указу 8 Мая 1779 года, велѣно ближайшія къ церквамъ земли отводить священно и церковно-служителямъ; вслѣдствіе этого, Святѣйшій Сунодъ отъ 14 Февраля 1811 г. за

№ 174 отозвался Министру Юстиціи: «поелику, въ силу приведеннаго узаконенія, ближайшія къ церквамъ мѣста предпочтительно въ пользу священно и церковнослужителей предоставляются, то отъ усердія и благонамѣренности прихожанъ зависѣть будетъ для учрежденія богадѣленныхъ домовъ избрать и купить иныя мѣста, также по близости къ церковнымъ мѣстамъ лежащія» и 3) но охотниковъ на покупку такихъ мѣстъ, а равно жертвователей на поддержку устроенныхъ уже въ нѣкоторыхъ селеніяхъ богадѣленъ—неоказалось; по этому въ городахъ при церквахъ богадѣльни остались неустроенными, а въ селеніяхъ, безъ поддержки, существованіе ихъ прекратилось само собою.

Въ настоящее время всѣхъ богадѣленъ въ губерніи 9; изъ нихъ 2 въ Томскѣ подвѣдомственны Приказу Общественнаго Призрѣнія, 1 содержится Томскимъ городскимъ обществомъ на счетъ мѣщанскаго капитала, а остальныя 6, устроенныя собственно для призрѣнія дряхлыхъ и увѣчныхъ ссыльныхъ, находятся въ разныхъ пунктахъ Каинскаго, Томскаго и Маринскаго округовъ. Онѣ состоятъ въ вѣдомствѣ Экспедиціи о ссыльныхъ и содержатся на счетъ экономическаго капитала. Въ богадѣльняхъ Приказа въ 1873 г. было призрѣваемо 33, а въ остальныхъ 191 чел.

По неимѣнію статистическихъ данныхъ, мы затрудняемся даже приблизительно опредѣлить число нищихъ въ Томской губерніи. Но что число это, по крайней мѣрѣ въ городахъ, довольно значительно, въ этомъ легко можетъ убѣдиться каждый, встрѣчая, особенно въ праздничные дни, постоянно нищихъ. Большинство изъ нихъ ссыльные, которые, по старости, дряхлости и увѣчьямъ, не въ состояніи снискивать себѣ пропитаніе работами. Но нищенствуютъ также и крестьяне.—Иногда въ какой нибудь деревнѣ внезапно пропадаетъ старикъ и находится въ отсутствіи годъ, два, три, а потомъ снова является въ мѣсто жительства. На вопросъ, гдѣ былъ, онъ, обыкновенно, отвѣчаетъ, что ходилъ Христа ради собирать милостыню. По деревнямъ нищіе встрѣчаются рѣже, но за то здѣсь они разъѣзжаютъ иногда, по отдаленности селеній другъ отъ друга, на лошадяхъ, которыхъ даютъ имъ нѣкоторые крестьяне за извѣстную плату. Плату эту нищій долженъ выручить посредствомъ сбора подаянія.—Нищіе бродятъ и разъѣзжаютъ по одиночкѣ, не составляя артелей и не прибѣгая ни къ какимъ средствамъ, чтобы успѣшнѣе промышлять своимъ ремесломъ: юродивымъ и святымъ наши крестьяне не много довѣряютъ.

Здѣсь кстати коснуться вообще о вліяніи народныхъ суевѣрій на совершеніе разныхъ преступленій въ Томской губерніи.

Въ старину Сибирь извѣстна была правительству, какъ страна, сильно зараженная суевѣріемъ. Изъ грамоты Верхотурскому воеводѣ Всеволожскому, отъ 13 Декабря 1649 г., мы уже видѣли обвиненіе сибиряковъ въ томъ, что они «чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ въ домъ себѣ призываютъ, и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхованіе.»—Съ другой стороны, Сибирь извѣстна была также какъ страна, произращающая много «воровскихъ кореньевъ и травъ, на лекарство пригодныхъ,» гдѣ есть довольно людей, знающихъ свойства этихъ кореньевъ и травъ. Изъ царской грамоты Верхотурскому воеводѣ князю Пожарскому отъ 13 Октября 1625 г. видно, что онъ, Пожарскій, нашелъ у проѣзжаго протопопа Якова въ коробкѣ «траву багрову, да трои корени, да камокъ пухчеватъ бѣлъ, и того протопопа распрашивалъ: какая

трава и корень, и какое угодье.» Оказалось, что протопопу далъ эти подозрительныя вещи Тобольскій казакъ Степанко Козьи-Ноги. По сему воеводѣ предписывалось «того протопопа Якова и коробью, что у него вынята, съ воровскимъ кореньемъ, прислать къ Москвѣ съ приставомъ.» [43]) Иногда и само правительство требовало отъ воеводъ розысканія въ Сибири, посредствомъ свѣдующихъ людей, различныхъ полезныхъ травъ и присылки ихъ на Москву. Такъ, въ грамотѣ, посланной Верхотурскому же воеводѣ Хрущову въ Октябрѣ 1675 г., предписывалось: «въ Тобольску и въ Томскомъ и Тобольскаго и Томскаго разряду въ городѣхъ, и на Ленѣ въ Якуцкомъ, и въ Илимскомъ, и тѣхъ городовъ уѣзду въ селѣхъ и деревнѣхъ сыскивать для лекарственныхъ составовъ и водокъ травъ и иныхъ вещей знающимъ людемъ и, набравъ лекарственныхъ травъ, строить изъ нихъ лекарства и водки, и присылать къ Москвѣ въ Сибирскій Приказъ.» [44]) Казалось бы, что, при такихъ обстоятельствахъ, въ старинной Сибири должны были случаться весьма часто преступленія, совершаемыя подъ вліяніемъ суевѣрія, съ помощію при томъ различныхъ вредныхъ растѣній. Однакожъ, до насъ не дошло почти ни какихъ фактовъ, которые могли бы оправдывать такое предположеніе. Что касается до Томской губерніи, то намъ извѣстны только слѣдующіе случаи, въ которыхъ обнаружилось суевѣріе здѣшнихъ жителей, вызвавшіе разсмотрѣніе дѣлъ судомъ.

Въ Августѣ м. 1737 г. сынъ боярскій Мещериновъ привелъ съ собою въ Томскую воеводскую канцелярію двѣнадцати-лѣтнюю дворовую свою дѣвочку Ирину Иванову и объявилъ, что она «назадъ четвертый годъ *испорчена и есть въ утробѣ у нея дьявольское навожденіе*, которое говоритъ ясно человѣческимъ голосомъ вслухъ.» Чтобы убѣдиться въ этомъ, Ирину отправили на испытаніе въ Томскій дѣвичій монастырь, подъ надзоръ игуменьи. Послѣ долгаго наблюденія, оказалось, что въ утробѣ Ирины дѣйствительно находится дьяволъ, который говоритъ человѣческимъ голосомъ. На самомъ дѣлѣ, Ирина обладала даромъ чревовѣщанія и всѣ разговоры дьявола были ни что иное, какъ шутка съ ея стороны, имѣвшая цѣлью попугать Мещеринова, игуменью и другихъ лицъ. Однакожъ эта шутка разыгралась довольно плохо. По важности дѣла, Ирину послали въ Тобольскъ; здѣсь стали снова изслѣдовать ее, пытали и наконецъ открыли истину. Въ 1739 г. дѣло это рѣшено слѣдующимъ приговоромъ: «дѣвку Ирину за ложный вымыселъ дьявола, въ чемъ она въ застѣнкѣ съ подъему и съ битья розогъ винилась, что объ ономъ о всемъ затѣяла вымыселъ отъ себя ложно, хотя она и несовершенно-лѣтняя, однакожъ, за вышеобъясненныя, злоумышленныя, притворныя, богопротивныя дѣла, на страхъ другихъ, на основаніи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго указа, учинить наказанье: бить кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ Охотскій острогъ и опредѣлить ее въ работы вѣчно по разсмотрѣнію тамошняго начальства.» Досталось и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ. [45]).

Въ Іюнѣ м. 1820 г. Кузнецкій Городничій донесъ Томскому Губернатору, что «7 числа того мѣсяца мѣщанка Авдотья Пырсикова отъ сильной рвоты выпрыгнула изъ гортани съ кровью живую лягушку, величиною среднюю, цвѣтомъ желтосѣрую, полосатую; при свидѣтельствѣ чего, оная Авдотья

---

[43]) Акты истор. III, № 137.
[44]) Акты ист. IV, № 251.
[45]) Отеч. Зап. Т. CXXXV, от. 1. Есипова—Разсказы изъ дѣлъ XVIII ст.

Пырскова объявила, что она въ животѣ болью и частою рвотою была одержима съ Фоминой недѣли, но отчего сія тварь зародилась у ней въ животѣ, того незнаетъ, кромѣ что, по ссорамъ, полагаетъ сомнѣніе на невѣстку свою Авдотью же Пырскову, у которой она на Фоминой недѣлѣ была въ домѣ и она, Авдотья, ее потчивала какими то съ соромъ щами, сказывая, что въ сныя нечаянно попала изъ трубы сажа. По сему сумнѣнію, хотя у упомянутой ея невѣстки Авдотьи въ домѣ того часу сдѣланъ обыскъ но ничего изъ вреднаго и сумнительнаго или имѣющаго ядъ не найдено.» Къ этому Городничій присоединялъ, что о такомъ произшествіи онъ началъ производить слѣдствіе; мѣщанка Пырскова теперь чувствительно боли неимѣетъ, «а изрыгнутая ею лягушка хотя въ воду была посажена, но чрезъ три часа изгибла.» На такое донесеніе Губернаторъ отозвался Городничему, что «происшествіе сіе есть совершенно противуестественное и должно быть извѣстно высшему начальству съ препровожденіемъ и самой лягушки,» а потому ему предписывалось донести, «сохранена ли оная лягушка или истреблена; буде же она сохраняется, то, для предупрежденія отъ гнилости, необходимо положить ее чрезъ медицинскихъ чиновниковъ въ стеклянную банку, спиртомъ наполненную, и держать въ холодномъ мѣстѣ.» За тѣмъ, поручая Городничему представить подробное свѣденіе объ оказавшемся по слѣдствію, Губернаторъ поставлялъ ему на видъ, «чтобы, при произведеніи изслѣдованія о семъ, примѣчательное употреблено было наблюденіе, не подброшена ли со стороны та лягушка въ рвоту, и внимательно бы самыя малѣйшія обстоятельства разсматриваемы были, точная ли то истинна и нѣтъ ли въ семъ дѣлѣ, яко не обычайномъ и всегда состоящемъ у ученыхъ и натуралистовъ въ сомнѣніи, сокрытаго искуснаго обмана для какихъ либо, требовавшихъ сего, видовъ или другихъ предположеній.»—Городничій донесъ, что лягушка, высушенная, безъ малѣйшаго поврежденія, хранится въ Городническомъ Правленіи, а самое слѣдствіе объ ней отослано на рѣшеніе въ городовой Магистратъ. [46]) Но чѣмъ это дѣло рѣшено, намъ неизвѣстно.

Въ Генварѣ м. 1844 г. Алтайское волостное правленіе представило въ Бійскій Земскій Судъ крестьянскую вдову д. Бѣлокурихи Авдотью Тамышеву, такъ какъ общество д. Бѣлокурихи обвиняетъ ее въ томъ, что она портитъ людей. Земскій Судъ поручилъ участковому засѣдателю произвести объ этомъ формальное слѣдствіе. Въ домѣ Тамышевой сдѣланъ подробный обыскъ, при которомъ найдено девять узелковъ: въ первомъ изъ нихъ находилась ярь енисейка, во второмъ—синій купоросъ, въ третьемъ кичилъ, въ четвертомъ —змѣиный выползокъ, въ пятомъ—неизвѣстная трава съ человѣческими волосами и калючками ладону, въ шестомъ маленькій камешекъ желтаго цвѣта, въ седьмомъ—два такихъ же камешка, въ осьмомъ—какая то трава, смѣшанная съ солью, огуречнымъ сѣменемъ, сухарями и камешками, и въ девятомъ —камешки бѣлаго цвѣта. Спрошенные при слѣдствіи лица, подвергшіяся порчѣ, показали: 1) *крестьянинъ Алексѣй Тырыжкинъ*, что въ 1843 г. онъ болѣнъ былъ рѣзачкою (гоноррея), отъ которой его пользовала Тамышева наговорами и парила въ банѣ 7 разъ, причемъ говорила ему, что онъ испорченъ и что порча та досталась ему по ошибкѣ, такъ какъ готовлена была не для него; однакоже, облегченія отъ этого леченія онъ ни сколько не чувствуетъ и у него сдѣлалась еще грыжа; 2) *крестьянинъ Егоръ Шипуновъ*, что въ концѣ 1843, г. онъ самъ, жена его и дочь были больны рѣзачкою, которую причинила имъ едвали не Тамышева, такъ какъ передъ тѣмъ, какъ имъ

[46]) Дѣло Том. Архива № 43. 44.

захворать, она не рѣдко приходила въ ихъ домъ безъ всякаго дѣла, и вовремя болѣзни говорила женѣ его, что «ей подано смертное;» тоже показали жена и дочь Шипунова, съ добавленіемъ, что помянутая болѣзнь у нихъ прошла; 3) *крестьянинъ Димитрій Лящикинъ*, что въ 1843 г. приходила къ нему въ домъ Авдотья Тамышева и просила его избить ей шерсть, но какъ ему было не досужно, то онъ отказалъ ей, а на другой день почувствовалъ боль въ животѣ и рѣзачку; за излеченіемъ болѣзни онъ обратился къ Тамышевой, которая три раза водила его въ баню, парила, наговаривала что-то и давала пить какую то распаренную траву, объясняя притомъ, что «ему подано смертное» и что лечить ей запрещаетъ служительская жена Афимья Клепикова; пользы отъ леченія Тамышевой онъ не получилъ и продолжаетъ страдать жестокою внутреннюю болью; и 4) *крестьянка Дарья Казанцева*, что, страдая издавна грыжею, она обратилась наконецъ за пособіемъ къ Тамышевой, которая водила ее 3 раза въ баню, парила, нашептывала что то и поила какою-то нареной травой, объясняя притомъ, что ей запрещаютъ лечить ее, но кто запрещаетъ—не сказала; облегченія отъ болѣзни своей Казанцева ни сколько не получила. Противъ всѣхъ этихъ обвиненій Авдотья Тамышева объяснила, что найденныя у ней при обыскѣ вещества она держала—ярь енисейку отъ порѣза или посѣка тѣла, синій купоросъ—для прибавленія въ краску, кичилъ и камешки бѣлаго цвѣта отъ грыжи, змѣиный выползокъ отъ лихорадки; найденная въ пятомъ узелкѣ трава есть мята, которую она держала для запаха, но отчего въ нее попали человѣческіе волоса, она не знаетъ; три камешка желтаго цвѣта найдены ею въ мышиномъ гнѣздѣ, ихъ слѣдуетъ брать родильницамъ въ ротъ для облегченія мукъ; трава, найденная въ девятомъ узелкѣ, тоже мята, а смѣшана она съ солью и сухарями по неосторожности; за тѣмъ, въ леченіи всѣхъ поименованныхъ выше лицъ Авдотья Тамышева запиралась.—На повальномъ обыскѣ она въ поведеніи неодобрѣна. Окружный лекарь, разсмотрѣвъ вещества, взятыя у Тамышевой, нашелъ, что изъ нихъ ярь енисейка, синій купоросъ, кичилъ и бѣлые камушки принадлежатъ къ веществамъ вреднымъ и могутъ быть употребляемы въ лекарство съ большою осторожностію людьми знающими; всѣ же прочія—безвредны.—Бійскій Окружный и Томскій Губернскій Судъ, находя Тамышеву виновною въ имѣніи у себя вредныхъ веществъ и леченіе ими людей, приговорили ее къ наказанію при волости розгами 10 ударами, съ представленіемъ обществу права ходатайствовать о переселеніи ее въ другое мѣсто.

Въ Мартѣ м. 1842 г. Казанское волостное правленіе донесло Каинскому Земскому Суду, что сельское общество д. Усть-Тандовай, представляя ему проживающую въ той деревнѣ съ мужемъ крестьянку Лукерью Малышеву, обвиняетъ ее въ порчѣ женщинъ и дѣвокъ, а потому проситъ о переселеніи ее въ другое мѣсто. Когда въ д. Усть-Тандовау пріѣхалъ слѣдователь, то общество представило ему трехъ, испорченныхъ Малышевой, женщинъ, которыя показали, что болѣзнь ихъ начинается сильною икотою, потомъ они чувствуютъ боль сердца, наконецъ онѣ поднимаютъ крикъ и приходятъ въ безпаметство; всѣ эти припадки появляются особенно при куреніи ладаномъ или табакомъ, а равно прислѣдователь произвелъ опытъ. Больныя начали усиленно икать, силы ихъ напрягались, біеніе сердца усиливалось, въ желудкѣ начинало урчать, по немъ перекатывалось что то твердое, приближаясь все болѣе и болѣе къ груди; онѣ стонали, плакали, прялись всѣмъ тѣломъ, просили выпустить ихъ на чистый воздухъ; но въ безпамятство не впадали. На чистомъ воздухѣ всѣ припадки проходили. Одинъ изъ крестьянъ д. Усть-Тандовай, Матвѣй Кичигинъ, показалъ, что Лукерья Малышева испортила у

него племянницу и дочь и онѣ обѣ умерли—первая въ 1840, а вторую въ 1842 годахъ. Обвиненная ни въ чемъ не созналась и противъ нея не представлено ни какихъ уликъ, но какъ все общество единогласно ходатайствовало избавить его отъ нея, то слѣдователь распорядился тогда же переселить Малышеву въ другую деревню. Тѣмъ дѣйствія его по этому дѣлу и ограничились. Однако же начатое имъ слѣдствіе по этому предмету было не окончено, а потому пришлось дополнять его, спустя около десяти лѣтъ При дополненіи сельское общество д. Усть-Тандован показало, что, съ переселеніемъ Лукерьи Малышевой въ другое мѣсто, порча дѣвокъ и бабъ въ деревнѣ ихъ прекратилась; а крестьяне новаго мѣста жительства Малышевой отозвались, что они живетъ хорошо и не въ чемъ дурномъ не замѣчена. По этому судебныя мѣста рѣшили оставить это дѣло въ окончательномъ положеніи.

Въ Январѣ м. 1861 г. сильно заболѣла жена обывателя Зыряновскаго рудника Степана Холтурина—Дарья; а какъ мужу было извѣстно, что она имѣетъ деньги, которыя прячетъ неизвѣстно гдѣ, то онъ просилъ находившуюся у нихъ въ горничныхъ Ирину Пѣтункину спросить ее, куда они спрятаны. Спрашивали ли Пѣтункина Холтурину о деньгахъ или нѣтъ, неизвѣстно, но только Холтурина, выздоровѣвъ, не нашла въ клубкѣ нитокъ заметанныхъ тю 120 р. Подозрѣніе въ покражѣ пало на Ирину тѣмъ болѣе, что Дирья Холтурина ходила ворожить на картахъ къ занимающейся этимъ дѣломъ женѣ обывателя Ларіонова Евгеніи, которая сказала ей, что воровство падаетъ на Пѣтункину. Узнавъ объ этой ворожбѣ, Пѣтункина сама ходила къ Ларіоновой поворожить, что будетъ ей на судѣ, и когда та объяснила, что ей выпалъ «ударъ» и «печаль», то Пѣтункина сказала, что ей остается только надѣть на себя все чистое и тогда пускай приводятъ ее къ присягѣ, а она будетъ говорить, что не крала у хозяевъ денегъ. Ларіонова передала все это Холтуринымъ и, въ слѣдствіе этого, Степанъ Холтуринъ, заявляя о вышеизложенномъ волостному суду, просилъ его взыскать съ Пѣтункиной покраденныя деньги. На волостной судъ не нашелъ ни какихъ ясныхъ доказательствъ къ обвиненію Пѣтункиной, а потому положилъ въ искѣ Холтурина отказать.

Суевѣрія входятъ въ кругъ самыхъ старинныхъ и самыхъ завѣтныхъ вѣрованій народа; по этому они забываются имъ не скоро и не легко. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшніе крестьяне—старожилы Томской губерніи въ значительной степени сохранили и теперь это наслѣдство, доставшееся имъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, какія суевѣрныя примѣты соединены у насъ, напримѣръ, съ первымъ крикомъ кукушки: если кто весною въ первый разъ услышитъ голосъ ея спереди, противъ глазъ, тому весь годъ придется плакать; если съ затылка—умереть; если голосъ кукушки раздался съ правой стороны, то цѣлый годъ будешъ правъ, дѣлай что хочешь; но если съ лѣвой, то во всемъ будешь безъ вины виноватъ и т. п. Однако же, не смотря на то, должно замѣтить, что здѣшній крестьянинъ вообще далеко не такъ суевѣренъ, какъ крестьянинъ многихъ мѣстностей Великороссійскихъ губерній, и часто относится совершенно скептически къ тому, что для послѣдняго составляетъ истину, неподлежащую ни какому сомнѣнію Такому скептицизму, такому здравому взгляду на вещи, конечно должно приписать то обстоятельство, что знахари и колдуны здѣсь явленіе рѣдкое, такъ какъ имъ представляется мало поживы и всякая дѣятельность ихъ въ сферѣ чуднаго и сверхъ-естественнаго прекращается, большею частію, въ самомъ началѣ. Въ 1871 г. крестьянинъ Бійской волости Безпаловъ, выдавъ себя за знахаря, разъѣзжалъ по селеніямъ и лечилъ

лошадей, дѣлая для этого какіе то наговоры надъ дохлымъ поросенкомъ; за труды ему платили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деньгами и угощали виномъ. Но первый сельскій староста, узнавъ объ этомъ, арестовалъ знахаря и представилъ въ волостной судъ. Судъ призналъ дѣйствія Безналова мошенничествомъ и приговорилъ наказать за это розгами 15 ударами.—Тому же скептицизму и здравому взгляду должно приписать и то, что вліяніе народныхъ суевѣрій на совершеніе разныхъ преступленій, въ Томской губерніи такъ не значительно, что почти незамѣтно.

Наконецъ, скажемъ нѣсколько словъ о причинахъ существованія преимущественно тѣхъ или другихъ преступленій въ той или другой мѣстности губерніи.

Вся юго-восточная часть территоріи Томской губерніи принадлежитъ Бійскому округу и занята хребтами Алтайской горной массы. Мѣстность эта съ издавна была обитаема различными, довольно численными, племенами турскаго и монгольскаго происхожденія, среди которыхъ находились и остатки финновъ. Въ началѣ XVIII в., когда въ предгоріяхъ Алтая открыты были богатыя мѣдныя и серебряныя руды, здѣсь стали появляться первыя колоніи русскихъ. Пришельцы, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣчены были туземцами не дружелюбно, и между тѣми и другими началась борьба, сопровождавшаяся съ обѣихъ сторонъ убійствами, разбоями и грабежами. Борьба эта кончилась въ пользу новыхъ колонистовъ; однакожь, во всякомъ случаѣ, устройство первыхъ заводовъ и разработка первыхъ рудниковъ на Алтаѣ сопряжена была съ большими затрудненіями. Подобное положеніе дѣлъ, конечно, не могло дѣйствовать благотворно на характеръ первыхъ нашихъ колонистовъ этой мѣстности, не могло смягчить ихъ нравы и заставить ихъ полюбить выгоды мирной осѣдлой жизни; напротивъ, оно много способствовало къ тому, что этотъ характеръ, и безъ того не спокойный, сталъ еще болѣе безпокоенъ, что эти нравы, и безъ того не мягкіе, стали еще болѣе суровы, грубы, наклонны къ воинственному задору. Около половины XVIII в., русская колонизація на предгоріяхъ Алтая была уже довольно значительно упрочена, и около того же самаго времени, разнаго рода люди, стремившіеся по какимъ либо случаямъ ускользнуть изъ подъ надзора правительства,—раскольники, заводскіе мастеровые, ссыльные, преступники и т. п.,—двинулись въ самую глубь Алтая и водворились въ долинѣ р Бухтармы. Мѣстность эта была извѣстна у нихъ подъ названіемъ Бѣловодья или Камня, по чему и населявшіе ее назывались Каменьщиками.—Вскорѣ Каменьщики до того прославились буйствами, разбоями и грабежами, что не могли не обратить на себя вниманія какъ русскаго, такъ и китайскаго правительства, хотя ни то, ни другое не имѣло прямаго на нихъ вліянія, по недоступности горъ, гдѣ они поселились. Наконецъ, Каменьщики, видя, что они рано или поздно будутъ открыты горными партіями, начавшими довольно часто посѣщать ихъ край, рѣшились открыться нашему правительству и просить помилованія. Это случилось въ 1790 году, а въ 1791 г. Императрица Екатерина II издала милостивый манифестъ, которымъ было объявлено Каменьщикамъ полное прощеніе.—Мѣстность между рр Біей и Катунью стала заселяться нѣсколько позднѣе Бухтарминскаго края, именно не ранѣе конца XVIII и начала XIX в; но и здѣсь это заселеніе со стороны русскихъ сопровождалось постояннымъ насиліемъ и обидами относительно кочевавшихъ тамъ съ издавна инородцевъ. Не разъ наши колонисты отнимали у нихъ лучшія звѣроловныя

и рыболовныя мѣста, отгоняли цѣлые табуны ихъ скота, грабили и сожигали ихъ юрты. «Оные ясашные, писалъ въ 1814 г. Начальникъ Томской губерніи Сибирскому Генералъ-Губернатору,—оные ясашные, у коихъ отобраны земли горными крестьянами, требуютъ особенно вниманія, ибо нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть, види, какую бѣдность нынѣ тѣрпятъ кочующіе Кумандинцы, къ которымъ съ 1801 и 1802 года вдираются крестьяне и захватываютъ ихъ земли. Теперь много кочуетъ семействъ безъ всякихъ юртъ, въ полушалашахъ, при разложенномъ огнѣ, полунагія и питаются по большей части кореньями сараны».—Между тѣмъ, пока все это происходило на самомъ Алтаѣ, развитіе горныхъ промысловъ у подножія его должно было необходимо образовать нѣкоторые пункты, гдѣ населеніе сгруппировалось какъ въ городахъ и гдѣ оно вскорѣ усвоило себѣ рѣшительно характеръ городскихъ обывателей, со всѣми ихъ недостатками, пороками и преступленіями, —тѣмъ болѣе, что въ эти пункты, какъ болѣе отдаленные, начальство Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, переименованныхъ потомъ Алтайскими, постоянно ссылало самыхъ неугомонныхъ, самыхъ буйныхъ, самыхъ преступныхъ членовъ ввѣреннаго ему края. Мы говоримъ о рудникахъ и заводахъ Бійскаго округа.—Много лѣтъ прошло уже съ того времени, когда русскія колоніи впервые проникли въ горныя долины Алтая, застроили деревни и основали заводы у его подножія; однако же, не смотря на то, нынѣшніе жители этого края во многомъ походятъ еще на своихъ предковъ. Наклонность къ буйству, насилію и даже грабежамъ здѣсь развита гораздо сильнѣе, нежели гдѣ либо въ губерніи; простыя личныя обиды носятъ здѣсь характеръ уголовныхъ преступленій.

Вся средняя часть Томской губерніи занята округами Кузнецкимъ, Барнаульскимъ и Маріинскимъ, а отчасти южными полосами Томскаго и Каинскаго. Въ старину здѣсь жили, да и теперь еще живутъ, различныя племена тюркскаго и тюркско-финскаго происхожденія, извѣстныя у насъ подъ общимъ именемъ «татаръ»: татары Кузнецкіе, Барабинскіе, Чулымскіе. Кузнецкіе татары, заселяя обширную мѣстность, прилегающую къ рѣкамъ Томи, Мрасѣ и Кондомѣ, живя въ сосѣдствѣ горъ, богатыхъ рудами, издавна занимались выплавкою желѣзной руды и приготовленіемъ изъ нея различныхъ подѣлокъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту. Скотоводство также было у нихъ развито до цвѣтущаго состоянія: и теперь еще Кузнецкія лошади считаются лучшими въ губерніи. Когда мы познакомились съ Кузнецкими татарами въ концѣ XVII в., «тогда они, замѣчаетъ Миллеръ, не знали еще надъ собою ни какой чужой власти и жили въ природной своей вольности»; по этому подчинить ихъ нашей власти было не легко,—Барабинскіе татары, «злой и безпокойный народъ», какъ сказано въ замѣткахъ объ нихъ, приводимыхъ Веберомъ въ его запискахъ о Петрѣ Великомъ, жили въ нынѣшней Барабинской и Кулундинской степяхъ, занимаясь преимущественно скотоводствомъ: они держали большія стада лошадей, коровъ, овецъ, даже верблюдовъ. Еще во времена Палласа здѣсь бродили табуны дикихъ лошадей. «дичье», составлявшіе предметъ охоты для крестьянъ нынѣшняго Барнаульскаго округа. Какъ у народа пастушескаго, у Барабинскихъ татаръ, да и Кузнецкихъ тоже, воровство скота вообще и конокрадство въ частности, извѣстны были давно, подобно тому, какъ извѣстны они съ незапамятныхъ временъ у другихъ пастушескихъ племенъ, какъ, напримѣръ, у киргизовъ.—Когда Барабинцы были окончательно усмирены, Бараба стала заселяться русскими. Это въ особенности должно отнести ко времени управленія Сибирью Губернатора Чичерина (1762—1780.) Новыя селенія по Барабѣ наполнялись ссыльными въ Сибирь на поселеніе и преступниками. Но какъ этихъ людей было мало и

при томъ они были опасны, то Чичеринъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе набрать для этого людей годныхъ съ семействами въ зачетъ рекрутъ. «Здѣшніе—колонисты, говоритъ Фалькъ, состоятъ изъ негодныхъ рекрутъ или убѣжавшихъ изъ Россіи крестьянъ, плутовъ, воровъ и другихъ преступниковъ, кромѣ смертоубійцъ».—Чулымскіе татары были преимущественно звѣроловы. Они занимали все теченіе р. Чулыма и его притоковъ, слѣдовательно жили по сосѣдству съ тогдашними кочевьями киргизовъ, находившимися по р. Урюпу, около такъ называемыхъ Божьихъ озеръ. По недостатку свѣденій, намъ неизвѣстно, оказали ли Чулымскіе татары какое либо сопротивленіе къ обложенію ихъ ясакомъ со стороны русскихъ, однако же, по всей вѣроятности, дѣло не обошлось безъ кровавыхъ схватокъ. Изъ уцѣлѣвшихъ до насъ актовъ видно, что Кетскій воевода Посникъ—Вѣльскій въ 1605 г. увѣдомилъ Томскихъ воеводъ о возстаніи, которое готовятъ, въ числѣ другихъ, и эти инородцы, грозя истребить какъ Томскъ, такъ и Кетскій острогъ. Однако же это намѣреніе ихъ осталось безъ послѣдствій, отчасти потому, что объ немъ узнали заблаговременно, отчасти потому, что не далѣе, какъ въ слѣдующемъ 1606 г. они потерпѣли сами страшное раззореніе со стороны киргизовъ. Во всякомъ случаѣ, живя въ сосѣдствѣ съ этимъ народомъ, Чулымскіе татары необходимо должны были усвоить себѣ многія изъ его хищническихъ привычекъ.—Въ настоящее время всѣ эти племена, Кузнецкіе, Барабинскіе и Чумымскіе татары, живя среди или по близости русскихъ, конечно, давно уже утратили болѣе рѣзкія особенности своего первоначальнаго характера, но за то эти особенности не могли не привиться, хотя отчасти, къ русскому населенію.—Средняя часть Томской губерніи составляетъ самую населенную мѣстность края.—Здѣсь находятся золотые промысла, нѣсколько горныхъ заводовъ, разработываются каменно-угольныя копи; здѣсь лучшее хлѣбопашество и скотоводство; здѣсь пролегаетъ большой Сибирскій трактъ, по которому, въ теченіи большей части года, производится движеніе всей торговли, здѣсь, наконецъ, самые бойкіе промышленные и торговые пункты губерніи, города Томскъ и Барнаулъ. Томскъ, съ 25 т. жителей, находясь на перепутьѣ между югомъ и сѣверомъ, западомъ и востокомъ Сибири, не далеко отъ соединенія судоходныхъ рѣкъ Оби и Томи, является складочнымъ мѣстомъ всей Сибирской торговли, чрезъ которое проходитъ до 3 м. пудовъ товарной клади въ годъ.—Барнаулъ, при населеніи въ 13 т, хотя и находится въ сторонѣ отъ большаго Сибирскаго тракта, но тѣмъ не менѣе—положеніе его въ центрѣ хлѣбороднаго края и горнозаводской дѣятельности, при судоходной Оби, вызываетъ довольно значительное торговое движеніе. Если принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, а равно и то, что въ трехъ округахъ, входящихъ въ составъ средней полосы Томской губерніи, именно въ Маріинскомъ, Томскомъ и Каинскомъ, сосредоточивается все ссыльное населеніе края, такъ что, какъ замѣчено уже выше, на каждыхъ 5 человѣкъ старожиловъ приходится по 1 ссыльному,—если принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, то будетъ понятно, что эта полоса губерніи отличается преимущественно разнообразіемъ и многочисленностью преступленій, свойственыхъ какъ городскому, такъ и сельскому населенію. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь въ значительной степени распространены: конокрадство, похищеніе золота и другихъ металловъ, обыкновенное воровство и мошенничество во всѣхъ ихъ видахъ, бродяжество, фальшивая поддѣлка денегъ и бумагъ, не рѣдки убійства, съ цѣлію грабежа. Послѣднее въ особенности относится къ мѣстности, прилегающей къ большему сибирскому тракту.— Нѣкогда эта мѣстность была извѣстна постоянными разбоями, грабежами и воровствомъ купеческихъ кладей, такъ что, для пресѣченія ихъ, необходимо было предпринимать особыя мѣры, Высочайше утвержденныя 16 Мая 1805 г. и состоявшія въ томъ, что въ извѣст-

ныхъ пунктахъ были учреждены пикеты изъ солдатъ.—Въ настоящее время, болѣе крупные факты разбоя и грабежа, вслѣдствіе увеличенія населенія, здѣсь, конечно, довольно рѣдки, однако же случаются; что же касается до воровства купеческихъ кладей, срѣзыванія чаевъ, идущихъ изъ Кяхты и т. п., то это повторяется и теперь весьма часто.

Наконецъ, сѣверная часть Томской губерніи, занимаемая Нарымскимъ краемъ и сѣверною полосою Каинскаго округа, представляетъ громадное пространство топей и болотъ, поросшихъ вѣковыми, едва доступными лѣсами (урманами), составляющими послѣдній пріютъ дорогаго пушнаго звѣря. По незначительности, разбросанности и бѣдности населенія, а равно по затруднительности путей сообщенія, все это пространство губерніи представляетъ весьма мало условій для совершенія преступленій и, дѣйствительно, онѣ здѣсь несравненно рѣже, нежели въ другихъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, съ 1806 по 1817 г. во всемъ Нарымскомъ краѣ было только 24 случая воровства, 2 мошенничества и 2 бродяжества. Но за то эта мѣстность извѣстна въ другомъ отношеніи: сѣверная часть Каинскаго и Томскаго округовъ, смежная съ Нарымскимъ краемъ, всегда давала и даетъ безопасное убѣжище для бѣглыхъ раскольниковъ, которые устраиваютъ тутъ себѣ скиты, и иногда проходятъ десятки лѣтъ прежде чѣмъ какой либо случай обнаружитъ существованіе этихъ скитовъ. Отсюда выходятъ иногда подложныя правительственныя распоряженія о дарованіи раскольникамъ разныхъ льготъ, о дозволеніи совершать имъ всѣ обряды своей вѣры и т. п. Будучи безвредны для православнаго населенія губерніи уже по крайней своей нелѣпости, эти подложныя распоряженія, тѣмъ не менѣе, производятъ волненія въ средѣ раскольничьяго населенія, заставляя его добиваться открытаго признанія всѣхъ дарованныхъ ему, будто бы, правъ и преимуществъ и неисполнять законныя требованія властей, нарушающія эти мнимыя права. Къ раскольничьимъ скитамъ присоединяются иногда и простые бродяги, занимающіеся фальшивою поддѣлкою кредитныхъ билетовъ и мелкой серебряной монеты.

Такимъ образомъ, каждая мѣстность Томской губерніи, смотря по характеру ея жителей, ихъ привычкамъ и занятіямъ, представляетъ особые виды преступленій.—Численность этихъ преступленій въ одномъ году, сравнительно съ другимъ, даже въ ближайшихъ пунктахъ одной и той же мѣстности, то увеличивается, то уменьшается, по различнымъ причинамъ: иногда вслѣдствіе удобства совершенія преступленій и скрытія ихъ слѣдовъ, иногда вслѣдствіе равнодушія жителей, иногда по невозможности преслѣдовать преступниковъ и даже опасности такого преслѣдованія и т. д.

Но какъ бы то ни было, какія не были бы причины существованія преступленій и какія преступленія ни существовали бы преимущественно въ той или другой мѣстности,—однако значительное число ихъ, повторяясь въ извѣстной мѣстности постоянно изъ года въ годъ, производитъ, наконецъ, то дѣйствіе, что жители привыкаютъ къ нимъ и считаютъ ихъ дѣломъ обыкновеннымъ.—Отсюда—чрезвычайно вредное вліяніе преступленій, съ одной стороны,—на нравственное развитіе поселянъ, а съ другой—на матеріальное ихъ благосостояніе.

3) Общественный бытъ, судъ и расправа.

Сибирь, сдѣлавшись колоніей русскаго государства, подчинилась власти воеводъ. Какъ только возникалъ городъ, то тотъ-часъ же къ нему приписывались инородческія сосѣднія волости; городъ съ волостями управлялся воеводами, обязанность которыхъ состояла въ собираніи ясака и водвореніи спокойствія и повиновенія между сосѣдними инородцами. Воеводы не зависѣли другъ отъ друга, а собранный ясакъ прямо доставлялся въ Москву. Эта разрозненность въ управленіи порождала иногда вражду между самими воеводами, которые изъ корыстолюбія старались захватить побольше волостей, для собиранія большаго количества ясака. Примѣръ такой вражды мы видимъ между воеводами Томскимъ и Кетскимъ за обладаніе волостями по р. Чулыму. Каковы были дѣйствія воеводъ во вновь пріобрѣтенной странѣ, лучше всего показываютъ слова челобитной, посланной въ Москву въ 1607 г. служилыми людьми на Томскихъ воеводъ Матвея Ржевскаго и Семена Бартенева. «Въ прошломъ во 114 году, говорится въ этой челобитной, какъ ѣхали Матвей и Семенъ въ Томскій городъ Обью рѣкою съ усть—Иртыша, и ѣдучи на Оби рѣкѣ ясашныхъ людей нытками пытали и поминки съ нихъ великіе имали и ихъ грабили, лисицы и соболи и рыбу и жиръ, чѣмъ они сыти бываютъ, имали насильствомъ, и отъ того въ ясашныхъ людяхъ стала измѣна великая и въ Томской городъ не приходятъ. И какъ они пріѣхали въ Томской городъ, и имъ, служивымъ людямъ, царское денежное и хлѣбное жалованье давали ихъ оклады въ кабалы, а какъ изъ нихъ кого пошлютъ по волостямъ для государева ясаку, и съ нихъ емлютъ отъ того посулы и поминки великіе, да въ посулѣхъ же на нихъ, служивыхъ людяхъ, емлютъ кабалы рублевъ по десяти и по двадцати. Да въ Томскій городъ приходила изъ киргизъ Номчина жена бити челомъ, чтобъ имъ, киргизскимъ людямъ, быть подъ царскою высокою рукою, и Матвей и Семенъ съ Номчины жены сняли грабежемъ шубу соболью, и за ту шубу киргизскій князецъ Номча воевалъ государевыхъ ясашныхъ людей Чулымскихъ волостей, а царскою казною Матвей и Семенъ владѣютъ и торгуютъ.» [46]) Что все это была не выдумка, а чистая правда, подтверждается слѣдующими словами имяннаго указа царей и великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей 24 Апрѣля 1695 года, въ которомъ вообще охарактеризованы дѣйствія Сибирскихъ воеводъ: «Воеводы, забывъ ихъ великихъ государей крестное цѣлованіе и презря жестокіе—указы, каковы въ наказѣхъ написаны, многое вино и всякіе товары чрезъ указъ въ Сибири провозятъ и сверхъ того въ Сибири вина курятъ и тѣмъ виномъ многую корысть себѣ чинятъ, а на кружечныхъ дворахъ вина на продажу записываютъ малое число, въ годъ иногда по 20 и по 10, а иногда написано въ продажѣ всего одно ведро, а въ иной годъ ни единаго ведра продать недали, и отъ того то ихъ государево вино оставалось и истекало и пропадало безденежно, да онижъ, воеводы, вмѣсто четырехъ или шести лѣтъ или больше въ тѣ частыя перемѣны провозятъ въ два года всякъ указное число вина и всякіе товары безпошлинно и ихъ государевой казнѣ въ строеніи струговъ и прогонныхъ денегъ великіе расходы, а ямщикамъ и по городамъ въ подводахъ и въ Сибири до Москвы и въ сибирскіе городы всякаго чина людемъ чинятъ многія обиды, налоги и разоренія; да

---

[46]) Миллеръ. Сибир. Истор. 1, 326 и 327.

онижъ для сбора ясачной казны отпускаютъ служилыхъ людей и емлютъ съ нихъ себѣ великіе взятки и посулы, и лучшіе соболи себѣ взявъ, а худые въ ихъ государеву казну отдаютъ, и тѣмъ ихъ государевы доходы въ ясакахъ и въ торговыхъ людей десятиннаго соболя и мягкой рухляди и таможенные и кабацкіе доходы остановили, а себѣ въ такіе малые годы великіе пожитки и богатство наживаютъ, а служилымъ и ясачнымъ людемъ, въ тѣхъ городѣхъ впредь не проча, великія обиды, налоги и грабежи чинятъ и для челобитья къ Москвѣ ихъ не пропускаютъ, и отъ того многіе служилые люди по зимовьямъ побиты, а иные отъ ихъ воеводскихъ налогъ измѣнили и въ Китайское государство отъѣхали.» Таковы были дѣйствія сибирскихъ воеводъ; а какъ, по пословицѣ, «каковъ попъ, таковъ и приходъ,» то таковы же были дѣйствія и всѣхъ другихъ низшихъ властей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только привести слова грамоты Петра I, Стольнику и воеводѣ Глѣбову, отъ 26 Ноября 1697 года, относительно злоупотребленій десятильниковъ, очень незначительныхъ чиновниковъ Тобольскаго Митрополита.— «Вѣдомо намъ, великому Государю, учинилась, сказано въ этой грамотѣ, что богомольца нашего, Преосвященнаго Игнатія, Митрополита Сибирскаго и Тобольскаго, домовые дѣти боярскіе посланы во всѣ сибирскіе городы и слободы десятильниками, и тѣ де десятильники градскимъ и уѣзднымъ людямъ нападками своими ложными многое чинятъ разореніе и обиды и налоги и, бивъ, заставляютъ по неволѣ дѣвокъ и вдовъ говорить ложно на градскихъ и уѣздныхъ всякихъ добрыхъ людей блудное воровство; а по тѣмъ ложнымъ съ тѣхъ людей емлютъ себѣ взятки великія; а иныхъ дѣвокъ разоблакаютъ нагихъ и груди давятъ до крови и всякое ругательство чинятъ, а иные де, которыя дѣвки и вдовы изъ за таковаго ихъ десятильниковъ мученія не винятся, и тѣхъ дѣвокъ и вдовъ они продаютъ такимъ людямъ, за какихъ ни кто бы дочери своей не далъ, а деньги де берутъ себѣ, и отъ того градскимъ и уѣзднымъ людемъ чинится разореніе великое» [47])

Воеводское управленіе въ Сибири продолжалось почти 120 лѣтъ. Въ 1708 г. Императоръ Петръ I, желая дать Россіи болѣе правильное управленіе, раздѣливъ ее на 8 губерній; при этомъ была образована *Сибирская* губернія, въ составъ которой входила не только вся Сибирь, на сколько она была извѣстна русскимъ, но и большая часть губерній Пермской и Вятской. Первымъ Сибирскимъ губернаторомъ былъ князь Гагаринъ, имѣвшій пребываніе въ Тобольскѣ.—Во время управленія богатою и отдаленною страною, Гагаринъ, не смотря на свою роскошную жизнь, нажилъ посредствомъ разныхъ злоупотребленій огромное богатство. Слухи объ этомъ дошли до Петра I, а потому Сибирскій губернаторъ былъ позванъ къ отвѣту и въ 1721 г. казненъ. Но въ чемъ былъ виновенъ Гагаринъ, въ томъ были виновны, болѣе или менѣе, всѣ другіе губернаторы, бывшіе послѣ него въ Сибири, вплоть до самаго Сперанскаго, а каковы были губернаторы, таковы были и всѣ остальныя власти. Чтобы неоставить этихъ словъ безъ доказательства, стоитъ только остановиться на нѣсколько времени на личности губернатора Чичерина, управлявшаго Сибирью въ теченіи восемнадцати лѣтъ (1762—1780). Правда, Чичеринъ былъ человѣкъ честный и желавшій добра ввѣренному ему краю, но за то отличавшійся такимъ деспотизмомъ, что онъ можетъ быть смѣло поставленъ на ряду съ самыми извѣстными деспотами—пашами Турціи и Египта. «Чичеринъ, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ из-

---

[47]) Пол. Собр. З—въ Т. III, № 1601.

слѣдователей исторіи Сибири, до сихъ поръ живетъ въ памяти народной. Онъ взялъ на себя обязанность Тобольскаго Полиціймейстера, устроилъ гусарскую команду, разъѣзжалъ съ нею по городу и чинилъ наказанія. Въ лѣтнее время, въ рабочіе дни, онъ выѣзжалъ въ деревню наблюдать за крестьянскими работами, придирался къ каждой мелочи и дралъ нещадно мужиковъ. Эту палочную систему Чичеринъ приложилъ съ особенною ревностью къ тѣмъ колонистамъ, которыми онъ заселилъ Барабинскую степь. Тысячи поселенцевъ легли здѣсь костьми подъ изнурительными работами, подъ жестокими наказаніями, въ лихорадкахъ, тифѣ, въ цынгѣ и подъ пятномъ сибирской язвы, но новыя толпы, осужденныя на смертность, замѣняли ихъ.—Мрачныя преданія остались между старожилами Западной Сибири объ этомъ пресловутомъ заселеніи, и только пожаръ Тобольскаго архива стеръ изъ документовъ всѣ подробности этихъ страшныхъ пожертвованій» [48]) Но Чичеринъ, какъ замѣчено выше, былъ человѣкъ честный и желавшій добра ввѣренному ему краю; при этомъ необходимо прибавить, что онъ былъ человѣкъ умный. Между тѣмъ, большинство преемниковъ Чичерина, наслѣдовавъ дурныя, не наслѣдовало его хорошихъ качествъ. Одинъ изъ нихъ, Пестель, самъ раздражительный человѣкъ и несправедливый деспотъ, въ теченіи многихъ лѣтъ управлявшій Сибирью изъ Петербурга, представляетъ слѣдующую характеристику трехъ подчиненныхъ ему губернаторовъ (около 1806 г.) «Тобольскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гермесъ, былъ человѣкъ незначущій, который, будучи управляемъ женою, былъ готовъ на всѣ несправедливости для ея угожденія, при томъ неимѣлъ ни какого знанія въ дѣлахъ. Жена его была въ связи съ Генералъ-Маіоромъ Куткинымъ, который XV лѣтъ позволялъ себѣ ужаснѣйшіе поступки въ Сибири по провіантской части, находившейся подъ его главнымъ начальствомъ.—Эти двѣ особы управляли вмѣстѣ Тобольскою губерніею.—Въ Томскѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хвостовъ, человѣкъ вспыльчивый, который былъ уже одинъ разъ отставленъ и судимъ за лихоимство, поступалъ и теперь сообразно характеру своему и своимъ свойствамъ, но имѣлъ многихъ значительныхъ покровителей въ Петербургѣ. Прибывъ въ Томскъ, получилъ я жалобу на Хвостова, что онъ, разъѣзжая, для учиненія предписаннаго ежегоднаго обревизованія губерніи, во многихъ уѣздахъ собиралъ мужиковъ и, подъ предлогомъ освободить ихъ отъ нѣкоторыхъ повинностей, собиралъ деньги съ каждой души. Я учредилъ особенную коммисію изъ людей достойныхъ моего довѣрія и извѣстныхъ мнѣ своею честностію и поручилъ имъ отправиться въ означенные уѣзды и произвести на мѣстѣ подробное изслѣдованіе. Слѣдствіемъ сего было то, что не только 90 человѣкъ присягою подтвердили истину сей жалобы, но еще нашлись въ волостныхъ правленіяхъ письменные акты, для взысканія съ каждой души по 50 коп для губернатора. Деньги эти были отданы въ собственныя руки губернатора при свидѣтеляхъ, которые подтвердили это присягою.—Въ Иркутскѣ былъ губернаторомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Корниловъ, который слѣдовалъ всѣмъ корыстолюбивымъ замысломъ своего директора канцеляріи и всякаго, кто только хотѣлъ имъ управлять. Этотъ Корниловъ служилъ прежде въ морской службѣ; его выболтировали, когда приходилось произвести его въ генералы по старшинству, и онъ долженъ былъ оставить морскую службу. Послѣ того, чрезъ многочисленныхъ покровителей жены своей, которая была умная женщина, онъ сдѣлался губернаторомъ.» [49]) Извѣстно, что послѣ двѣ-

---

[48]) Ядринцевъ Колонизац. знач. рус. ссылки. Дѣло, Декабрь 1870 г.
[49]) Русскій архивъ 1875 г. № 4. 376, 381.

надцати лѣтняго управленія Сибирью Пестеля, безграничный деспотизмъ мѣстныхъ сибирскихъ властей, самыя вопіющія беззаконія и страшное запущеніе въ дѣлахъ по всѣмъ отраслямъ управленія достигли до такой высокой степени, что въ 1819 г. воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, вслѣдствіе котораго бывшій тогда въ Пензѣ губернаторомъ, нѣкогда Пермскій опальный, М. М. Сперанскій облеченъ въ званіе Сибирскаго Генералъ-Губернатора, съ порученіемъ сдѣлать осмотръ Сибирскихъ губерній и существовавшаго въ нихъ управленія, исправить предоставленною ему властію все то, что будетъ въ возможности, обличить лица, предающіяся злоупотребленіямъ, и предать кого нужно законному суженію.—Прибывъ въ Томскъ и обозрѣвъ присутственныя мѣста, Сперанскій нашелъ, что дѣла въ нихъ ведутся изъ рукъ вонъ плохо. «Наружный видъ, говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ,—изрядный, но внутри, исключая Казенной Палаты, все исполнено пакостей и мерзостей.» «Если бы,—писалъ Сперанскій своему близкому знакомому Столыпину,—если бы въ Тобольскѣ я отдалъ всѣхъ (чиновниковъ) подъ судъ, что и можно было бы сдѣлать, то здѣсь оставалось уже всѣхъ повѣсить. Злоупотребленія вопіющія и, по глупости Губернатора Илличевскаго, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбію брата его Губернскаго Почтмейстера, весьма худо скрытыя,» [51])—Въ другомъ мѣстѣ, въ письмѣ къ дочери, Сперанскій прибавляетъ, что «Томскъ и вообще Томская губернія, по богатству произведеній по климату ея весьма умѣренному, а въ полуденной части прекрасному, могла бы быть одною изъ лучшихъ губерній въ Россіи; но худое управленіе сдѣлало изъ нее сущій вертепъ разбойниковъ.» [52])

Одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей временъ Сперанскаго, гр. Уваровъ, говорилъ, что исторія Сибири дѣлится на двѣ только эпохи: 1) отъ Ермака до Пестеля и 2) отъ Сперанскаго до XX. Мысль во многихъ отношеніяхъ совершенно вѣрная, потому что пребываніе въ Сибири Сперанскаго дало совершенно новое устройство этому отдаленному краю, толкнуло его на тотъ путь прогресса, которымъ онъ слѣдуетъ и теперь. Составленное Сперанскимъ учрежденіе для управленія Сибирскихъ губерній и областей во многомъ ограничило деспотизмъ и произволъ мѣстной власти, устранило множество вопіющихъ беззаконій. Одна-же оно всетаки не могло искоренить въ народѣ тѣхъ представленій о безграничныхъ предѣлахъ этой власти, какія онъ привыкъ соединять съ понятіемъ о ней въ теченіи слишкомъ двухъ сотъ—лѣтняго историческаго періода своего существованія. Нѣтъ сомнѣнія, что извѣстная пословица «до Бога высоко, до царя далеко» получила свое происхожденіе въ Сибири, и она хорошо показываетъ, что, въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ, мѣстная власть прежняго времени, слишкомъ неограниченная въ своемъ произволѣ, какъ колоссальная стѣна, высилась передъ народомъ и заслонила предъ нимъ всякое ясное понятіе о высшей государственной власти и государствѣ. Отъ этого произошло то, что и въ настоящее время нашъ крестьянинъ на вопросъ: что такое государство? дастъ такой уклончивый отвѣтъ, который ясно обличитъ полное невѣденіе его по этому предмету.—Съ другой стороны, также мѣстная власть, будучи слишкомъ заботлива о пользахъ народа, старалась держать его въ постоянной опекѣ и потому мѣшала органическому развитію въ немъ общественнаго управленія. Еще не далеко то время, когда это управленіе низведено было на такую

[50]) Б. Корфъ жизнь графа Сперанскаго ч. II, 196.
[51]) Русскій Архивъ 1869 № 11, 1979.
[52]) Русскій Архивъ 1868 г. № 11, 1691.

низкую степень, что не имѣло почти ни какихъ своихъ правъ. Представитель этого управленія, сельскій старшина, могъ исполнять лишь надъ безмолвнымъ сельскимъ обществомъ приказы волостныхъ начальниковъ, горныхъ управителей, земской полиціи. Сельскія общества до того были безправны, что даже самое близкое къ нимъ дѣло—раскладка повинностей—составлялась волостными раскладчиками, рѣшеніе которыхъ, иногда самое неуравнительное, считалось для крестьянина окончательнымъ и безъапеляціоннымъ приговоромъ. По этому, въ первое время послѣ введенія въ Алтайскомъ горномъ округѣ мировыхъ учрежденій, народъ неспособенъ былъ ни къ какой самостоятельной дѣятельности и при каждомъ, самомъ незначительномъ, случаѣ, обыкновенно, отзывался: «какъ начальство прикажетъ.»

Въ Томской губерніи каждое значительно населенное селеніе, обыкновенно, составляетъ отдѣльное сельское общество. Малолюдныя селенія, смотря по мѣстной удобности, или соединяются въ одно сельское общество съ много людным селеніемъ, или составляютъ отдѣльное сельское общество, въ особенности если они смежны между собою. При введеніи въ Алтайскомъ горномъ округѣ мировыхъ учрежденій, въ 1863 г., въ Томскомъ округѣ, напримѣръ, въ пяти волостяхъ изъ 186 деревень образовалось 69 сельскихъ обществъ.

Начальникъ каждаго сельскаго общества въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ есть сельскій старшина, а въ селеніяхъ Алтайскаго горнаго округа сельскій староста. Права и обязанности этихъ лицъ опредѣлены въ законахъ. Въ Алтайскомъ горномъ округѣ, кромѣ сельскихъ старостъ, въ деревняхъ, входящихъ въ составъ сельскаго общества, избираются еще на годъ такъ называемые опекуны. Обязанности этихъ лицъ состоятъ въ надзорѣ за чистотою и порядкомъ въ деревнѣ, за исправностью сельскихъ карауловъ, дорогъ, мостовъ, паскотинъ. По положенію 19 Февраля 1861 г, эти сельскіе начальники не пользуются ни какими правами наложенія взысканія на крестьянъ. Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, обязанности опекуновъ исполняютъ десятскіе и сотники, которые находятся также и во всѣхъ селеніяхъ Алтайскаго горнаго округа, для посылокъ и вообще для исполненія распоряженій сельскаго начальства.

Каждый отдѣльный членъ сельскаго общества, равно какъ каждое отдѣльное семейство, состоитъ въ должномъ повиновеніи обществу въ лицѣ его представителя, сельскаго старосты или старшины. Каждое законное требованіе этого лица должно быть безотговорочно исполнено, подъ опасеніемъ установленнаго взысканія. Съ другой стороны, въ лицѣ того же представителя или по его иниціативѣ, сельское общество принимаетъ участіе въ нравственномъ и матеріальномъ положеніи какъ отдѣльныхъ своихъ членовъ, такъ и семействъ. Въ нравственномъ отношеніи это участіе выражается тѣмъ, что всякій членъ и всякое семейство, предавшееся сильной лѣности, пьянству и другимъ порокамъ, получаетъ должное внушеніе отъ надлежащей власти и, въ случаѣ неисполненія, подвергается взысканію; въ матеріальномъ—въ томъ, что въ случаѣ неурожая хлѣба, пожара, наводненія или другаго бѣдствія, пострадавшему отъ него дается льгота отъ исполненія нѣкоторыхъ повинностей, а равно онъ снабжается хлѣбомъ изъ сельскаго запаснаго магазина какъ на сѣмена, такъ и на продовольствіе. При прежней системѣ отправленія рекрутской повинности, въ случаяхъ уважительныхъ, по извѣст-

нымъ семейнымъ или домашнимъ обстоятельствамъ, общество отступало иногда отъ строгаго очереднаго порядка. Такъ, напримѣръ, если извѣстное бѣдное или потерпѣвшее отъ какого нибудь несчастнаго случая семейство, имѣвшее 3 или 4 молодыхъ работниковъ, годныхъ къ военной службѣ, должно было стать на очередь въ предстоящій наборъ, то, въ виду того, что это семейство и чрезъ нѣсколько лѣтъ можетъ отнести рекрутскую повинность, ему давалась отсрочка на одинъ или два набора и, вмѣсто его, назначалось семейство, ниже его стоявшее по учету, но состоятельное и по лѣтамъ работниковъ уходившее отъ очереди. Въ семейныхъ раздорахъ, общество, въ лицѣ своего представителя, принимаетъ также участіе примиреніемъ враждующихъ или наказаніемъ виновныхъ.

Выше сказано, что начальникъ каждаго сельскаго общества есть сельскій староста или старшина. Но на практикѣ власть его всегда раздѣляется сельскою сходкою. Откровенно сказать, на этихъ сходкахъ главную роль играетъ вино и, подъ вліяніемъ вина, рѣшаются всѣ дѣла. Сельскіе старосты и старшины неимѣютъ, большею частію, стойкости устранить это и руководить обществомъ, а еще менѣе—наложить на него, въ случаѣ надобности, взысканіе, изъ опасенія отъ него обидъ.

Подъ именемъ мірской или сельской сходки разумѣется вообще всякое общественное собраніе для разсмотрѣнія и обсужденія различныхъ дѣлъ, касающихся общества. Если сельское общество состоитъ изъ одного селенія, то въ ней участвуютъ всѣ домохозяева этаго селенія; если же изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ селеній, то въ ней принимаютъ участіе и выборные изъ этихъ селеній, по одному или по два человѣка съ каждыхъ 10 дворовъ. Впрочемъ, въ случаѣ раздѣла общественныхъ земель и для дѣлъ по рекрутской повинности, на сходку собираются всѣ домохозяева даже и дальнихъ деревень. Только въ этой полнотѣ или неполнотѣ и заключается различіе сельскихъ сходокъ другъ отъ друга; другихъ же различій по времени и мѣсту ихъ собранія, а равно по свойству обсуждаемыхъ на нихъ дѣлъ, не существуетъ.

Каждая сельская сходка составляется подъ предсѣдательствомъ сельскаго старосты или старшины. Участвовать на сходкѣ съ правомъ голоса могутъ только тѣ, которые призваны на сходку; но, кромѣ призванныхъ, на сходку, обыкновенно, собирается множество лицъ въ качествѣ зрителей. Женщины и малолѣтніе, для совѣщанія по дѣламъ общественнымъ, на сходку не вызываются, но первыя допускаются довольно часто, въ случаѣ болѣзни или отсутствія ихъ мужей или когда онѣ остаются опекуншами своихъ дѣтей. Возрастъ для того, чтобы имѣть право участія въ сходкѣ, неопредѣляется, а требуется только, чтобы извѣстное лицо было домохозяиномъ. Представительство однѣхъ лицъ за другихъ (отца за дѣтей, мужа за жену, матери за дѣтей, старшихъ родственниковъ за младшихъ) допускается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно обойтись безъ лица, представитель котораго является на сходку.

Право собирать мірскую сходку предоставляется только сельскому старостѣ или старшинѣ, который посредствомъ десятскихъ заблаговременно оповѣщаетъ всѣхъ, кто долженъ быть призванъ, о времени сходки. Самыя главныя сходки назначаются три раза въ годъ, а именно: въ Январѣ для раскладки податей, повинностей и сборовъ и для составленія приговоровъ о мѣрахъ взысканія недоимокъ за истекшій годъ; въ исходѣ Апрѣля или началѣ Мая для распредѣленія, въ случаѣ надобности, полей и луговъ и для

составленія приговоровъ о мѣрахъ взысканія недоимокъ съ неплательщиковъ за первую половину; въ Сентябрѣ или началѣ Октября для составленія приговоровъ о потребности мірскихъ расходовъ, равно о мѣрахъ побужденія недоимщиковъ. Кромѣ того, мірскія сходки собираются во всѣхъ чрезвычайныхъ, не терпящихъ отлагательства случаяхъ, какъ, напримѣръ, по дѣламъ рекрутскимъ.

Сходка, обыкновенно, собирается въ воскресный или другой праздничный день, до обѣдни или послѣ обѣдни, въ сборной избѣ, если она есть, въ домѣ сельскаго старосты или старшины, а иногда на открытомъ воздухѣ, близъ сельскаго хлѣбнаго магазина, близъ кабака и т. п.

Къ предметамъ сходокъ по дѣламъ общественнымъ принадлежатъ:

1) Опредѣленіе очереди общественной службы и разсмотрѣніе причинъ увольненія отъ нея какъ по собственному ходатайству служащихъ, такъ и по неблагонадежности ихъ.

2) Выборъ лицъ въ общественныя должности какъ сельскаго, такъ и волостнаго управленія.

3) Выборъ повѣренныхъ для ходатайства по различнымъ дѣламъ общества, снабженіе ихъ довѣренностями, плата имъ за труды, отвѣтственность и отчетность ихъ предъ обществомъ.

4) Пріемъ новыхъ членовъ въ общество и увольненіе и удаленіе членовъ изъ общества какъ по собственному ихъ желанію, такъ и не по благонадежности.

5) Размежеваніе земель, раздѣлъ и передѣлъ общественныхъ земель вообще и сѣнокосныхъ полей въ частности, отдача въ оброчное содержаніе излишнихъ земель.

6) Раскладка государственныхъ податей, разверстка государственныхъ и общественныхъ повинностей подводной и дорожной.

7) Опредѣленіе очереди рекрутской повинности, семейные раздѣлы, повѣрка и исправленіе рекрутскихъ списковъ и т. п.

и 8) Денежные добровольные сборы на общественныя надобности, какъ то: устройство общественныхъ зданій, церквей и часовень, покупка для нихъ вещей и т. п.

Но, кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ предметовъ, почти каждая мірская сходка разбираетъ незначительныя дѣла какъ гражданскія, такъ и уголовныя; а потому почти каждая общественная сходка бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и судебною. Случится ли, что кто нибудь нарушилъ словесное условіе, не заплатилъ возремя взятыхъ въ долгъ денегъ, не дослужилъ срока въ работникахъ, подрядился поставить сотню копенъ сѣна, да не поставилъ; случится ли ссора, драка, пашумятъ ли между собою сельскіе озарники, провинится ли молодежь, произойдутъ ли боевыя схватки на кулачкахъ и при этомъ случится увѣчье, произведенное не по законамъ кулачной борьбы,—истецъ и отвѣтчикъ, обиженный и обидчикъ идутъ на предварительный судъ мірской сход-

ки. При этомъ свидѣтельствуются принесенные на сходку клочья вырванныхъ бородъ, висковъ, подбитые глаза, окрававленные носы,—и находящіеся на сходкѣ старики прежде всего начинаютъ мирить тяжущихся. Правый велитъ виноватому поставить вина, старики убѣждаютъ неупрямиться—поставить вина, а обиженный говоритъ: «ставь вино, а не то худо будетъ—суду пожалуюсь;» обидчикъ проситъ сбавки: «сбавьте, старички, хоть сколько нибудь.» Если сошлись—пьютъ вино, а сельскій староста или старшина велитъ писарю написать мировую и самъ утверждаетъ ее печатью, удостовѣряя, что за то—то тогда то, въ присутствіи его, помирились и обязались суду не жаловаться. За тѣмъ распиваютъ мировую: пьютъ правый и виноватый, чтобъ другъ на друга зла неимѣли; подносятъ вина свидѣтелямъ, потому что они за нихъ хлопоты приняли; угощаются, староста или старшина и писарь за то, что помирили. Однако-жъ, такимъ миролюбивымъ образомъ дѣло оканчивается не всегда. Иногда на сходку является только одинъ истецъ или обиженный, а за отвѣтчикомъ или обидчикомъ необходимо послать десятскаго. Этимъ распоряжается сельскій староста или старшина. Иногда отвѣтчикъ или обидчикъ не слушаютъ посланнаго, не идутъ на сходку; тогда онъ приводится силою и подвергается за это штрафу или аресту. Находясь въ присутствіи другъ друга, истецъ или обиженный излагаетъ свое дѣло, а отвѣтчикъ или обидчикъ опровергаетъ его. Если одинъ изъ нихъ или оба ссылаются на свидѣтелей, то староста или старшина посылаетъ за свидѣтелями. Выслушавъ ихъ и не видя возможности мировой, старики совѣтуются между собою и высказываютъ свое рѣшеніе. Голосовъ при этомъ не собирается: выскажетъ одинъ свое мнѣніе, къ нему присоединяются другіе, а иногда высказываютъ другое мнѣніе. Толковъ, споровъ и шуму бываетъ много. Наконецъ, останавливаются, въ большинствѣ случаевъ, на одномъ: отправить тяжущихся или обиженнаго и обидчика для формальнаго и окончательнаго суда—въ волостную расправу или въ волостной судъ. Староста или старшина объявляетъ рѣшеніе и тогда же приводитъ его въ исполненіе. Вообще, судъ стариковъ—судъ предварительный, домашній: правда, иногда и сами старики штрафуютъ виновныхъ; иногда стращятъ—водятъ по улицамъ съ украденнымъ, иногда наказываютъ розгами, но это считается уже превышеніемъ власти и случается довольно рѣдко.

Волостная расправа состоитъ изъ двухъ волостныхъ добросовѣстныхъ,—старшаго и младшаго,—подъ предсѣдательствомъ волостнаго головы. Добросовѣстные служатъ только одинъ годъ и потомъ, обыкновенно, замѣщаются кандидатами. Жалованья они не получаютъ, но, взамѣнъ его, освобождаются лично отъ всякихъ земскихъ и мірскихъ работъ и нарядовъ. Для составленія волостнаго суда избирается ежегодно, большею частію, до 12 судей, которые очередуются такъ, что на лицо всегда присутствуютъ трое судей. Они также жалованья не получаютъ, а освобождаются только, подобно добросовѣстнымъ, отъ земскихъ и мірскихъ работъ и нарядовъ.

Здѣсь мы обратимъ вниманіе преимущественно на волостные суды, существующіе во всемъ Алтайскомъ горномъ округѣ, т. е. въ большей части Томской губерніи, тѣмъ болѣе, что о волостныхъ расправахъ новаго сказать ни чего нельзя.

Волостные судьи, большею частію, тяготятся общественной службой и изыскиваютъ всѣ возможныя средства, чтобы избавиться отъ нея. Многіе изъ нихъ обращаются къ начальству за разрѣшеніемъ нанять вмѣсто себя другихъ крестьянъ. При такомъ взглядѣ на это дѣло, должно сказать, что даже

лучшіе изъ судей не рѣдко подчиняются вліянію волостныхъ писарей, на добросовѣстность которыхъ никогда нельзя полагаться.

Волостной судъ имѣетъ засѣданія и зимою и лѣтомъ, большею частію, въ свободные дни, по воскресеньямъ и праздникамъ, часовъ съ 4 по полудни. По однимъ волостямъ сторонніе рѣдко допускаются въ комнату засѣданія, по другимъ же всегда, такъ какъ это судъ вполнѣ открытый, гласный. Судъ засѣдаетъ въ волостномъ правленіи, иногда выходитъ на дворъ, но выѣзжаетъ въ селенія рѣдко, въ случаѣ потравъ или споровъ о завладѣніи, когда представляется совершенная необходимость быть на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, судъ выѣзжаетъ только для осмотра, рѣшенія же пишутся почти всегда въ волостномъ правленіи, гдѣ для судей находится столъ, книга на записку рѣшеній и законъ.

Жалобы и просьбы, слѣдующія въ волостной судъ, почти всегда подаются волостному старшинѣ, а иногда судьямъ и волостному писарю, но большею частію приносятся словесно, потому, главнымъ образомъ, что иногда въ селеніи нельзя найти ни одного грамотнаго человѣка.

Когда старшинѣ заявлена жалоба, гдѣ бы то ни было,—дома, на улицѣ, на покосѣ, въ полѣ, въ волостномъ правленіи,—то онъ извѣщаетъ о ней судей. Просьбу можетъ подавать и не самъ истецъ или обиженный, а кто нибудь изъ его семьи. За малолѣтнихъ жалуется старшій. Но на судъ непремѣнно должны явиться сами истецъ и отвѣтчикъ, обиженный и обидчикъ. По этому, заочныхъ рѣшеній въ крестьянскихъ судахъ не бываетъ, а если одна изъ тяжущихся сторонъ не является, то разсмотрѣніе дѣла отлагается до другаго раза. За вторичную не явку полагается приводъ или привозъ чрезъ десятскихъ, при чемъ неявившійся штрафуется отъ 1 р. до 1 р. 50 коп. и, сверхъ того, на его счетъ относится «ѣздовое», т. е. прогоны, которые употреблены на поѣздку десятскаго. Такимъ же порядкомъ вызываются и свидѣтели и точно также на нихъ налагается штрафъ, а въ пользу ихъ съ виновныхъ взыскивается «ѣздовое», къ которому присоединяется еще цѣнность времени, которое они употребили на поѣздку въ волость.

По выслушаніи жалобы, волостной судъ старается также сначала помирить тяжущихся. Мирятся по всѣмъ дѣламъ, даже уголовнымъ—кражамъ и т. п. Мировая допускается и послѣ постановленія рѣшенія, но только до записки его въ книгу. Но если всѣ средства къ примиренію не удались, то судъ приступаетъ къ разсмотрѣнію доказательствъ.

Въ крестьянскомъ судѣ принимаются только слѣдующія доказательства и улики: собственное сознаніе, поличное и свидѣтели. Свидѣтеля достаточно имѣть даже одного—все равно, мужчину или женщину. Къ присягѣ ихъ не приводятъ, а только спрашиваютъ, какъ было дѣло. Равнымъ образомъ, присяга, клятва и божба не допускаются и относительно тяжущихся. Чтобы видѣть, какое понятіе имѣетъ здѣшній народъ о присягѣ, достаточно привести слѣдующій случай. Въ Сентябрѣ м. 1873 г., при производствѣ повальнаго обыска по одному уголовному дѣлу, крестьяне Боровлянской волости с. Анисимовскаго и д. Татарки наняли одного человѣка присягнуть, въ числѣ обыскныхъ людей, за совершенно другаго, назвавшись его именемъ.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о необычайной сметливости, съ которою судьи, какъ крестьяне, отыскиваютъ разныя вещи, украденныя изъ домашняго хозяйства.—Если дѣло идетъ объ увезенныхъ съ поля снопахъ, то обращается

вниманіе на то, былъ ли у опозрѣваемаго въ кражѣ посѣянъ хлѣбъ на землѣ *заложной* или *паровой*, такъ какъ есть разница въ соломѣ, а именно: у хлѣба, родившагося на землѣ заложной, солома крупная, а на паровой—мелкая; далѣе принимается во вниманіе вязь сноповъ и нахожденіе въ нихъ какой нибудь посторонней травы. Украденная съ мельницы мука сличается по качеству съ тою, какая есть у оподозрѣваемаго въ воровствѣ. При покражѣ сѣна, обращается вниманіе на то, какое оно: *яланное* или *луговое* и при томъ скошено ли оно *лѣтомъ* или *осенью*. Если у оподозрѣваемаго въ воровствѣ сѣно оказалось яланное и при томъ кошенное лѣтомъ, между тѣмъ, какъ онъ косилъ на своемъ участкѣ на лугу и притомъ осенью, то это признается достаточной уликой воровства. Покраденный холстъ сличается также по качеству съ тѣмъ, какой вытканъ въ домѣ оподозрѣваемаго въ кражѣ. Въ Іюнѣ м. 1873 г. крестьянинъ Громовъ опозналъ у крестьянина Смольникова сошникъ, который пропалъ у него около трехъ лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ Смольниковъ утверждалъ, что сошникъ его. На судѣ тому и другому былъ предложенъ вопросъ: сколько вѣса въ сошникѣ? Смольниковъ отвѣчалъ, что 13½ фунтовъ, а Громовъ 16. Когда сошникъ свѣсили, то въ немъ оказалось 15 ф.—За тѣмъ, судъ предложилъ тяжущимся другой вопросъ: былъ ли сошникъ клепанъ или нѣтъ? Смольниковъ сказалъ, что не былъ, а Громовъ объяснилъ, что былъ. По освидѣтельствованіи сошника, оказалось, что онъ дѣйствительно былъ клепанъ и, на основаніи этого, судъ призналъ, что сошникъ принадлежитъ Громову.—Въ случаѣ покражи меду изъ ульевъ, сама судьба такъ уже устроила, что слѣды меда такъ или иначе, но непременно остаются если не на рукавицахъ, то на возжахъ, мѣшкахъ или телѣгѣ виновнаго; наконецъ и сами пчелы дорого продаютъ свою жизнь и слѣды ихъ уязвленій, за весьма рѣдкими исключеніями, тотчасъ же замѣчаются на рукахъ и липахъ воровъ. Но иногда случается, что разбившій улій со пчелами самъ пасѣчникъ. Въ такомъ случаѣ, его допрашиваютъ, со сколькихъ сотовъ онъ добылъ найденный у него воскъ и медъ? Отвѣтъ его передается на заключеніе другимъ пасѣчникамъ и потомъ дѣлается выводъ, въ какой степени показаніе его заслуживаетъ довѣрія.—Ловушки крестьянъ для ловли птицы, какъ, напримѣръ, тетеревей и куропатокъ, обыкновенно, находятся по близости другъ къ другу; а потому и воровство птицы изъ чужихъ ловушекъ здѣсь не рѣдкость. Въ такомъ случаѣ, доказательствомъ поимки птицы въ извѣстную ловушку считаются перья ея и пометъ, такъ какъ куда не попадалась птица, тамъ не можетъ быть перьевъ и помета. Въ число доказательствъ совершенія кражи, принимается и то обстоятельство, если бѣдный продаетъ хорошую вещь, какой у него не могло быть, или продаетъ ее слишкомъ дешево. Потная лошадь, если для совершенія воровства нужно было совершить поѣздку, также часто выдаетъ вора.—Въ Октябрѣ м. 1865 г. крестьянка д. Сѣмячкиной Быкова жаловалась, что, въ отсутствіи ея мужа, ночью къ ней лѣзъ въ окошко, неизвѣстно за чѣмъ, крестьянинъ Пупковъ и, чтобы уличить его въ этомъ, она отрѣзала у него клокъ бороды; а какъ у нея передъ этимъ пропали изъ дома нѣкоторыя вѣщи, то она заподозрѣла въ кражѣ ихъ Пупкова и просила подвергнуть его за нихъ взысканію. Пупковъ отъ всего отперся, хотя клокъ бороды былъ дѣйствительно у него отрѣзанъ. По произведенному сельскимъ старостою удостовѣренію, оказалось, что Пупковъ, съ вечера, былъ на помочахъ у сосѣда, напился пьянъ и легъ спать въ телегу, стоявшую на улицѣ; ночью разбудилъ его крестьянинъ Ощепковъ и повелъ съ собою въ кабакъ опохмѣляться; скоро послѣ того пришелъ въ кабакъ и сынъ Пупкова; какъ Ощепковъ, такъ и сынъ Пупкова видѣли и не мало дивились, что у него отрѣзалъ кто то клокъ бороды; за тѣмъ Пупковъ ушелъ опять спать въ телѣгу. Сообразивъ эти обстоятельства,—Кривощековскій волостной судъ освобо-

дилъ Пупкова отъ всякой отвѣтственности, на томъ основаніи, что Быкова могла отрѣзать у него клокъ бороды въ то время, когда онъ пьяный спалъ въ телегѣ, тѣмъ болѣе, что она давно уже имѣла съ нимъ вражду.

По разсмотрѣніи всѣхъ судебныхъ доказательствъ, судъ произноситъ свое рѣшеніе, которое записывается въ надлежащую книгу. «*Грѣхъ пополамъ*» существуетъ какъ особая форма судебныхъ рѣшеній, но только по бездаказательности и при видимомъ злоумышленіи которой нибудь изъ тяжущихся сторонъ, но которой именно—неизвѣстно. Вслѣдствіе этого,—грѣхъ пополамъ, т. е. несчастье должно падать равною частью на истца и отвѣтчика.—Въ Апрѣлѣ м. 1865 г. обыватель Зыряновскаго рудника Петръ Засухинъ заявилъ волостному суду, что, въ бытность его общественнымъ табунщикомъ, вмѣстѣ съ обывателями Михайловымъ и Прокудинымъ, изъ табуна потерялась лошадь, за которую онъ заплатилъ хозяину ея деньги, а отъ товарищей своихъ не получилъ еще причитающихся на ихъ часть 3 рублей; по этому онъ просилъ о взысканіи съ нихъ въ его пользу этихъ денегъ. Такъ какъ Михайловъ и Прокудинъ въ теченіи одного лѣто поступили табунщиками одинъ вмѣсто другаго и каждый считалъ, что лошадь потерялась изъ табуна въ то время, когда тотъ и другой еще не служили табунщиками, то волостной судъ, признавая это дѣло довольно темнымъ, потому что нельзя положительно дознать, кто изъ нихъ былъ табунщикомъ, когда потерялась лошадь,—рѣшилъ, чтобы искомые Засухинымъ 3 р. были раздѣлены на три части, изъ которыхъ 2 р. Михайловъ и Прокудинъ должны уплатить Засухину, а остальной рубль онъ долженъ принять на свой счетъ.—Въ Декабрѣ м. 1871 г. обыватель того же рудника Данило Вочкаревъ, получивъ изъ рудничнаго управленія задѣльную плату и выдавъ изъ нея сколько слѣдовало тремъ товарищамъ по работѣ Ольхину, Орлову и Горбунову, оставшіеся у него 5 рублей положилъ въ расчетную книжку и пошелъ съ тѣми же товарищами въ кабакъ. Тутъ деньги эти у него пропали, вслѣдствіе чего онъ изъявилъ подозрѣніе, что ихъ украли Ольхинъ, Орловъ и Горбуновъ. Волостной судъ рѣшилъ: такъ какъ Вочкаревъ съ товарищами, получивъ задѣльную плату, «не имѣли ни какой основательной причины заходить въ кабакъ и пьянствовать», то половину изъ потерянныхъ денегъ, 2 р. 50 к. Вочкаревъ долженъ принять на свой счетъ, а остальные 2 р. 50 к. Ольхинъ и другіе должны заплатить Вочкареву, каждый по ровной части.—Подобная форма судебныхъ рѣшеній не рѣдко примѣняется къ тѣмъ случаямъ, когда падетъ лошадь послѣ холощенія и хозяинъ обвиняетъ въ этомъ коновала.—«*Жребій*», такъ же какъ особая форма судебныхъ рѣшеній, допускается преимущественно въ дѣлахъ по раздѣлу имуществъ, когда дѣлящимся сторонамъ кажется—одной, что достающееся другой сторонѣ лучше, другой же на оборотъ, и когда обѣ стороны не рѣшаются помѣняться частями дѣлимаго, боясь обмануться и завидуя одна другой. Тутъ судьи бросаютъ жребій—кому что достанется; что выпадетъ по жребію, на томъ судъ и порѣшаетъ.

Хотя пословица и говоритъ, что «Богъ любитъ праведника, а судья ябедника», однако же должно сказать, что наши судьи не любятъ разбирать дѣлъ, начавшихся изъ за пустяковъ, какъ это часто бываетъ между здѣшними крестьянами, вообще большими сутягами. Въ Апрѣлѣ м. 1871 г. крестьяне Кайдинской волости Павелъ Митянинъ и Гаврила Шевелевъ явились въ судъ тягаться за 30 коп. при чемъ потеряли въ разъѣздахъ два дня. Волостной рѣшилъ: «такъ какъ означенные крестьяне имѣютъ хозяйственность и пашни и по теперешнему (въ Апрѣлѣ м.) времени потеряли два дня на эти хлопоты и при томъ безъ причины, по одной личности, то просителя Митя-

нина и отвѣтчика Шевелева выдержать подъ арестомъ, при волостномъ правленіи 3 дня».—Въ Іюлѣ м. того же года, крестьяне Федоръ и Николай Каурдаковы принесли Кайлинскому волостному суду жалобу на то, что сосѣдъ ихъ Сергѣй Палкинъ, будучи на свадьбѣ Федора, безъ позволенія хозяина, выстрѣлилъ два раза изъ винтовки. Такъ какъ это дѣйствіе было не только не оскорбленіе, а напротивъ привѣтствіе хозяина, то судъ опредѣлилъ: «дабы просители подобными просьбами не обременяли начальство и не теряли дорогаго времени, оштрафовать ихъ по 1 р. каждаго».

Въ первое время существованія волостныхъ судовъ, крестьяне, привыкшіе судиться у чиновниковъ, недовѣряли суду своихъ собраній, и рѣдкое рѣшеніе суда приводилось въ исполненіе безъ того, чтобы тяжущіеся за грубость и не повиновеніе не были подвергаемы наказанію волостными старшинами или тѣмъ же судомъ. Были случаи, что крестьяне, съ цѣлію избавиться отъ платежа денегъ, присужденныхъ съ нихъ волостнымъ судомъ, дѣлали грубости старшинамъ, исполнявшимъ рѣшенія суда, единственно только для того, чтобы вывести старшину изъ терпѣнія, принудить его къ принятію мѣръ наказанія ослушника и тѣмъ имѣть случай жаловаться на дѣйствія старшины, отдалія исполненіе рѣшеніе суда.—Въ Сентябрѣ м. 1866 г. крестьянинъ Бѣлоярской волости Вяткинъ былъ приговоренъ за что то волостнымъ судомъ къ наказанію розгами, но онъ не хотѣлъ даться и говорилъ десятникамъ, призваннымъ для исполненія рѣшенія, чтобы они оставили его «безъ грѣха». Однако же, не смотря на угрозу, его высѣкли и судъ тутъ же постановилъ другое рѣшеніе, которымъ, «въ виду совершеннаго искорененія въ Вяткинѣ неповиновенія къ власти», присуждалъ его вновь къ наказанію розгами 20 ударами. Случается, что, во время наказанія розгами, наказуемый кусаетъ руки десятниковъ, которые его держатъ; это считается также неповиновеніемъ власти и виновный, обыкновенно, подвергается за это сейчасъ же новому наказанію. Въ Ноябрѣ м. 1871 г. жена отставнаго мастероваго Зыряновскаго рудника Аксинья Холодова ругалась неприличными словами на волостномъ судѣ. Въ Іюлѣ м. 1872 г. обыватель того же рудника Петръ Хромовъ, будучи призванъ въ судъ по одному дѣлу, сперва началъ употреблять различныя непристойныя выраженіе, потомъ назвалъ всѣхъ волостныхъ начальниковъ и судей «бабами», угрожая сдѣлать какой нибудь вредъ ихъ имуществу, а наконецъ не сталъ со всѣмъ давать ни какихъ отвѣтовъ.—Судьи, конечно, не остались предъ нимъ за это въ долгу.—Въ настоящее время подобные случаи встрѣчаются все рѣже и рѣже, такъ что крестьяне видимо начинаютъ питать уваженіе къ суду, хотя и бываетъ, что тутъ же, на судѣ, истецъ, въ горячности, бранится съ отвѣтчикомъ и позволяетъ себѣ спорить съ самими судьями, защищая свое право. За то, съ другой стороны, крестьянинъ привыкъ и не претендуетъ, если его на судѣ и судья побранитъ, назоветъ его «дуракомъ», «глупымъ», или даже пригрозитъ отодрать.

Будучи крестьянами, судьи, конечно, знаютъ хорошо бытъ своего брата —крестьянина, знаютъ всякую крестьянскую нужду, какой у кого въ полѣ урожай, а на гумнѣ умолотъ, знаютъ даже, изъ за чего и какія бабы въ деревнѣ ссорятся и какой мужъ и за что бьетъ свою жену, какой крестьянинъ хорошъ и какой дуренъ, пьяница, лентяй, озорникъ, сутяга и клеветникъ, какому свидѣтелю можно вѣрить на слово и какому нельзя, кого нужно посѣчь, и кого можно безъ разоренія хозяйства, проучить рублемъ, штрафомъ, кого арестомъ, чиновьемъ.—Однако же, не смотря на это, въ рѣшеніяхъ судей выказывается нерѣдко совершенный произволъ, зависящій иногда единственно отъ какого нибудь штофа водки. «Гдѣ судъ, тамъ и не правда», говорятъ кре-

стьяне. Но тѣмъ не менѣе приводится слышать отъ нихъ же, что хотя волостной судъ подъ часъ и бываетъ не справедливъ, то, худо или хорошо, а дѣла кончаются въ немъ скоро. Кромѣ того, крестьяне довольны тѣмъ, что избавлены отъ поѣздокъ за нѣсколько соть верстъ въ города, гдѣ имъ приходилось иногда въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ платить по одному и тому же дѣлу значительныя деньги за одну гербовую бумагу и записаніе прошеній. «Самый лучшій судъ есть тотъ, говоритъ Бентамъ, который находится въ такой близости, что гражданинъ, отправившійся утромъ въ судъ, можетъ вечеромъ возвратиться домой съ готовымъ рѣшеніемъ суда». Волостные суды во многихъ мѣстностяхъ совершенно удовлетворяютъ этому требованію.

Крестьянскіе суды противъ виновныхъ членовъ общества употребляютъ слѣдующія взысканія: 1) выговоръ, 2) денежный штрафъ, 3) арестъ, 4) общественную работу и 5) тѣлесное наказаніе. Какіе роды наказаній преимущественно употребляются противъ извѣстныхъ преступленій—опредѣлить довольно трудно: въ одной волости за кражу, напримѣръ, назначается тѣлесное наказаніе, а въ другой денежный штрафъ или общественная работа и т. д.; даже въ одной и той же волости, въ одномъ и томъ же году, при одномъ составѣ суда, за кражу назначается преимущественно тѣлесное наказаніе, а при другомъ денежный штрафъ. Все зависитъ отъ того, какой взглядъ имѣютъ судьи на извѣстное преступленіе.—Выговоръ употребляется рѣдко, за маловажные проступки, какъ, напримѣръ, утружденіе начальства какою нибудь не основательною жалобою, и только въ отношеніи къ такимъ лицамъ, которыя пользуются извѣстнымъ почетомъ въ обществѣ, находились или находятся на общественной службѣ и т. п. Денежный штрафъ до 3 рублей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляется весьма часто, тогда какъ въ другихъ судьи, обыкновенно, избѣгаютъ его потому, что иному не чѣмъ заплатить не только штрафа, но и казенныхъ податей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ заводскихъ селеніяхъ, мѣра эта со всѣмъ не приложима. Въ мѣстахъ, болѣе населенныхъ, нежели Сибирь, людей дурнаго поведенія не беруть въ услуги, и это составляетъ уже для нихъ большое наказаніе; здѣсь же всѣ такъ нуждаются въ людяхъ, что по неволѣ должны брать ихъ безъ всякаго разбора. Въ такое именно положеніе поставлены заводскія селенія, гдѣ всякій день работаютъ сотни человѣкъ. Заводскія конторы, приступая къ найму рабочихъ, бываютъ вынуждены заплатить за каждаго подати за цѣлый годъ и, кромѣ того, снабдить его деньгами на обувь и платье, безъ чего онъ не въ состояніи и приняться за работу. Такимъ образомъ, всякій рабочій, прежде нежели преступить къ работамъ, состоитъ уже должнымъ заводскому управленію до 30 руб., что составляетъ почти 3-х мѣсячное его жалованье. Деньги эти выдаются при засвидѣтельствованіи контрактовъ, въ которыхъ говорится, что за каждый прогульный день взыскивается съ рабочаго двойная поденная плата. За тѣмъ, рабочій беретъ деньги и уходитъ. Въ случаѣ поимки, налагать на него штрафъ безполезно, потому что онъ и заводскому управленію не въ состояніи уплатить своего долга, взять же съ него нечего. Точно тоже должно сказать и относительно рабочихъ, нанимающихся къ частнымъ лицамъ: всѣ они, обыкновенно, состоятъ въ долгахъ у хозяевъ и если подвергать ихъ штрафу за нѣкоторые проступки, то это значитъ увеличивать только ихъ долгъ. При взысканіи штрафа по постановленіямъ суда, волостныя правленія очень рѣдко прибѣгаютъ къ продажѣ имущества виновнаго, не умѣя взяться за это дѣло и боясь отвѣтственности за ошибочную продажу. Вообще, относительно штрафа (въ насмѣшку—*штряка* или *стряка*), намъ до-

водилось не разъ слышать здѣсь тоже самое мнѣніе крестьянъ, какое еще прежде подмѣчено Якушкинымъ у крестьянъ Орловской губерніи: «вина твоя такая,—сѣчь тебя не за что; сажать тебя на хлѣбъ на воду—тоже вина малая; дѣлать съ тобой не чего, вотъ и штряхъ! Какъ стряхнуть твою мошну, вотъ ты и знай... лучшебъ ужъ больше провинился: наказали бъ, да и пустили; а штряхи то эти другому на цѣлый вѣкъ отзовутся.» * Арестъ до 7 дней («высидка въ каталажкѣ» или «чижовкѣ») считается неудобнымъ потому, что эта мѣра взысканія отнимаетъ у крестьянина иногда ни чѣмъ не оцѣнимое время и отвлекаетъ его отъ домашнихъ занятій,—слѣдовательно, разоряетъ его. Къ общественнымъ работамъ не представляется иногда возможности присуждать по той простой причинѣ, что такихъ работъ нѣтъ, а потому, въ большинствѣ случаевъ, къ нимъ и приговариваются только гулящія бабы и дѣвки, которыя, вслѣдствіе того, моютъ полы въ волостныхъ правленіяхъ и метутъ улицы. По всѣмъ этимъ причинамъ и такъ какъ въ каждомъ обществѣ много такихъ личностей, которымъ рѣшительно ни почемъ ни штрафы, ни аресты, ни общественныя работы,—крестьянскіе суды чаще и охотнѣе всего за болѣе значительныя преступленія присуждаютъ къ наказанію розгами. Къ этому способствуетъ еще самая легкость исполненія подобнаго рода приговоровъ и всеобщее убѣжденіе кресльянъ, что розги самое лучшее средство къ исправленію. «Розги не мука, а впередъ наука», говорятъ они. «Безъ розогъ обойтить со всѣмъ нельзя, слышали мы отъ многихъ, потому что нынѣ народъ сталъ озарникъ; иной ни штрафу, ни аресту совсѣмъ не боится».—«Какъ можно обойтись безъ розогъ? говорилъ намъ одинъ судья: иного ты ни чѣмъ не урезонишь, такъ вотъ и лѣзетъ на стѣну; ну а какъ розгами—то его маленько постегаешь, онъ дѣлается мало—мальски по натуральнѣе.»—Однако-же, должно замѣтить, что здѣсь часто встрѣчаются такія личности, которымъ розги рѣшительно ничочемъ. На Барнаульскомъ заводѣ были такіе люди изъ числа приписныхъ рабочихъ, которые въ разное время вынесли до 10 т. шпицрутеновъ Двое изъ нихъ, Астапинъ и Калпаковъ, въ Январѣ м. 1866 г., убили человѣка для того только, чтобы украсть 4 воза сѣна,—по самой дорогой цѣнѣ на 2 рубли. Спрашивается, что значатъ розги для подобныхъ людей? Въ 1866 г. Сузунскій волостной судъ приговорилъ одного мастероваго къ самой высшей мѣрѣ наказанія розгами—20 ударами. Волостной старшина сейчасъ же приступилъ къ исполненію рѣшенія; но когда мастеровой услышалъ, въ чемъ оно состоитъ, то сталъ упрашивать, чтобы отложили наказаніе, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока состоится до десяти такихъ рѣшеній:ему, изволите видѣть, гораздо пріятнѣе за одинъ разъ выдержать наказаніе, нежели безпокоиться и снимать штаны для такихъ пустяковъ, какъ 20 розогъ! По всему этому, наказаніе розгами здѣсь вообще бываетъ не легко, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже жестоко. Въ Декабрѣ м. 1863 г. Змѣиногорскій волостной старшина Турбинъ и сельскій староста Кленниковъ наказали безвинно 10 человѣкъ обывателей, давъ имъ отъ 30 до 300 ударовъ каждому. Въ Маѣ м. 1865 г. сельскій староста д. Бѣлянинной, Кузнецкаго округа, Опаринъ съ обществомъ за недоказанную кражу 12 руб. у крестьянина Карманова наказалъ двухъ дѣвокъ Ефросиньею Балахнину и Александру Елгину и при томъ такъ жестоко, что, по освидѣтельству, Елгина была изсѣчена отъ спины до пятъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на ногахъ, кожа висѣла клочками. Ее привязывали къ столбу и наказывали четыре раза, давая каждый разъ отъ 30 до 50 ударовъ. Елгина была беременна и вскорѣ послѣ того родила

*) Совр. 1863 г. т. XCIV. Великъ Богъ земли русской стр. 46.

мертваго ребенка.—Иногда сѣкутъ разомъ цѣлые десятки виновныхъ. Такъ, въ Сентябрѣ м. 1867 г., Алтайскій волостной судъ, Бійскаго округа, наказалъ 20 человѣкъ крестьянъ с. Новотырышкинскаго за пьянство и взятіе съ новоселовъ самовольно 100 руб, за дозволеніе приселиться къ ихъ селенію. Каждому изъ наказанныхъ, если вѣрить ихъ жалобѣ, было дано по 50, 60 и болѣе ударовъ, хотя въ книгѣ на записку рѣшеній волостныхъ судовъ это число уменьшено до 15.—Иногда волостной судъ наказываетъ крестьянъ розгами, какъ кажется, единственно для компаніи съ другими. Въ Апрѣлѣ м. 1871 г, сотникъ Зыряновскаго волостнаго правленія Быковъ, вмѣсто того, чтобы карауллть взятыхъ для вытрезвленія 3-хъ человѣкъ обывателей, пропьянствовалъ самъ съ ними цѣлую ночь. Волостной судъ приговорилъ къ наказанію за это розгами не только Быкова, но и двухъ другихъ сотниковъ, его товарищей, за то, что они, будучи трезвы, не удержали отъ пьянства Быкова.—Какъ бы то ни было, по понятію народа, наказаніе розгами признается наиболѣе удобнымъ, а самымъ обезчещивающимъ наказаніемъ считаются розги въ соединеніи съ «страмотою,» т. е. когда наказаннаго водятъ еще по улицамъ. Такъ въ Маѣ 1866 г. обыватель Зыряновскаго рудника Данила Шамшинъ, за кражу бумажника съ деньгами у приказчика Горбашева, приговоренъ былъ волостнымъ судомъ къ наказанію 20 ударами розогъ, съ тѣмъ, чтобы его въ теченіи двухъ праздниковъ водить по селенію со знакомъ «воръ.»

Между инородцами Томской губерніи, какъ, напримѣръ, Черневыми татарами и Телеутами, судебныя разбирательства производятся обществомъ, съ эсауломъ во главѣ.—Здѣсь особенно строго и ощутительно для кармана наказывается воровство. Если, напримѣръ, отыщутъ преступника, укравшаго улей съ пчелами или вырѣзавшаго медъ изъ улья на сумму 3 р., то онъ поплатится за это ни какъ не менѣе 20 р., а именно: 9 руб. (втрое) потерпѣвшему отъ воровства, четыремъ человѣкамъ, такъ называемымъ *хожанымъ* за башлыкомъ свидѣтелями и проч. по 3 р. (12 р.) и всему обществу за хлопоты и потерю времени вина на 9 руб. Такой приговоръ сей часъ же приводится въ исполненіе или взносомъ денегъ, или продажею скота, или же, наконецъ, отдачею любителя чужой собственности на годъ въ работники достаточному инородцу. Кромѣ финансовой тяжести, воръ подвергается еще другому наказанію. Украденныя вещи или части ихъ,—напримѣръ, отъ зарѣзаной коровы голова, привѣшивается вору на шею, и его окружаетъ толпа народа, предшествуемая впереди верховымъ, за которымъ слѣдуетъ инородецъ съ печной заслонкой на шеѣ и бьетъ дробь въ родѣ барабана, по бокамъ вора два экзекутора съ прутьями, сзади второй верховой. Вся эта группа проходитъ по всѣмъ улицамъ улуса и останавливается предъ каждымъ домомъ, гдѣ похититель долженъ предлагать хозяину дома купить у него краденое и выхвалять свой товаръ. На подобныя комедіи особенно изобрѣтательны Телеуты.

Выше мы видѣли, что крестьянскіе суды подвергаютъ тѣлесному наказанію не только мужчинъ, но и женщинъ. Считаемъ необходимымъ прибавить, что приведенные нами примѣры наказанія женщинъ не суть исключенія. Въ Бѣлоярской волости, Барнаульскаго округа, наказаніе розгами женщинъ за распутное поведеніе весьма нерѣдко.

Тѣлесное наказаніе отмѣняется по старости, болѣзни, беременному состоянію женщины и т. п. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, оно замѣняется штрафомъ. Беременныя женщины освобождаются и отъ общественныхъ работъ.

Понятія о чести и безчестіи въ нашемъ народѣ весьма темны сбивчивы. Съ одной стороны, онъ принимаетъ каждое слово за оскорбленіе; съ другой—нѣтъ такого оскорбленія, которое нельзя бы было загладить деньгами. Самымъ тяжелымъ оскорбленіемъ для мужчины считается отрѣзаніе или вырваніе у него бороды, а у женщины косы; между тѣмъ, за эти оскорбленія крестьяне сплошъ и рядомъ мирятся за деньги Если мировая не состоялась,—то за эти поступки полагается, большею частію, высшая мѣра наказанія розгами.—Воровство, считается, конечно, поступкомъ безчестнымъ, но различія относительно воровства другъ у друга, у общества, у казны—не дѣлается, а потому наказаніе за воровство, большею частію, полагается одно и то же, а именно: въ однихъ мѣстностяхъ наказаніе розгами, а въ другихъ же денежный штрафъ.

Въ случаѣ рѣшенія дѣла міромъ, на сходкѣ, приговоръ объявляется сельскимъ старостою или старшиною, который тутъ же приводитъ его и въ исполненіе посредствомъ десятскихъ. Рѣшенія волостныхъ судовъ, по записьѣ ихъ въ книгу, объявляются писаремъ, а приводятся въ исполненіе волостнымъ старшиною. Иногда, впрочемъ, исполненіе приговоровъ на мѣстѣ поручается сельскимъ старостамъ или старшинамъ.

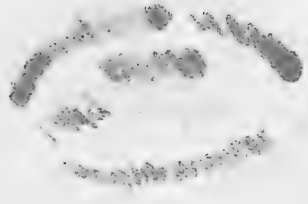
Волостные суды въ рѣшеніяхъ своихъ руководствуются, большею частію, мѣстными юридическими обычаями; но относительно волостныхъ расправъ этого сказать нельзя: въ большинствѣ случаевъ, онѣ держатся устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, XII т. св. зак. ч. II, хотя нѣкоторыя положенія этого устава иногда несогласны съ мѣстными обычаями.

Власть главы семейства, (кто бы онъ ни былъ—все равно—дѣдъ, отецъ, дядя, старшій братъ) относительно наказанія другихъ членовъ семейства, распространяется только на несовершеннолѣтнихъ и выражается, обыкновенно, въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Неотдѣленный сынъ наказываетъ своего сына, безъ разрѣшенія своего отца, главы семейства; но другіе члены семейства не могутъ этого сдѣлать, безъ разрѣшенія главы семейства. Прибѣгать къ наказанію совершеннолѣтнихъ членовъ семейства глава его, по народнымъ обычаямъ, не можетъ. По крайней мѣрѣ, крестьянскіе суды считаютъ это самоуправствомъ и подвергаютъ за это виновныхъ отвѣтственности. Въ Ноябрѣ м 1872 г. крестьянинъ Бѣлоярской волости Тимофей Юдинъ побилъ невѣстку свою Лукерью за распутное поведеніе. Лукерья пожаловалась волостному суду и онъ, принимая во вниманіе, что если бы даже дурное поведеніе просительницы и было доказано, то это все таки не давала свекру право распоряжаться съ нею самому, приговорилъ взыскать съ Юдина въ пользу Лукерьи 1 руб. сер. и оштрафовать въ пользу мірскаго капитала 1 р.—Въ Іюнѣ 1869 г. крестьянинъ Александръ Галактіоновъ жаловался Бухтарминскому волостному суду, что свекровь его дочери Елены Александровой, Дарья Хавкунова, бьетъ безъ всякаго дѣла ее, Елену, а мужъ Дарьи, свекоръ его дочери, ни чего не смотритъ за женою и дозволяетъ ей самоуправствовать.—Такъ какъ справедливость этой жалобы подтвердилась двумя свидѣтелями, то судъ приговорилъ: свекровь за самоуправство оштрафовать 1 р. 50 коп., а свекра за потачку женѣ 50 к.—Въ Маѣ м. 1872 г. Алейскій волостной судъ, разбирая жалобу крестьянки с. Красноярскаго Татьяны Другової на притѣсненія, дѣлаемыя ей свекромъ ея Александромъ, рѣшилъ: обязать Александра Другова не стѣснять сноху свою и не наносить ей безвинно побоевъ; въ случаѣ же какой либо вины ея, взысканіе съ нея долженъ дѣлать мужъ, а послѣдняго обязать, чтобы жена его была всегда въ повиновеніи и послуша-

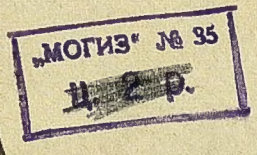
ніи у свекра, «если его приказанія не будутъ превышать силъ женщины.»— Если отецъ наказываетъ сына въ волости, то, по приговору суда, ему назначается только 20 розогъ, но самъ отецъ можетъ прибавить.« На то отцовская воля есть, говорятъ крестьяне, и ни кто перечить ей не долженъ.»

Вообще говоря, сельскія общества Томской губерніи не предпринимаютъ почти ни какихъ мѣръ къ устраненію и прекращенію преступленій. Причины этому заключаются отчасти въ равнодушіи жителей къ совершающимся преступленіямъ, отчасти въ невозможности предусмотрѣть и предотвратить ихъ. Впрочемъ, если случается какое нибудь преступленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ,—напримѣръ, бродяги перерѣзали въ извѣстномъ селеніи цѣлое семейство и т. п.,—общества оставляютъ свое равнодушіе, дѣлаютъ облавы, учреждаютъ въ извѣстныхъ мѣстахъ ночные разъѣзды и караулы; но пройдетъ нѣсколько времени, изгладятся первыя впечатлѣнія страха и опасности,—и все принимаетъ опять свое обычное, ни чѣмъ невозмутимое, спокойствіе. То же самое должно сказать въ частности и относительно мѣръ противъ заразы скота, повальныхъ болѣзней и другихъ общественныхъ бѣдствій. Крестьяне неисполняютъ или исполняютъ очень рѣдко медико—полицейскія распоряженія и оттого, напримѣръ, проходитъ рѣдкій годъ, чтобы скотъ невалился у нихъ тысячами. Средство, употребляемое ими повсемѣстно противъ отвращенія этаго бѣдствія, разведеніе у паскотины или въ концѣ улицы, а иногда даже и при домѣ такъ называемаго «деревяннаго огня,» добытаго посредствомъ тренія дерева объ дерево, служитъ нерѣдко только поводомъ къ пожарамъ. Такъ, въ 1871 г. въ с. Большебарандатскомъ, Маріинскаго округа, произошелъ пожаръ именно отъ такого огня. Одинъ польскій переселенецъ развелъ его у себя въ хлѣву и, неоставивъ ни кого наблюдать за нимъ, отлучился куда-то по домашнимъ дѣламъ. Въ Каинскомъ округѣ, на Барабѣ, во время скотской чумы, кладутъ на воротахъ пласть дерна, лечатъ скотъ свиною желчью; для предохраненія отъ заразы впускаютъ ему въ рога чрезъ просверленную дирочку капли ртути; привѣшиваютъ къ рогамъ кусокъ вонючей камеди; даютъ коровамъ лизать толченую соль, насыпанную на кожу, снятую съ чумнаго животнаго и т. п. Трудно убѣдить кого нибудь, что эти средства не могутъ принести ни какой существенной пользы, а иногда даже и вредны.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА



10
32 Ав
21/IX 48

МК
Антикварный отдел
№ 31399

„МОГИЗ" № 35
Ц. 2 р.